РЕКС СТАУТ

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ЭЛЛЕРИ КУИН

БИБЛИОТЕКА
КЛАССИЧЕСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО
ДЕТЕКТИВА

Последний удар
Эллери Куин

Эллери Куин. Последний удар
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
КНИГА ПЕРВАЯ
За четверть века до... январь 1905 года
КНИГА ВТОРАЯ
Вторник, 24 декабря 1929 года, сочельник
Первый вечер: среда, 25 декабря 1929 года
Второй вечер: четверг, 26 декабря 1929 года
Третий вечер: пятница, 27 декабря 1929 года
Четвертый вечер: суббота, 28 декабря 1929 года
Пятый вечер: воскресенье, 29 декабря 1929 года
Шестой вечер: понедельник, 30 декабря 1929 года
Седьмой вечер: вторник, 31 декабря 1929 года
Восьмой вечер: среда, 1 января 1930 года
Девятый вечер: четверг, 2 января 1930 года
Десятый вечер: пятница, 3 января 1930 года
Одиннадцатый вечер. суббота, 4 января 1930 года
Двенадцатый вечер: воскресенье, 5 января 1930 года
...И крещенье: 6 января 1930 года

...И после
КНИГА ТРЕТЬЯ
Двадцать семь лет спустя: лето 1957 года
На другой день
И еще через день...
...Продолжение и окончание

Эллери Куин
Последний удар

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Клер и Джон Себастианы — богатая молодая пара. Их потомство поставило перед Эллери Куином задачу, к окончательному решению которой он пришел только через двадцать семь лет.

Доктор Корнелиус Ф. Холл — таинственный врач, который был свидетелем рождения и смерти, скрываемых с равной тщательностью.

Эллери Куин — молодой человек двадцати пяти лет. Впервые самостоятельно расследуя убийство, он распутал сложнейший клубок улик, но свойственная молодости неуверенность заставила его усомниться в собственном решении — на двадцать семь лет.

Джон Себастиан — молодой человек тоже двадцати пяти лет. Поэт, любитель эффектных поз и сюрпризов — но среди подарков, полученных им на Рождество, были и такие сюрпризы, на которые даже он не рассчитывал.

Артур Б. Крейг — выдающийся мастер печатного дела и опекун Джона Себастиана. В его загородном особняке и происходили роковые празднества.

Расти Браун — очаровательная рыжеволосая художница, дизайнер по одежде и украшениям в авангардистском стиле, а также властительница сердца Джона.

Миссис Оливетт Браун — мать Расти, страстная любительница спиритических сеансов. Ее «магический кристалл» показал тайну, которую, как считал Джон Себастиан, знал только он один.

Эллен Крейг — миленькая студенточка из Уэлсли, племянница Артура Б. Крейга. Она преследовала Эллери почти с тем же рвением, с каким тот преследовал убийцу.

Валентина Уоррен — начинающая актриса. Свою лучшую роль она надеялась сыграть перед Джоном Себастианом.

Мариус Карло — сердитый молодой музыкант, имевший виды на художницу.

Доктор Сэм Дарк — старый семейный врач, во время вынужденного отпуска ставший патологоанатомом по совместительству.

Дэн З. Фримен — издатель Эллери, обладавший кротким нравом. Его рождественские праздники были омрачены угрозой неминуемого падения «Дома Фримена».

Роланд Пейн — семейный адвокат с безупречными манерами и небезупречным прошлым.

Достопочтенный Эндрю Гардинер — кроткий пастырь, обнаруживший черную овцу в своем стаде.

Лейтенант Луриа — неглупый и решительный полицейский, по велению которого праздники растянулись на две недели.

Сержант Девоу — симпатичный патрульный, которому в этом деле досталась роль сторожевого пса, что некоторым из дам пришлось даже по вкусу.

Инспектор Куин — Хотя в расследовании солировал Эллери, но как-то в полночь явился его отец и внес свой посильный вклад — который оказался сильнейшим потрясением для Эллери.

Сержант Вели — первый помощник инспектора Куина, явившийся прямо из Нью-Йорка с огорчительными сведениями — и неопровержимыми доказательствами.

КНИГА ПЕРВАЯ

Предельная допустимая скорость для автомобильного транспорта
В районах тесной застройки — 10 миль в час. В деревнях и городах вне зон тесной застройки — 15 миль в час.
Вне населенных пунктов — 20 миль в час.
Из «Свода законов штата «Нью-Йорк» 1904 года

За четверть века до… январь 1905 года

Глава Первая, в которой дама в интересном положении попадает в беду вследствие природного катаклизма и упрямства собственного мужа

Новый год начался для Клер Себастиан очень радостно. Ребенок был на удивление подвижен, — «Уж не жеребенок ли там, а, Джон?» — и когда им с мужем удавалось уединиться в спальне своего номера, она даже позволяла мужу потрогать живот, как там малыш шевелится и брыкается во чреве. В ту неделю они частенько смеялись вместе.

Мысль съездить в Нью-Йорк на Новый год и прихватить еще несколько дней, чтобы хорошенько «встряхнуться», подал Джон. «Я же знаю, как ты стосковалась по веселой жизни — еще бы, столько месяцев взаперти просидела в этом Ри, — заявил он Клер. — По-моему, тебе надо развеяться напоследок, перед тем как набросить на себя тяжкие узы материнства».

Клер же втайне полагала, что в ее состоянии погружаться в вихрь светских удовольствий в

Нью-Йорке довольно рискованно. Однако она нарочито отвернулась от собственного распухшего отражения в зеркале.

На нее накатила волна приятного легкомыслия. Ну и пусть эти нью-йоркские типчики любуются!

До среды, 4 января, «встряска» шла просто великолепно. Джон снял люкс в «Уолдорфе» и на все время праздников решительно послал к черту все дела фирмы «Себастиан и Крейг». «Эта неделя принадлежит тебе, дорогая, — уверял он. — Издательство и Артур Крейг как-нибудь перебьются несколько дней без меня». При этом он учтиво целовал ее. Клер даже покраснела: все так напоминало медовый месяц. «Джон, да ты прямо-таки помешался на поцелуях, — усмехнулась она. — Может, нам еще и потанцевать под этот жуткий рэгтайм?» Но заходить так далеко Джон решительно отказался.

Но эту потерю Клер не успела ощутить. Новый год они встречали в шикарном доме одного из друзей мужа, издателя, среди литературных знаменитостей. Беседа и шампанское не уступали друг другу в искрометности. Кто-то даже поинтересовался мнением Клер о бестселлерах сезона: «Переправе» Уинстона Черчилля, «Юном пастыре

Царствия Небесного» Джона Фокса-младшего, «Ребекке с фермы Саннибрук» миссис Уиггин — а также о молодых авторах, таких, как Джек Лондон, Джордж Бэрр МакКатчен, Линкольн Стеффене и Джозеф К. Линкольн. Клер нечасто доводилось участвовать в изысканной нью-йоркской жизни мужа, так что этот вечер прошел для нее исключительно блестяще.

По настоянию Джона завтрак ей подавали в постель; сам же он в это время проглядывал газеты, читая ей вслух самые интересные места. Клер казалось, что весь мир отмечает появление ее ребенка какими-то особыми событиями. За последними днями осады Порт-Артура она следила так, будто сама лично в ней участвовала. Когда утром второго января газеты сообщили, что русский генерал Стессель сдает крепость генералу Ноги, ее поразил мрачный тон мужа. «Мы еще нахлебаемся с этими наглыми японцами, помяни мое слово». Клер решила, что это он специально, чтобы испортить ей настроение. Но когда он прочел ей предложение президента Рузвельта — великолепно подражая лающему голосу Тедди — ставить к позорному столбу и подвергать порке тех, кто избивает своих жен, она не могла удержаться от смеха.

Обедали они у «Рейзенвебера», каждый вечер посещали театр и ужинали за полночь у «Дельмонико». Под Новый год они посмотрели Сатерна и Марлоу в «Ромео и Джульетте», в понедельник — г-жу Фиск в «Гедде Габлер», а во вторник, несмотря на то, что к полудню начался сильный снегопад, им удалось полюбоваться Дэвидом Уорфилдом в «Учителе музыки».

Днем Клер ходила по бродвейскнм магазинам. У «Арнольда Констебла» она с чувством исполненного долга купила несколько платьев особого покроя для последних месяцев беременности, но уже у «Лорда и Тейлора» на Пятой авеню и у «Б. Альтмана» на Шестой она отбросила всяческое благоразумие и пустилась во все тяжкие по части покупок «на потом». Тут были и нижние юбки из тафты, шуршащие как морская пена, и наимоднейшие короткие юбки, дерзновенно приоткрывающие самый кончик туфли — это был «последний писк», — и неотразимые лайковые ботинки на высоком каблучке, прелестных пастельных тонов, предназначенные для повседневной носки, и надлежащее количество валиков, хитроумно выполненных из проволоки, без которых просто невозможно соорудить прическу «помпадур», и даже новейшие длин-

ные шляпные булавки, которые, по уверениям продавщицы из «Альтмана», куда элегантнее, чем обычные короткие, и, само собой разумеется, множество платьев.

— Ты не сердишься? — с волнением спросила она мужа. Но тот только рассмеялся и еще раз поцеловал ее.

В общем, все было божественно. А потом началась метель.

Снегопад, сквозь который их такси еле пробилось во вторник вечером, свирепствовал всю ночь. К утру в «Геральд» появились сообщения, что город парализован и что весь транспорт, идущий в Нью-Йорк или из Нью-Йорка, остановлен. Из многих поездов пришлось эвакуировать пассажиров, а сами поезда оставить в глубоких заносах. Лонг-Айленд был отрезан от внешнего мира.

В среду Себастианы не выходили из «Уолдорфа». Праздничное настроение покинуло Джона. Когда стало ясно, что билеты у них пропали — а они собирались на Джона Февершема в «Летти», — он заказал бутылку ржаного виски «Ред Топ» и мрачно пил весь вечер. Клер впервые пожалела, что они не остались в спокойненьком Ри.

К утру четверга город начал потихоньку вы-

капываться из-под снега. За завтраком Джон оставил Клер и довольно долго не возвращался в номер. Вернувшись, он решительно сказал:

— Я забираю тебя домой.

— Ладно, Джон, — спокойно сказала Клер. — Поезда ходят?

— Нет пока, и неизвестно, когда начнут. Может пойти дождь, и все превратится в ледяную слякоть. Вот тогда нам не позавидуешь.

Он не сказал ей, почему на самом деле он хочет как можно быстрее вывезти ее из города: сообщали, что комиссар полиции Макэду запросил подкрепление в полторы тысячи человек, поскольку не уверен, что его люди справятся с волной грабежей, захлестнувшей верхний Вест-Сайд.

— Чем раньше мы отправимся, тем лучше.

— А как сюда попали?

— Но, Джон, как же мы попадем домой?

— На авто? — Клер побледнела. — Как же можно, Джон? Дороги…

— На сей счет не беспокойся. Наш «пирс» везде пройдет. — От крупной фигуры мужа исходила уверенность. — Одевайся, милая, и собирайся. Мы едем немедленно.

Клер покорно встала с кровати. Она знала, что с

мужем насчет его любимых автомобилей лучше не спорить.

Но она была в ужасе. Ей так и не удалось преодолеть свой страх перед безлошадными экипажами, хотя всякий раз она упорно стремилась изобразить полнейший восторг. Муж продал свой двухместный «хейнс-апперсон»: для него это авто было слишком тихоходным. Ныне у них был «пирс-грейт-эрроу» с задним ходом. За эту машину он заплатил четыре тысячи долларов. У нее был двигатель в тридцать две лошадиные силы, переключатель скоростей находился прямо на рулевой колонке, имелись газовые фары и специальный ящик для инструментов под передним сиденьем. Но и это было для мужа недостаточно современно. Он только что приобрел один из знаменитых «паровичков» Уайта — автомобиль, известный под названием «Билли-свистун» и способный развивать скорость свыше мили в минуту. Про себя Клер благодарила Бога, что для этой поездки в Нью-Йорк Джон выбрал «пирс».

Она в ожидании стояла на тротуаре перед «Уолдор-фом», пока муж руководил загрузкой багажа, в том числе и ее покупок, в заднюю дверь «грейт-эрроу». По частично расчищенной улице автомобиль осторожно объезжали повозки и

пролетки. На перекрестке 34-й улицы и Пятой авеню верховой полицейский из организованной только в сентябре прошлого года конной полиции Нью-Йорка пытался навести порядок в скоплении буксующего транспорта. Больше автомобилей в пределах видимости не было.

Клер дрожала в своей меховой шапочке и тяжелой «автомобильной» куртке. Джон насвистывал любимую песенку «Беделия», словно ничто в целом мире его не тревожило.

В машине он укутал жену в меховую полость, поднял и закрепил прорезиненный верх автомобиля, надвинул защитные очки поверх кепки с козырьком, бросил коридорным доллар, и, поскольку мотор работал уже полчаса и успел разогреться, они тронулись в путь.

Этот день — 5 января 1905 года — кульминационный день всей тридцатидвухлетней жизни Клер Себастиан — был сплошным кошмаром, состоявшим из мерзкого запаха бензина, ужасных застывших картин вдоль дороги и самой дороги, скользкой и ежеминутно грозящей гибелью. И хуже всего была лихорадочная веселость Джона Себастиана. Как будто все — и огромные сугробы, похожие на застывшие в полете крылья белой птицы, и предательские выбоины, и экипажи,

брошенные на городских улицах и окрестных дорогах, и отчетливо видимые кое-где застывшие ноги мертвых лошадей — было намеренно брошено на пути Себастиана, вызывая его на битву. И он сражался с ними, мощный и алощекий, с яростной решимостью человека, который уверен, что его сила и его воля неминуемо восторжествуют. Беременная женщина сжалась возле мужа в комок, дрожа под всеми своими мехами, то со страхом глядя сквозь схваченные льдом очки, то тщетно натягивая шерстяной шарф на онемевшее лицо… полумертвая от холода и голода и вконец потерявшая присутствие духа.

Себастиан же, казалось, был удручен лишь тем, что из-за непогоды лишился стольких удовольствий. Он выкрикивал проклятья злым стихиям, вынуждавшим их пропустить завтрашний показ «Аиды» с участием мадам Нордика, Скотти и этой новой итальянской звезды, Энрико Карузо, который, по словам критиков, «принял восторженное преклонение всей Америки в наследство от Жана де Рецке». Среди прочего Себастиан страстно увлекался оперой и театром. «Это единственное его увлечение, — размышляла Клер, — которое я всем сердцем разделяю». И несмотря на все свои страдания, она подумала о вечернем платье,

которое должна была надеть в оперу, — розовый атлас, с отделкой из кораллов и вставками из черного бархата, украшенный тиарой и ниткой жемчуга, — и искренне посочувствовала мужу и себе самой.

Как только они съехали с Бронксовского шоссе на Бостонский почтовый тракт, хлынул дождь. Клер схватила мужа за руку.

— Джон, дальше ехать нельзя! — воскликнула она сквозь стук мотора. — Мы непременно перевернемся!

— Где нам остановиться, по-твоему? — проревел он в ответ. — Не бойся, Клер, все будет нормально. Наш «пирс» везет нас просто классно, да? К вечеру будешь дома.

Еще засветло ему пришлось остановиться и зажечь фары. Дальше они ползли со скоростью пять миль в час. Клер чувствовала, как скользили и прокручивались колеса «грейт-эрроу», стремясь хоть как-то сцепиться с быстро леденеющим снегом.

Себастиан перестал вдохновенно ругаться. Он вообще ничего не говорил.

Прошло немало времени, прежде чем Клер открыла глаза. «Пирс» стоял возле старой конюшни невдалеке от небольшого каркасного дома. На

ветру мерцали керосиновые штормовые фонари. Она бессмысленно смотрела, как ее муж вышел из авто и с трудом, проваливаясь в снегу, доковылял до входной двери. Он барабанил до тех пор, пока дверь не открылась и оттуда не выглянул донельзя удивленный человек в рваном свитере. Клер услышала, как муж прокричал:

— Я там увидел вашу табличку. Мне нужен бензин. Не продадите? — Она увидела, как человек кивнул в ответ. — А жене не повредила бы чашка горячего кофе и бутерброд.

Джону пришлось внести ее в кухоньку, заполненную клубами пара. Кухонька была грязноватая, обсиженная мухами еще с прошлого лета, но Клер казалось, что ей в жизни не доводилось бывать в столь блаженном месте. Она прильнула к печурке свекольного цвета, прихлебывая обжигающий кофе, казавшийся ей на вкус чем-то вроде амброзии, заваренной на грязи. Она чувствовала, как ее тело постепенно возвращается к жизни. Она услышала слабый голос и тут же поняла, что говорит она сама:

— Бедный малыш! Ты еще здесь? — Она рассмеялась от нелепости сказанного и с тревогой ощутила, что сейчас с ней произойдет истерика. Она намеренно сделала большой глоток — и все

глупости буквально выжгло на ходу.

Мужчины вернулись как-то слишком скоро. Джон поспешно выпил кофе, и она поняла, что сейчас все начнется сначала.

— Нам обязательно ехать? — Она старалась унять дрожь в голосе: Джон терпеть не мог трусливых женщин. — Я бы лучше осталась здесь, чем снова туда… Это так опасно, Джон. Если ты не думаешь о себе, обо мне, подумай хотя бы о ребенке.

— Ни с тобой, ни с ребенком ничего не случится.

Человек в рваном свитере сказал:

— Так у вас жена в положении? Лично я бы сегодня и козла на улицу не выпустил. Так что, дамочка, здесь, конечно, не резиденция миссис Астор, но моя кровать всегда в вашем распоряжении.

— Вы очень добры, — тихо сказала Клер. Она знала, что все это бесполезно. Всякое сопротивление, несогласие только распаляли мужа, прибавляли ему упрямства и злобы.

— Клер, ты готова?

— Мистер, да вы свихнулись! — воскликнул конюх.

Джон Себастиан швырнул несколько монет на

кухонный стол, ухватил жену под руку и повлек во тьму. Он молча втиснул ее обратно в «пирс» и, усевшись рядом с ней, процедил:

— Сегодня ты будешь спать в своей постели! Кроме того, не затем я так много проехал, чтобы сейчас отступать.

«Вот-вот, — подумала Клер, — вот что для него самое главное — никогда не отступать, чем бы ни пришлось расплачиваться».

И на нее снова нахлынули разом все ее страхи. Укрывшись полостью, она бережно прикрыла живот руками.

Катастрофа произошла внезапно. Дождь перешел в мокрый снег, и слякоть покрылась корочкой льда. «Грейт-эрроу» замер на вершине подъема, как бы в раздумье, накренился и сам по себе покатил вниз.

У Клер напряглись все мускулы. Глядя во тьму безумными глазами, она уперлась в днище. Огромный «пирс» в тошнотворном темпе набирал скорость. Джон Себастиан яростно вертел беспомощную баранку в разные стороны.

Потом их стало заносить.

Клер вскрикнула:

— Джон!

Это был последний звук, который Себастиан

услышал до удара.

Ему казалось, что кто-то изо всех сил бьет его по голове. От боли он очнулся и оказался в ледяной тьме. Его выбросило из машины. Он лежал на сугробе возле дороги. Должно быть, он уже пролежал там какое-то время: дождь прекратился, в небе светила луна. Он уселся на снегу и обхватил голову руками. Но пульсирующая боль не отпускала. Он, шатаясь, поднялся на ноги и ощупал себя. Болело все, но вроде бы ничего не сломалось.

«Мне повезло», — подумал он.

И тут же вспомнил: «Клер!» Он принялся ошалело смотреть во все стороны.

Сначала он не мог разглядеть ее. «Пирс», как мертвое животное, лежал вверх колесами, наполовину съехав с дороги. Он ударился о большое дерево и перевернулся. По всей дороге были разбросаны их вещи, обновки Клер.

Потом он увидел ее. Она выпала из машины и оказалась под ней. Большая часть тела была свободна, но машина придавила ей левую ногу и бедро.

Она застонала.

— Клер! — воскликнул он с облегчением.

Он подобрался к ней, стараясь удержаться на

ногах.

Она была без сознания. На льду, в том месте, где она ударилась затылком, темнело пятно крови. Себастиан ухватился за автомобиль и изо всех сил потянул вверх. Ткань крыши примерзла ко льду. Ярость переполняла его. Он тянул, пока не почувствовал, как что-то треснуло и поддалось. Но тут он остановился: приподнять автомобиль и одновременно вытащить Клер из-под машины ему было не под силу.

— Клер. — Он посмотрел в ее наливающееся синевой лицо, стараясь не поддаться панике.

Потом он побежал по пустой дороге. Один раз он поскользнулся и тяжко рухнул. Правый локоть и бедро ожгло болью, но он поднялся и побежал дальше.

И по дороге, в нескольких сотнях футов, как по волшебству, показался усыпанный снегом белый частокол, несколько заиндевелых деревьев, а за ними — дом с горящим фонариком. У забора стоял железный столб, на столбе покачивалась черная табличка, а на ней в лунном свете блестели золоченые буквы:

КОРНЕЛИУС
Ф. ХОЛЛ. ДОКТОР МЕДИЦИНЫ.

Его охватила великая радость. Он рывком распахнул калитку, промчался по дорожке, оставляя в снегу глубокие следы, и замолотил в дверь доктора.

— Боюсь, что сломанная нога и травма черепа — еще не самое серьезное, мистер Себастиан, — сказал доктор Холл, невысокий медлительный человек лет сорока с жесткими рыжими волосами и усталыми карими глазами. — Ногу я вправил, рану обработал, хотя еще какое-то время степень сотрясения определить не смогу. Но это сейчас далеко не самое главное.

Джон Себастиан с трудом улавливал слова невысокого врача. Шум в голове перерос в какой-то глухой рев, сквозь который еле пробивались звуки реального мира. Едва ли он мог вспомнить, как они освободили Клер, как донесли до дома врача. Более двух часов, он, скрючившись, просидел в холодной гостиной перед угарной печкой, пока врач и его узкогубая молчаливая жена — он вспомнил заверения доктора, что она квалифицированная медсестра — колдовали над Клер за закрытыми дверями. Чашка чаю, которую дала ему миссис Холл, так и остыла в его руках.

— А главное? — задал он глупый вопрос.

Врач внимательно посмотрел на него.

— Мистер Себастиан, вы уверены, что с вами все в порядке? Я, пожалуй, осмотрю вас, пока есть возможность.

— Нет. Жена. Женой займитесь. Нечего тут рассусоливать! Что с ней?

— Травмы, шок от аварии — в общем, мистер Себастиан, это вызвало потуги. У нее будут преждевременные роды, — безрадостно сказал Холл. — Миссис Холл там готовит все необходимое. Извините.

— Стойте, стойте, я не понял, — пробормотал издатель. Один из рисунков в стиле Гибсона-Коллиера, развешанных по стенам, висел как-то косо, все отвлекал его… — Вы хотите сказать, что жена будет рожать? Здесь? Сейчас?

— Да, мистер Себастиан.

— Но это невозможно! Она не должна!

Белое лицо доктора Холла покраснело.

— Человек предполагает, а Бог располагает, сэр. Боюсь, у вас нет выбора.

— Я не позволю! — Кровь билась в висках Себастиана. — Ее личный врач… Ри… Где у вас телефон?

— У меня, мистер Себастиан, нет телефона, — сказал доктор Холл.

— Тогда автомобиль — сани — что угодно! Что-

бы всякому коновалу… Я отправляюсь за ним!

— Сэр, автомобиля у меня нет, а у саней полоз сломался сегодня, когда я возвращался от больного. Мой экипаж в сарае, но по такому льду ни вы, ни моя лошадь и пятидесяти ярдов не пройдете. — Маленький врач заговорил более решительно: — Каждая секунда, на которую вы меня задерживаете, мистер Себастиан, может стоить жизни вашей жене. Жена, конечно, ваша, но я бы предложил вам раздумывать не слишком долго.

Себастиан опустился в большое складное кресло. Доктор Холл угрюмо смотрел на него. Отворилась таинственная дверь. Миссис Холл весьма настойчиво позвала мужа:

— Доктор!

Себастиан перевел взгляд в ее сторону и дальше. Клер распростерлась на кровати как мертвая и как-то по-собачьи скулила. Миссис Холл исчезла. И снова дверь.

— Поспешите, мистер Себастиан. Так начинать мне или нет?

— Да, — прошептал издатель. — Вы ведь сделаете все возможное, доктор?

— Мистер Себастиан, поймите, ваша жена в крайне тяжелом состоянии.

— Понимаю. Ну, давай же, давай, иди к ней, ради Бога!

Прошла целая вечность.

Сначала Себастиану казалось, что у него голова лопнет, если крики не прекратятся, но, когда они стихли, он вдруг обнаружил, что молится об их возобновлении.

У него не было никаких сколько-нибудь связных мыслей. Все представало перед ним как в тумане — унылый фикус, олеографический портрет какого-то бородача над каминной полкой, дорожка с бахромой из шариков на пианино, стереоскоп с набором видов на столе, зеленые веревочные портьеры, за которыми скрыта убогая прихожая. Один раз оп даже встал с кресла и подправил рисунок «гибсоновской красотки», поскольку смотреть, как он косо висит, стало просто невыносимо. На стенах были и другие репродукции — динамичные сценки жизни Дикого Запада Фредерика Ремингтона, выполненные в оранжевых тонах. Но стоило ему на секунду отвернуться — и он уже не мог бы вспомнить, что на них изображалось.

Потом, как привидение, снова возник доктор Холл. Он подошел тихо, мелкими шажками, торопливо прихлебывая чай и поглядывая на

Себастиана поверх чашки. На халате у него были длинные красные полосы, будто ему спешно понадобилось вытереть о халат руки.

Себастиан завороженно смотрел на пятна.

— У вас сын, сэр. В один час девять минут утра. Поздравляю.

— Утра, — громко произнес Себастиан. — А день какой?

— Можно сказать, пятница, шестое января, уже ведь за полночь. — Говорил доктор Холл оживленно, но в усталых карих глазах таилась настороженность.

— Он, мистер Себастиан, очень маленький, я сказал бы, фунта на четыре.

— Где мы? — пробормотал издатель. — Где ваш дом расположен?

— На окраине Маунт-Кидрон, рядом с Пэлем-Мэнор… Четыре фунта — совсем неплохо для недоношенного, и мальчишка крепок, как доллар… Знаете, мистер Себастиан, как только мы закончим, мне следует вас серьезнейшим образом осмотреть.

— Маунт-Кидрон. — Себастиан отвел глаза от окровавленного халата. — Жена. Как жена?

— Сэр, при таких обстоятельствах я не должен скрывать истинное положение вещей, — скорого-

воркой отвечал доктор Холл. — Состояние вашей жены критическое. Фактически… В общем, сэр, я делаю все, что в моих силах.

— Да, — сказал Себастиан. — Да, о Боже мой!

— И еще, сэр, вам нужно знать — у нее будет второй ребенок.

— Что? Что ты сказал? — прохрипел Себастиан.

— Видите ли, первые роды ослабили ее до опасного предела. Вторые же… — Себастиану показалось, что рыжие волосы доктора сами собой разлетелись в разные стороны. Но нет, доктор просто качал головой. — Теперь постарайтесь расслабиться, а я пойду к пациентке. Вот, допейте-ка этот чай.

— Но это же убьет ее!

Себастиан вскочил, дергая себя за воротник. Его выкаченные глаза ослепительно сверкали.

— Будем надеяться, что не убьет, мистер Себастиан.

— Вырежьте из нее ребенка. Пусть он умрет. Ей, ей жизнь спасите!

— При том состоянии, в котором находится ваша жена, любое хирургическое вмешательство почти наверняка будет фатальным. Кроме того, ребенок идет естественным образом.

— Я хочу видеть жену.

Доктор Холл посмотрел на Себастиана печальными карими глазами.

— Мистер Себастиан, — отчетливо произнес он, — она не желает вас видеть.

И он снова ушел.

Себастиан рухнул в кресло, чувствуя, что теряет последние остатки самообладания. Он даже не замечал, что горячий чай льется из чашки, поданной врачом, прямо ему на колено.

«Близнец…»

«Будь он проклят».

«Она не хочет вас видеть…»

«Будь он проклят, проклят!»

Себастиан выпустил чашку из рук, она ударилась о каминную решетку и разбилась вдребезги. Длинная струя плеснула в огонь, который злобно зашипел.

Но он воспринимал только какой-то голос, упрекающий его в безрассудстве. Заламывая пальцы в пароксизме отчаяния, он сидел, раздавленный собственной виной.

Себастиан поднял голову.

— Ну? — хрипло спросил он.

Миссис Холл, во всей своей бесполой неприглядности, до невидимости сжав тонкие губы, осталась у закрытой двери. Рука ее, сжимающая

синюю дверную ручку из фарфора, была столь напряжена, что казалась обесцвеченной как старая кость.

Доктор Холл медленно подошел к сидящему. Он был без халата, в рубашке с засученными выше локтя рукавами. Его веснушчатые руки были сморщены и белы, как будто он только что долго и тщательно их мыл. Смывая с них смерть.

— Ну? — спросил Себастиан тоном выше.

— Мистер Себастиан, — маленький врач немного помолчал. — Второй сын, близнец, родился в два семнадцать…

— К черту его! Как жена?

Доктор Холл сказал деревянным голосом:

— Мне очень жаль, сэр. Она скончалась.

Последовала мертвейшая тишина.

— Если желаете посмотреть на нее…

Себастиан дважды резко мотнул головой.

— Тогда, может быть, младенцев… — сказал врач.

— Нет. — Он вскочил на ноги. Лицо его закаменело. — Который час, пожалуйста?

Доктор Холл вынул из жилета никелированные часы.

— Две минуты пятого. — Он откашлялся и снова сказал: — Мистер Себастиан…

— Если вы волнуетесь об оплате, назовите сумму, я выпишу чек.

— Нет, сэр, не в этом дело…

— Свидетельство о смерти готово?

— Еще нет. Сэр…

— Составьте, пожалуйста. Я прослежу, чтобы похоронная служба приехала как можно скорее. Что же касается ребенка, я вынужден просить вас и миссис Холл принять на себя заботы о нем, пока я не организую его перевозку. Несомненно, врач миссис Себастиан пожелает прислать сюда квалифицированную сиделку для доставки ребенка в Ри.

— Ребенка? — доктор Холл моргнул. — Вы, конечно, хотели сказать, детей?

— Я сказал, ребенка, — повторил Джон Себастиан. — Первенца.

— Но, сэр…

— Доктор, моя жена родила мне только одного сына. Второй убил ее. Он не может быть мне сыном. Я не желаю о нем знать. Мне и так будет очень тяжело… даже с первым… — Он отвернулся.

Доктор Холл обменялся взглядами с женой через гостиную.

— Вы это серьезно, мистер Себастиан?

Себастиан засмеялся.

— Где тут можно одолжить или купить сани с лошадью?

— Как же вы можете, вот так вот взять и отвергнуть вашу собственную плоть и кровь?

— Где вам понять, — с презрением сказал издатель. — Этот гаденыш убил мою жену.

Доктор промолчал. У дверей осторожно шевельнулась миссис Холл.

— У вас, должно быть, есть какие-то намерения относительно… второго ребенка, — наконец произнес врач. — Как вы собираетесь с ним поступить?

— Я заплачу вам, чтобы он побыл у вас, пока мои поверенные не пристроят его куда-нибудь. Конечно, если вам это затруднительно…

— Нисколько не затруднительно, — мгновенно отреагировала миссис Холл.

— Нисколько, — воодушевленно подтвердил муж. — Возможно, мистер Себастиан, это и есть перст Судьбы. У нас с миссис Холл никогда не было детей. Мы от этого очень страдали. Если безвременная кончина миссис Себастиан на самом деле побуждает вас признать только перворожденного сына…

— Иными словами, миссис Холл и вы, доктор,

хотели бы оставить второго себе?

— Если вы отдадите.

Себастиан в сердцах махнул рукой.

— Он ваш. И пусть вам он принесет больше счастья, чем мне.

Миссис Холл негромко вскрикнула, а затем тихо, как мышь, исчезла.

— Это надо бы оформить по закону, — сказал доктор Холл. — Еще передумаете потом, а это было бы чересчур жестоко. Вы меня понимаете, сэр? Бумаги — вы должны дать нам бумаги.

— Получите вы свои бумаги. Я на него даже счет по доверенности открою. Все, что угодно, доктор, но в разумных пределах. При первой же возможности поговорю об этом с моими поверенными.

— Спасибо, мистер Себастиан. И от миссис Холл и от себя лично — большое спасибо!

— Да на здоровье, — сухо сказал Себастиан и, внезапно пошатнувшись, ухватился за спинку кресла.

— Мистер Себастиан! — Доктор Холл подскочил к нему.

— Нет, нет — все в порядке. Просто голова кружится… Нервы…

— Вам бы прилечь, сэр.

— Нет. — Себастиан овладел собой. — Вы не

ответили. Так где я могу взять сани?

Доктор Холл пристально посмотрел на него, потом пробормотал:

— Да, возможно, так лучше будет. По почтовому тракту около мили…

Пожилая горничная сказала плаксивым голосом:

— Мистер Себастиан, пришел мистер Манчи. Вам не следовало бы никого принимать. Позволили бы вы нам вызвать врача…

Лежащий в постели Себастиан отозвался:

— Кончайте зудеть и давайте сюда Манчи.

Это происходило днем 11 января 1905 года, в среду. Лежа в кровати с пологом на четырех столбах, Джон Себастиан мог видеть, как на берег Ри накатывают огромные волны, холодные, как холод в его душе. Холодные, как Клер… если бы она ощущала холод…

— Ну-с, мистер Себастиан, — раздался жизнерадостный голос.

— Заходи, Манчи, садись.

— Говорят, мистер Себастиан, вы больны. — Адвокат уселся возле кровати. — И они не преувеличивают. Вид у вас неважный.

Себастиану это не понравилось.

— Манчи…

— Насколько мне известно, у вас и до похорон были приступы головокружения, а потом они усилились. И за эти же пять дней у вас появились отчетливые провалы памяти. Почему вы не позволили вызвать врача?

— Не нужен мне врач! Манчи, я хочу составить новое завещание.

— Сейчас? — Адвокат явно был в замешательстве.

— Конечно, сейчас! Что, по-английски перестал понимать?!

— Не разумнее было бы, мистер Себастиан, подождать, пока вы не оправитесь окончательно после аварии?

— Намекаешь, что я недееспособен? — Себастиан гневно посмотрел на адвоката.

— Нет, нет, — поспешно сказал Манчи, открывая «дипломат». — Итак, какие именно изменения вам бы хотелось внести в существующее завещание, сэр?

— Оставьте без изменения суммы, завещанные мной слугам, сотрудникам «Себастиана и Крейга» и прочим. Но доход от основной части моего имущества — и имущества жены, когда закончится вся эта юридическая дребедень, и оно перейдет ко мне — будет принадлежать моему

сыну Джону. — Себастиан слегка приподнялся. — Вы знаете, Манчи, о каком сыне я говорю?

— Разумеется, — адвокат был изумлен. — Ребенок в детской, на попечении сиделки, и на вид — просто молодцом. — Он кашлянул. — Может быть, сэр, оставим все это на потом?

— Ребенок в детской, — пробормотал Себастиан. — Верно, Манчи, мой сын Джон. Мой единственный сын. Именно так и запишите: моему единственному сыну, запятая, Джону».

— «…единственному сыну, запятая, Джону», — пробормотал адвокат.

— Он будет получать доход до двадцати пяти лет. В двадцать пять к нему переходит основной капитал. Записал?

— Да, мистер Себастиан.

— Если я умру до достижения сыном этого возраста, он поступает под опеку моего компаньона и друга Артура Б. Крейга. Крейг уже согласился принять эту ответственность на себя. Крейг также будет душеприказчиком и управителем имущества — это есть и в нынешнем завещании. Если мой сын умрет до достижения им двадцати пяти лет, я завещаю имущество Крейгу. Это все, Манчи. Составить немедленно.

— Я подам вам на подпись завтра же, мистер

Себастиан.

— Ты подашь мне на подпись сегодня же! — Себастиан в изнеможении откинулся на подушку.

— Я не уверен… Мистер Себастиан, дело-то ведь не такое уж безотлагательное? — Он выдавил из себя смешок. — Даже если бы мы имели несчастье потерять вас сей же час, сэр, ваш сын все равно все унаследует, будучи естественным наследником…

Себастиан прошептал:

— Я хочу, чтобы все это было на бумаге, с моей подписью, Манчи, именно так, как я сказал. — Он приподнялся и крикнул: — Ясно, черт тебя дери!

Адвокат спасся бегством.

Вечером Манчи вернулся с двумя клерками. Резким, обиженным голосом он зачитал завещание Себастиану. Издатель с интересом слушал, кивая на каждую фразу. Когда адвокат закончил, лежащий схватил ручку и тщательно расписался в обоих экземплярах. Затем клерки расписались как свидетели, и все трое направились к выходу.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал Себастиан. — Да, Манчи!

Адвокат обернулся.

— Извините, если я был чересчур категоричен. Вы проявили необычайную отзывчивость.

— Что вы, что вы, мистер Себастиан, — сказал адвокат, несколько распрямляя спину. — Однако дело сделано. Еще что-нибудь?

— Да, надо бы заняться одним делом… счет один открыть… бумаги кой-какие составить…

— Может быть, это подождет до завтра? — улыбаясь, спросил Манчи. — Я бы серьезно посоветовал вам обратиться к врачу, прежде чем утруждать себя чем-либо еще.

— Возможно, вы правы, — еле слышно произнес издатель. — Утром я приглашу доктора Уэсткота. А дело, о котором я говорю… Ладно, Манчи, после как-нибудь…

Голос его замер. Адвокат подождал немного и вышел.

Довольный Джон Себастиан отвалился на подушку. Убийца был отмщен — в завещании о нем ни слова не говорилось, ни Манчи, ни Крейг, никто, связанный с Джоном Себастианом, издателем и вдовцом, никто, кроме супругов Холл, не знал о существовании маленького убийцы, а у этой парочки было достаточно оснований держать язык за зубами.

Себастиан заснул.

И умер во сне. Утром пожилая горничная нашла его уже остывшим. По настоянию друга

и компаньона покойного, Артура Бенжамина Крейга, патологоанатом произвел вскрытие. Он обнаружил гематому в мозгу. Выпав из перевернувшегося «пирса», Себастиан получил внутричерепную травму. Его отказ прибегнуть к медицинской помощи после аварии и послужил, вероятнее всего, причиной смерти. Также был сделан вывод, что его необъяснимое поведение в последние пять дней жизни было прямым следствием травмы.

Джона Себастиана похоронили на семейном участке кладбища в Ри, рядом со свежей могилой его жены.

Когда доктор Корнелиус Ф. Холл прочел о смерти Себастиана, он сказал жене:

— Нам повезло больше, чем мы предполагали. Этот тип был на все способен.

Миссис Холл вздрогнула и устремилась в комнату, где умерла Клер Себастиан. Теперь там была детская.

Доктор Холл осторожно навел справки и удостоверился, что Себастиан умер, так и не успев открыть обещанный счет. Когда были опубликованы условия завещания, маленький доктор внимательно прочел их. Второму сыну ничего не причиталось, более того, о нем даже упоминания

не было. Доктор Холл улыбнулся. Насколько ему было известно, никто в целом свете не знал, что, помимо одного младенца мужского пола, который находился в детской Себастианов в Ри, жена Джона Себастиана родила кого-то еще.

— Слава Всевышнему! — сказала жена доктора и с такой радостью принялась за новые для себя материнские обязанности, что доктор Холл даже завел обыкновение мурлыкать песенки, трясясь в саночках по дорогам нижнего Вестчестера.

Он зарегистрировал рождение в муниципалитете Маунт-Кидрон вместе с городским писцом. Доктор выждал, пока ему не довелось принять еще семь родов в Маунт-Кидрон и окрестностях и не набралась целая стопка записей. Городской писец был глух и наполовину слеп. За сорок пять лет службы он столько рождений записал в свой гроссбух, что частности в его мозгу уже не запечатлевались.

— Ну вот мы и обезопасились, — заметил доктор Холл жене.

— От чего, Корнелиус?

Он пожал плечами.

— Кто знает?

Эти события произошли в тот год, когда на свет появился Эллери Куин, и ровно за четверть

века до того, как он согласился принять участие в необычайных рождественских торжествах в Элдерхаузе, штат Нью-Йорк.

КНИГА ВТОРАЯ

«Загадка цилиндра» Эллери Куина
Эта «логическая задачка» знакомит нас с двумя новыми детективами, Куинами, отцом и сыном.
Один — добродушный любитель нюхательного табака, другой — книжный червь, чем-то напоминающий Фило Вэнса.
Несмотря на крайнее жеманство и чрезмерно отработанный обмен репликами, они довольно симпатичны. Невзирая на мелкие недочеты… это добротная вещица для тех, кто предпочитает криминальные истории без особых приправ.

«Субботнее литературное обозрение»
12 октября 1929 г.

Вторник, 24 декабря 1929 года, сочельник

Глава Вторая, в которой Эллери прибывает в Вестчестер на рождественские праздники в домашней обстановке, а Джон Себастиан намекает на какие-то грядущие события

О молодости Эллери можно было судить по тому, что он все рецензии воспринимал серьезно. От хвалебных он разбухал, прямо-таки чуть не лопался, от критических — опадал на глазах. В целом рецензии на «Загадку цилиндра» были приемлемы. Однако же ложечка дегтя в «Субботнем литературном обозрении» на него сильно подействовала. Был противен упрек в обычной «добротности», слова же про «книжного червя, чем-то напоминающего Фило Вэнса», глубоко язвили душу, и уж совсем возмутило его обвинение в «жеманстве». В первую публикацию молодого автора всегда вложено столько трепетной невинности, и обзывать ее всякими словами — значит совершать преступление против природы. Эллери прямо-таки корчился в муках.

Но все это было уже в прошлом. Книга вышла

в середине августа, к середине октября рецензии иссякли, а к концу октября Эллери о них и думать забыл. В те дни ему была присуща та гибкая самоуверенность юности, которую можно согнуть, но не сломать. И он без удивления принял приглашение Артура Б. Крейга погостить у него на Рождество и до Нового года — приглашение, присланное задолго до Дня Благодарения — как нечто, причитающееся ему по праву известного писателя. Узнай он, что его пригласили не столько как литературного «львенка», сколько как «занятный экземпляр», он бы чрезвычайно расстроился. К счастью, он этого так и не узнал.

С Крейгом он был связан только через Джона Себастиана, воспитанника Крейга и знакомца Эллери. У молодого Себастиана была квартира в Гринвич-Виллидж, и Эллери встречался с ним во всяческих гринвических «салонах», литературных и художественных, да и около них. Их сблизило некоторое свойственное обоим нахальство. Себастиан был поэтом-дилетантом, обладавшим недюжинным шармом и, как подозревал Эллери, некоторым талантом. Не вовсе принадлежа «потерянному поколению» Ф. Скотта Фицджеральда, он являл собой тот байронический тип с пронзительным взором и гладкой шевелюрой, который

был тогда в моде среди нью-йоркской богемы. О своем богатом опекуне он отзывался с циничной симпатией и тем добродушно-снисходительным тоном, к которому молодежь прибегает, говоря о более-менее сносных представителях старшего поколения.

Артур Бенджамин Крейг по профессии был типограф, книжный график, специализировался на издании роскошных книг и поднял свое ремесло до уровня высокого профессионального искусства. Эллери не знал о нем ничего, помимо того, что Крейг имеет отношение к Себастиану и что типография Крейга печатает самые отборные книги, выпускаемые издателем Эллери, Дэном З. Фрименом.

Эллери не задумываясь принял приглашение Крейга, и только с большим опозданием — уже под самое Рождество — он осознал, что отец его, таким образом, остается на праздники один. Он предложил послать письмо с извинениями, но о такой сыновней жертве инспектор Куин и слушать не захотел.

— Тут появилась новая зацепка в убийстве Арнольда Ротштейна, так что я под Новый год скучать не буду, — заверил его инспектор. — Дуй-ка ты, сынок, в Элдервуд да повеселись там

хорошенько. Только на самогонку не слишком налегай.

Эллери усмехнулся.

— Если верить Джону, там скорее будут подавать коллекционное шампанское и шотландское виски с родословной.

Инспектор скептически посмотрел на него и заметил с тревогой:

— Газеты обещают много снегу на Рождество. Когда выезжаешь?

— Во вторник днем.

— В понедельник ожидается метель, а во вторник — сильный снегопад. Может, лучше поедешь поездом?

— Старушка «Дузи» пока что ни разу меня не подводила. — «Дузенберг» Эллери не принадлежал к новейшей аристократической модели года «таун-кабриолет». Это был открытый автомобиль 1924 года выпуска, изрядно потрепанный после 135 тысяч миль не слишком нежной езды. Эллери чувствовал к машине привязанность, наподобие той, которую испытываешь к престарелой, но еще годной в дело скаковой лошади. — Кроме того, папа, я купил набор этих новых сверхпрочных цепей «Уид Американ». Все будет в порядке.

Как и ожидалось, рано утром во вторник, 24

декабря, пошел сильный снег. К полудню, когда Эллери выехал, на улицах было белым-бело.

В гараже на 87-й Западной ему поставили верх и боковые шторы, так что от снега он был защищен; но даже старая енотовая куртка и меховые наушники не могли защитить от злющего северо-восточного ветра, который проходил сквозь шторы, все равно как если бы они были из марли. Когда он выехал на парковый участок шоссе округа Вестчестер, он чувствовал себя замурованным в леднике сибирским мастодонтом. Ему пришлось зарулить в закусочную в Маунт-Кидрон, где он тайком разбавил кофе бренди из серебряной поясной фляжки. В Мамаронеке и Уайт-Плейнз он тоже останавливался согреть душу. Когда он пересек Уайт-Плейнз, направляясь на северо-запад по дороге на Элдервуд, фляжка была пуста. В городок он прибыл в приятном нейтральном состоянии — наполовину лед, наполовину пламень.

Элдервуд отстоял от Нью-Йорка на сорок миль. Этот зеленый городок, застроенный небольшими частными домиками, имел 6 тысяч населения и безупречный миниатюрный «деловой центр», где над Главной улицей сияли заснеженные рождественские фонари, а в искрящихся от мороза

витринах магазинов громоздились бесчисленные Санта-Клаусы. Дом Крейга, как он выяснил, находился на северной окраине городка, и Эллери нашел его, всего лишь дважды рассеянно проехавшись по проселкам, ведшим в никуда.

Дом оказался разъехавшейся во все стороны громадиной, больше походившей на гигантский пик — в два высоченных этажа с такой широкой мансардой, что она казалась на этот пик нахлобученной. В строении Эллери без труда узнал достойный образчик того тяготеющего к треугольным формам стиля, который был в моде в 80-е годы прошлого века и назывался «Американской Кровлей». На потемневшей от времени боковой стене выступали два огромных эркера, один над другим, что придавало зданию на удивление современный вид. Вход же находился перпендикулярно к главной дороге и начинался с большого открытого портика с тесаными каменными колоннами. Все это чудище аккуратно вписывалось в густой кустарник — прямо не дом, а Старый Мореход с ирландской бородищей, поднятый на гребень волны занесенных снегом лужаек.

Вероятно, внутренний огонь, приятно разливавшийся по жилам Эллери, и послужил

причиной того, что, когда он вел свой «дузенберг» по величественному, прямо-таки феодальному въезду, у него возникло престранное чувство — словно он в парадной карете подъезжает ко вратам английского замка времен королевы Елизаветы. В своем несколько расслабленном состоянии он ничуть не удивился бы, если бы его встречали лакеи в париках и герцогских ливреях, а хозяин вышел бы в плоеном воротнике, камзоле и лосинах. Взору Эллери уже являлись огромные поленья, даже целые стволы в каминах, тростниковые циновки на каменных полах, похожие на волков собаки, терзающие оленью тушу. И конечно же, море пунша — дымящегося, в оловянных кружках.

Он начал насвистывать «Гринсливз».

Когда же он подъехал к портику, там, ожидая его, стояли высокий темноволосый красавец Джон Себастиан и рядом с ним — человек-гора, напоминавший одновременно и президента Гувера, и Генриха Восьмого, огромный, бородатый, с квадратным лицом. Он курил трубку и улыбался, добродушно и приветливо.

— Добрался-таки! — воскликнул молодой Себастиан, прыгая прямо в снег и горячо пожимая Эллери руку. — О машине и багаже не беспо-

койся. Артур, это Эллери Куин, гроза драконов и великий ум. Кроме того, его отец — настоящий живой полицейский инспектор.

— И, не забывай, благодушный любитель нюхательного табаку, — заплетаясь, произнес Эллери. — Мистер Крейг, я счастлив, я потрясен, я обледенен… И сокрушен, — добавил он, тряся правой рукой — пожатие Артура Крейга было под стать его размерам, и шестьдесят три прожитых года на его силе никак не отразились. Борода и волосы Крейга были светлыми и еще густыми, темные глаза на большой голове были не менее оживленными, чем у его подопечного, только в них светилась такая доброта и терпимость, какой не было у Джона, да и, кстати говоря, у Генриха Восьмого.

— Классический образчик отца, — заметил Джон с серьезным видом. — Этот своей хваткой всегда ставил меня на место еще с тех пор, как я в коротких штанишках бегал.

— Боюсь, результат весьма сомнителен, — приятным баском заметил Крейг. — Добро пожаловать, мистер Куин. Не знаю, с какой стати вам быть польщенным или потрясенным, но с обледенением мы в два счета справимся. Фелтон, позаботьтесь о чемодане мистера Куина и его

машине. — Мускулистый дворецкий в черном костюме с бабочкой бесшумно скользнул к машине. — Пунш на каминной полке.

Кстати, и подавали этот пунш в оловянных кружках. Эллери даже и не удивился, оказавшись в громадном зале, до половины обшитом деревом, почти что феодальном: дубовые панели, балки на потолке, обитые бронзой лари, камины до потолка с медной вытяжкой, и повсюду — медь, кожа, почерневшее железо и пылающая бронза. Он поднялся наверх вслед за Фелтоном в сопровождении приятеля и кружки с ароматным зельем, восторженно заметив:

— Лучшего места для Рождества и не найти, Джон. Прямо так и слышу, как сэр Эндрю Эгьючик кричит сэру Тоби: «А не пора ли выпить?» А старый Бэлч в ответ орет: «Что же еще нам остается делать? Мы же родились под созвездием Тельца!»

— Лично я — Близнецы.

— Как говорит одна старая зануда женского пола — ты с ней скоро познакомишься, — «о человеке узнаешь по его звездам». Честное слово! — Себастиан обхватил Эллери за плечи. Он казался по-мальчишески счастливым. — Ну ты, хорек, просто здорово, что сумел приехать. Это

будет застрелиться, что за праздник!

— Без убийств, пожалуйста.

— О черт, придется сменить тему. Вот и твоя конура, Эллери. Если что-то понадобится, здесь звонок к Фелтону. Как разберешься, чеши вниз. Я там тебе одну штучку презентую.

— Сейчас? Не преждевременно ли?

— Презентую — в смысле, представлю. Штучку зовут Расти Браун, чего мне более от тебя не скрыть.

— Расти Браун? Это, часом, не бейсболист?

— Избави Бог! Мы с ней, знаешь ли, очень большие друзья, так что, Эллери, руки прочь. Comprends?[Понимаешь? *(фр.).*]

— Я похож на бабника?

— Когда речь идет о моих чувствах к мисс Браун, всякое существо в брюках — бабник, пока не доказано обратного. — Себастиан опять заглянул в дверь. — Кстати, пойдешь вниз — не заблудись. В этом старом особнячке больше тридцати комнат, считая оба крыла, и половина из них пустует. В детстве у меня здесь было больше тайничков, чем у братцев Джеймсов. Если потеряешься, то можем тебя и до самого Крещения не найти. Поторопись, ладно?

Эллери не составило большого труда понять

обоснованность опасений Джона Себастиана. Расти Браун в избытке обладала тем, что Элинор Гвин называла «Нечто», и это дополнялось немалой толикой элегантности и шарма. Она была веселой, энергичной особой, без малейшей угловатости, с девчоночьими чертами лица, ямочками на щеках, пламенными волосами, подстриженными по-модному коротко. Одета она была с изящной небрежностью и носила пару броских сережек, явно сделанных из сварной стали. Она была поразительно похожа на Клару Боу. Но ее зеленые глаза смотрели прямо и открыто, а твердое, решительное рукопожатие пришлось Эллери по вкусу. Она с большим талантом занималась подбором украшений к платьям, работала по ткани, обоям и тому подобное. Ей было самое большее двадцать четыре года, столько же, сколько и жениху — но она успела открыть собственное ателье на Мэдисон-авеню, и «Творения Расти Браун» уже начали упоминать в «Нью-Йоркере» в разделе «О чем говорят в городе», и они пользовались успехом среди обитателей особняков на Парк-авеню.

— Так вы тот самый подающий надежды писатель, которого Джон нам нахваливал до невозможности?

У нее был звонкий голос, не менее искренний, чем взгляд.

— Он даже заставил меня прочесть вашу книгу.

— Да, от таких гамбитов я так и не научился защищаться, — сказал Эллери. — Но все же рискну. Итак — вам понравилось?

— Она мне показалась ужасно умной.

— Здесь какая-то шпилька или мне померещилось?

— Может быть, немного чересчур умной. — Расти невинно улыбнулась и продемонстрировала ямочки. — Я сказала бы, умной не по летам.

— Осторожней с этой девочкой, Эллери, — с обожанием сказал Джон. — Она может кровь пустить.

— Ох, я уже истекаю, — простонал Эллери.

— Молодость — не преступление, мистер Куиу, — тихо сказала Расти. — Плохо тогда, когда она всем видна.

— Все, — сказал Эллери. — Отныне я гемофилик. А это почтенная дама — мать мисс Браун?

Миссис Браун была вылитая Расти — только Расти в зеркале из комнаты смеха на Кони-Айленд: с хитрющими зелеными глазами, скверными зубами и волосами, давно ставшими из рыжих

какими-то розовато-седыми. От нее, как от Медузы Горгоны, исходили почти видимые флюиды некоей напряженности. Эллери немедленно определил в ней тип женщины — Борца За Правое Дело или, по меньшей мере, фанатичку. Выяснилось, что она была ярой приверженкой астрологии, оккультизма и к тому же медиумом-любителем. Звали ее Оливетт.

— Ваш знак ведь Близнецы, мистер Куин? — незамедлительно спросила миссис Браун, дыша глубоко и часто.

— О да, миссис Браун.

— Мама у нас ясновидящая, хотя и кой-какие предварительные сведения ей не вредят, — сухо сказала Расти. — Милый, можно еще пуншу?

— А эта юная леди, мистер Куин, — моя племянница, приехала сюда прямо из Уэлсли на каникулы, — сказал Артур Крейг, нежно наглаживая своей лапищей длинную изящную ручку племянницы. — Эллен, Джон и «Эй-би-си Пресс» — вот три вещи, ради которых я живу. На них на всех мой фирменный знак.

— Продукция просто экстра-класса, мистер Крейг. И эту пленительную особу вы тоже сами взрастили?

— Отец Эллен умер вскоре после ее рождения.

Это был мой единственный брат. Естественно, Эллен с матерью переехали ко мне — Марсия болела и растить ребенка без посторонней помощи не могла. Потом Марсия умерла, и мне пришлось заменить Эллен и отца, и мать.

— Единственная бородатая мать в зверинцах мира, — сказала Эллен Крейг и потянула Крейга за бороду. — Так же уникальна и во всех прочих отношениях. Вы, мистер Куин, намерены смотреть на меня сверху вниз — ведь у меня нет диплома?

— Что вы, мисс Крейг! Лишь неопровержимые факты заставили меня столь эмоционально отозваться о вас минуту назад. Когда Уэлсли будет иметь несчастье расстаться с вами?

— В июне.

— Непременно буду там, — галантно изрек мистер Куин.

Эллен рассмеялась. Смех у нее был просто замечательный — восхитительно музыкальный, женственный и естественный. У этой высокой светловолосой девушки была задорная стрижка и мальчишеское, немного угловатое лицо, Эллери быстро сообразил, что мисс Крейг далеко не так проста, в ней сокрыто целое сокровище, и Эллери почувствовал азарт кладоискательства.

Поэтому, когда Расти и Джон удалились высматривать, остальных ожидаемых гостей, а Крейг по доброте душевной позволил миссис Браун затащить его на чтение гороскопа, Эллери сказал:

— Вы ничего не имеете против моего общества, мисс Крейг?

— Выдам вам один секрет, мистер Куин. Я безнадежно увлеклась вами, как только прочла вашу книгу.

— Слава Богу, что вы меня не сочли умным не по летам, — Эллери принял опасливый вид. — Двадцать один-то вам есть?

Эллен рассмеялась.

— В апреле будет двадцать два.

— Тогда давайте отыщем укромное местечко у камина или еще где-нибудь и продолжим паше собеседование, — радостно сказал мистер Куин.

Большой зеленый «мармон» восьмой модели не без труда двигался по заснеженной Главной улице Элдервуда. На шинах не было цепей, а девушка за рулем вела машину довольно беспечно, отчего ее спутник все время ерзал и дергался.

— Ради Бога, Валентина, следи за дорогой!

— Займись своей симфонией, Мариус, — сказала девушка. — А уж я доставлю тебя в целости и

сохранности!

— У тебя могло бы хватить соображения хотя бы остановиться возле какой-нибудь автомастерской и поставить цепи!

— Не заводись. Мы уже почти приехали.

Валентина Уоррен была девицей темпераментной и своенравной. В своей артистической карьере она вышла на уровень больших ролей в летних гастрольных труппах и маленьких ролей на Бродвее. Она втайне подражала внешности и манерам Джоан Круфорд — «Неукротимых» она смотрела раз пять. Голливуд был для нее, что Иерусалим для крестоносцев; стать знаменитой кинозвездой — все равно что овладеть Святым Граалем.

Для поездки «за город» она облачилась в наимоднейшую зимнюю спортивную одежду, рекомендованную журналом «Вог», — в лыжный костюм, состоящий из норвежских брюк с лампасами, ярко-зеленой фуфайки из тонкого сукна с шелковистой отделкой и подходящего по цвету берета. На это она набросила, наподобие пелерины, плотное шерстяное пальто зеленого цвета с черным меховым воротником и манжетами. Валентина любила зеленое — ей казалось, что в сочетании с пышными золотистыми волосами

и мертвенно-бледным лицом это придает ей вид героини греческой трагедии. Она страшно злилась, если кто-нибудь находил ее «забавной». Мрачность и слава были для нее неразделимы.

Однако если природа и обделила девицу Уоррен истинной угрюмостью, то ею с лихвой был уделен юный Мариус Карло, в котором смешалась испанская, итальянская и ирландская кровь и душа которого была столь же темна и изъязвлена, как и кожа. Мариус в полной мере обладал даром самоуничижения. Его романтическая, наделенная воображением натура заставляла его болезненно переживать собственные физические недостатки и постоянно себя недооценивать. В целях самозащиты он прибегал к сарказму.

Карло был недюжинно талантливый, хотя и не вполне оригинальный композитор, продолжатель традиций Стравинского и Хиндемита. Но недавно он подпал под чары австрийского модерниста Арнольда Шенберга и начал обильно творить в шенберговском стиле. Эти скупые атональные опусы не слышал никто, за исключением кружка почитателей из числа поэтов, художников и музыкантов Гринвич-Виллидж, которые цеплялись к нему, как инфекция. На жизнь он зарабатывал игрой на альте в оркестре

Уолтера Дамроша, концерты которого по субботним вечерам транслировались на всю страну по Эй-би-си. Это был его тяжкий крест, и, когда Мариуса пригласили провести Святки в Элдервуде, он немедленно ухватился за эту возможность и тут же сообщил в администрацию оркестра, что свалился с двусторонней крупозной пневмонией.

— Пусть играют своего чертова Чайковского без меня, — брюзгливо говорил он друзьям и добавлял со свойственным ему оптимизмом: — Может быть, меня и уволят.

У него был врожденный дефект сводов стопы, и ему до сих пор приходилось носить тяжелую ортопедическую обувь, которая затрудняла ходьбу, а когда он торопился, это превращалось в пытку.

— Краб Мариус, слыхали? Так это я, — говорил он с горечью.

Валентина без потерь одолела Главную улицу Элдервуда, ставшую сплошным катком, и направила свой «мармон» к северной окраине городка.

— Мариус, а ты понимаешь, что происходит? — вдруг спросила она.

— Что происходит, где?

— Там. Чего ради затеяли это многодневное гостевание?

— Откуда мне знать? Те дни, когда я пользовал-

ся доверием Джона, давно уже канули в бездну времен.

— Не будь таким… Эдипом. Ты же понимаешь, о чем я говорю. Джон что-то задумал, но что именно?

— У него и спроси. — Мариус не сводил мрачного взгляда с заснеженной дороги. — Надеюсь, хоть выпивка будет приличная.

— Он делал такие ужасно таинственные намеки, — глубокомысленно сказала Валентина. — После Нового года, говорит, произойдет нечто значительное. Интересно все-таки, что же.

Молодой музыкант оскалил зубы, что можно было посчитать ухмылкой.

— Может быть, тебе лучше не знать.

— Это как прикажешь понимать?

— Тормози, черт тебя побери!

— Ладно же, Мариус! А все-таки что тебе известно?

— Ты в последнее время Расти видела?

Актриса вздрогнула.

— Еще до Дня Благодарения.

— Девчонка вся сияет, особенно безымянный пальчик на левой руке.

— Они помолвлены? — вскрикнула Валентина.

— Кольцо дружбы. Так это называется. Пустя-

чок в четыре карата.

— Так ты думаешь, что пока мы будем здесь…

— От Джона всего можно ждать. Даже свадьбы. — Мариус пожал плечами. — Судьба. Чему быть — того не миновать.

— Ой, кончай, а? Не верю я.

— Да ну? — негромко сказал он.

Она хлестнула по нему взглядом своих фиалковых глаз и снова стала смотреть на дорогу.

— И вовсе необязательно, — сказала она столь же негромко. — Мариус, знаешь… ты мог бы помочь мне. Мы могли бы помочь друг другу.

Он сердито взглянул на нее, потом рассмеялся.

— Ах ты, стерва! Заметила-таки. Я и не думал, что так заметно.

— Так поможешь, Мариус?

Помолчав какое-то время, он пробормотал:

— А почему бы и нет? — Он еще сильнее укутался и запахнул шарф.

— Снег идет, — объявил Эллери, задержавшись в холле вместе с Эллен Крейг, чтобы стряхнуть снег с обуви.

— К тому же темнеет и холодает, — добавила Эллен. — Отличное начало для Рождества!

— А ну-ка к камину, оба! — сказал ее дядя. — Эллен, у тебя руки как ледышки.

— Зато какой жар в глазах! — Джон Себастиан усмехнулся. В отсутствие Фелтона, отправленного на станцию в крейговском «пирлессе», он исполнял обязанности бармена. — Не желаешь ли коктейля, сестричка?

— Боже мой, еще бы!

— Эллери?

— Конечно. Сколько еще гостей будет?

— Четверо. Мариус, еще?

— Бесконечно, — сказал Мариус Карло.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Крейг. — Дэн Фримен и Роланд Пейн едут вместе, а дэновский «линкольн-кабриолет» пройдет где угодно. Сам Дарк живет всего-то на том конце Элдервуда. А если мистер Гардинер едет поездом…

— Я так надеюсь, что нью-йоркские поезда не отменили, — сказала Расти. — Было бы просто ужасно, если бы этот чудный старичок не попал на наш праздник.

— Я бы себе глотку перерезал, — сказал Джон и показал как. — Выпьешь, Вэл?

— Не сейчас, спасибо, — отказалась Валентина и оживленно воскликнула. — Значит, священник будет, а, Расти? Дурачить нас вздумали?

Расти расхохоталась.

— Все в свое время, детишки, — сказал Джон. —

Ну-ка, Эллери, давай подолью?

— Тпру! — не гони. Мистер Крейг, вы сказали, будет Фримен? Дэн З. Фримен?

— Да, мистер Куин.

— «Я вам поведаю о чудесах», верно? Как же вам удалось вытащить Фримена на домашний праздник? Большего нелюдима я не встречал. Знаете, он ведь мой издатель.

— Знаю, — улыбнулся Крейг.

— Тогда хоть двоим присутствующим будет о чем поговорить, — пробубнил Мариус Карло. — Вы, Куин, сможете высказать Фримену все претензии насчет того, что он никакой рекламы вашей книги не дал, а он вам поведает, как расходятся самые «ударные» книги в его списке.

— Мариус, о чем вы? — в смятении спросил Эллери.

— Не обращайте на него внимания, Эллери, — сказала Расти. — Мариус презирает все, что не укладывается в его мерки «искусства».

— Особенно плохое искусство, — заявил Мариус.

— Особенно, если оно приносит деньги, — парировала Эллен.

— Мариус, замолчи! — сказала Валентина. — Он сам не верит ни одному своему слову, Эллери.

Его просто зависть гложет. Я считаю, что ваша книга просто merveilleux[Великолепна *(фр.)*.].

— А я считаю, что нам следует сменить тему, — весело сказал Эллери, глядя при этом на Мариуса с интересом. — Мистер Крейг, позвольте спросить, кто такой Роланд Пейн?

— Мой поверенный и старый друг. — Гигант-хозяин тоже с любопытством смотрел на молодого музыканта. — А Сэм Дарк — наш семейный доктор с тех самых пор, как приехал в Элдервуд, А, мистер Браун! Мы уж давненько вас поджидаем.

— Я просматривала наши гороскопические записи, мистер Крейг, — воскликнула мать Расти, врываясь в комнату, — и уверена, что чуточку ошиблась. Положение восходящего Юпитера…

— Я так понимаю, что мне надлежит почувствовать облегчение. — Крейг улыбнулся. — Мартини, миссис Браун?

— Я просто обожаю можжевельник! В нем, знаете ли, столько смысла. Никогда не срезайте можжевеловый куст в Уэльсе — через год умрете.

— Выпейте иного джина, якобы сделанного из можжевельника — и умрете гораздо раньше, — сказал Джон.

Эллери заметил с серьезным видом:

— Он также излечивает от змеиных укусов и укрепляет зрительный нерв.

— Правда, мистер Куин? А я и не знала, — вскричала мать Расти. — Джон, Расти сказала мне, что мы ждем еще гостей.

— Четверых, мама Браун.

— О, тогда нас будет двенадцать! Какая радость, Джон! Подумать только, если бы вы пригласили еще одного! — Она залпом выпила мартини и скривилась, то ли из-за джина, то ли из-за ужасной мысли. Эллери так и не понял.

— Двенадцать? — Мариус Карло выставил вперед пустой стакан. — Прислугу вы, разумеется, не считаете?

— Прислугу? — Миссис Браун была явно озадачена.

— Никто не считает прислугу. А вот грянет…

— …революция. Мариус, все это мы уже слышали. — Он начал явно раздражать Валентину. Она откинула голову и произнесла грудным глубоким голосом: — Ну, посвяти же нас, Джонни. В ба-альшой секрет.

Себастиан засмеялся.

— Во-первых, у меня на носу день рождения. Шестого января, через две недели, Я надеюсь, вы до тех пор тут погостите.

— Почему?

— Есть четыре причины. — Он явно наслаждался своей тайной. — Сразу же после полуночи пятого января в моей жизни произойдут четыре важных события. — Он с усмешкой отмахнулся от вопросов присутствующих. — Потерпите, пока остальные не подъедут.

— А вот и я, — донесся от дверей пронзительный мужской голос. — Начнем же празднества!

— Сэм! — Крейг радостно устремился к нему. — Добрался без проблем, как я погляжу, Мейбл, прими-ка вещи у доктора Дарка. — Горничную Крейга, молодую краснощекую ирландку гость приветствовал энергичным щипком за щеку. Мейбл прыснула, взяла меховую шапку, шубу и галоши доктора Дарка и вышла. — Ну-ка, Сэм, по-моему, ты незнаком с миссис Браун…

Доктор Сэм Дарк, большой и толстый, чуть уступал Крейгу в росте, зато существенно обгонял в ширину. Светлые волосы топорщились над его небольшой головой на манер гусарского кивера. Если бы не глаза, излучающие проницательность и ум, он был бы смешон. Его голубой костюм из сержа был помят, пуговица на манжете висела на длинной ниточке. Но была в нем какая-то основательность, надежность, которая тут же

пришлась Эллери по душе.

— Ты на всю неделю освободился? — спросил Крейг, когда доктор Дарк уселся у камина, обхватив мощной дланью стакан. — Отрицательные ответы не принимаются.

— Меня подменяют Холлис и Бернстайн, — кивнул толстый доктор. — Давненько не встречал я Рождества в семейной обстановке. Между нами, старыми холостяками, говоря, ты, Артур, добился большего, чем я. Эллен, Джон, я пью за тот связующий жгут, простите, узы… и не говорите мне всякой чуши, что, мол, свой своему поневоле брат.

— Доктор, вас ведь не было при рождении Джона? — Краем уха Эллери где-то слышал, что с появлением Джона Себастиана на свет связана какая-то необычная история.

— О, нет, — сказал доктор Дарк. — Джон поступил ко мне, так сказать, post uterum[После рождения *(лат.)*.].

— Мне тогда было шесть недель, да, доктор Сэм?

— Не шесть, а семь, — поправил воспитанника Крейг. — Видите ли, мистер Куин, его родители умерли с промежутком в несколько дней, в девятьсот пятом году. Клер и Джон — ведь наш

Джон назван в честь отца — возвращались на машине из Нью-Йорка в Ри в жуткую метель и разбились возле Маунт-Кидрон. Авария вызвала преждевременные роды вот этого господина, а Клер той же ночью умерла. Не прошло и недели, как Джон умер от травм. Перед кончиной он назначил меня опекуном младенца, ведь ни с той, ни с другой стороны близких родственников не было, и других детей тоже. Джон-младший был первенцем. Сиделка, миссис Сапфира, перешла ко мне вместе с младенцем. Вот преданная душа! Она нас так и не покинула, умерла в этом доме всего несколько лет назад. Мы с Сапфи на пару вырастили-таки этого юного разбойника.

— С моей немалой помощью, — вставил доктор Дарк. — Сколько раз мне приходилось мчаться сюда среди ночи, потому что маленькому Джону вздумалось косо посмотреть на Сапфи или Артура.

— С немалой помощью всех, — сказал Джон, положив руку Крейгу на плечо. — Сапфи, доктора Сэма, Эллен, когда она к нам переехала, но в первую очередь вот этого бородатого чудака. Боюсь, Артур, у меня не хватило красноречия, чтобы достойно описать твои заслуги.

— Верно, верно, — сказал Мариус Карло, прежде

чем Крейг успел ответить. — Как только падет первая слеза, я исполню на этом фортепиано «Сердца и цветы» — если только оно настроено, в чем надо еще удостовериться.

— Мариус не способен понимать родственные чувства, — нежным голоском пропела Расти, тряхнув рыжей гривкой. — У него, видите ли, никогда не было ни отца, ни матери. Он вылупился в стоячем пруду, так ведь, милый?

Мариус сверкнул на нее черными глазами, потом пожал плечами и поднял стакан.

— У вас с отцом Джона было общее предприятие, мистер Крейг? — поспешно спросила Валентина.

— Да. «Себастиан и Крейг», издатели. Я занимался производственной частью, а в издательских делах понимал мало, так что после смерти Джона я продал предприятие и занялся тем, чем занимался изначально — печатным делом.

— Вы говорите так, словно это для вас шаг назад, мистер Крейг, — сказал Эллери. — А у меня было бы больше оснований для гордости, владей я «Эй-би-си Пресс», чем многими из известных мне издательств. Вы часом не Дэну Фримену продали дело? Да нет, он тогда был слишком молод.

Крейг кивнул.

— С девятьсот пятого года хозяйство несколько

раз меняло владельца. Дэн купил его в начале двадцатых.

А-а, вот и он, ей-богу! И Роланд с ним. Заходите, заходите.

Издатель и адвокат странно смотрелись вместе.

Дэн З. Фримен был маленький бледный мужчина лет сорока, с большой головой, которая казалась еще больше оттого, что волосы на ней росли только начиная с макушки. У него были красивые ярко-карие глаза.

Казалось, что предстоящий тяжкий ритуал знакомства с полной гостиной незнакомых людей был издателю просто не под силу. Он сжал руку Эллери с силой утопающего, ухватившегося за ниспосланный свыше плавающий обломок. Эллери и виделся-то с ним всего раз, когда Фирмен принял к публикации «Загадку цилиндра».

— Так приятно вновь встретить вас, Куин, — лепетал Фримен, — очень, очень приятно…

При первой же возможности он забился в кресло и там затаился.

Роланд Пейн при всем желании не мог бы где-нибудь затаиться. Он был высок, краснолиц, с красивой копной седых волос и с неизменной, слегка рассеянной улыбкой, свойственной

политическим мужам. Ему было немного за пятьдесят, а его густой приятный баритон сделал бы честь любому актеру старой школы. Эллери слышал о нем от инспектора Куина, имевшего обыкновение похваляться, что он знает всех адвокатов Нью-Йорка. Пейн был адвокатом весьма осмотрительным и расчетливым и, наподобие государственных ценных бумаг с золотым обрезом, приваживал только наиболее консервативную клиентуру. Несмотря на блистательную внешность и бархатный голос, он редко выступал в суде. В основном его практика сводилась к завещаниям и имущественным вопросам.

— Теперь, когда прибыли господа Пейн и Фримен, — заговорил Джон, — я готов посвятить присутствующих в два из четырех событий глобального масштаба, о которых упомянул ранее. Мистер Пейн, как семейный адвокат Крейга, скажите, как изменится мой статус, начиная с шестого января?

— В этот день, знаменующий вашу двадцать пятую годовщину, — с улыбкой произнес седовласый поверенный, — согласно условиям последнего завещания вашего отца, Джона Себастиана-старшего, вы вступаете во владение основным капиталом, сохранявшимся для вас с

тысяча девятьсот пятого года. Убежден, что Джон не станет возражать, если я замечу, что он сделается весьма обеспеченным молодым человеком.

— И, разумеется, неотразимым! — воскликнула Эллен Крейг, сжимая руку Джона. — Представляете, Джон — и миллионер!

— Омерзительно, да? — Джон ухмыльнулся. — А теперь, мистер Фримен, в вашем профессиональном качестве, скажите, что важного для меня произойдет шестого января?

Издатель покраснел, когда на него устремились все взоры.

— Событие, более, по-моему, важное, чем просто получение наследства. Шестого января «Дом Фримена» выпустит в свет первую книгу стихов многообещающего молодого поэта «Пища любви». Автор — Джон Себастиан.

Все заголосили. Расти воскликнула:

— Как замечательно, Джон! А ты мне и словом не обмолвился. Мистер Крейг, а вы знали?

Крейг зашевелил бородой.

— Уж не думаете ли вы, Расти, что кто-то мог лишить меня удовольствия делать первую книгу Джона. Но мы с Дэном — пара старых траппистов-молчальников, — Крейг от всего сердца тряхнул издателя за хрупкое плечо, — мы знаем, как дер-

жать язык за зубами.

— Джон, я так рада за тебя, — промурлыкала Валентина. — Поздравляю. — Она наклонила его голову и поцеловала.

Расти Браун улыбнулась.

— И мне тоже! — весело сказала Эллен, каким-то образом умудрилась пролезть между Джоном и Валентиной и, поцеловав его, остаться там.

У Джона уши покраснели.

— Я хотел, чтобы это был сюрприз. Правда, здорово? Мне до сих пор кажется, что все это сон.

— И разойдется ровно четыреста пятьдесят девять экземпляров, — заявил Мариус, размахивая стаканом как дирижерской палочкой, — и будет восторженная рецензия в «Журнале ветеринарной медицины».

Но его скрипучий голос затерялся в гвалте; к тому времени, когда прибыл последний гость, Мариус спал в кресле.

Человек, чей скромный саквояж Фелтон внес из «пилесса», был весьма бодрый худощавый старик, с едва тронутыми сединой черными волосами, детскими голубыми глазами, большим носом янки и с воротником священника. Крейг представил его как достопочтенного Эндрю Гардинера, недавно оставившего место приходского

священника епископальной церкви в Нью-Йорке. Он был, главным образом, другом семьи Браун: Оливетт Браун много лет была его прихожанкой, а Расти он крестил и причащал.

Как только Валентина Уоррен увидела старого священника, она притихла. Устроившись на ручке кресла, в котором спал Мариус Карло, она принялась легонько ерошить его черные волосы. Взгляд ее фиалковых глаз часто останавливался на лице Расти. На Джона она не смотрела вовсе.

Эллери наблюдал за ней. Он негромко спросил Эллен Крейг:

— Эллен, а на том участке что происходит?

— Я что, похожа на агента контрразведки? — прошептала Эллен в ответ. — Придется вам самому делать выводы, мистер Всезнайка. Полагаю, у вас это неплохо получается.

— У меня выводится треугольник.

— С вашей математикой справитесь и без меня.

— Я полагаю, вы знакомы с Эллен, моей племянницей, — сказал Крейг, подойдя к ним с последним из прибывших гостей. — Мистер Гардинер, а это друг Джона, писатель Эллери Куин. А это — достопочтенный мистер Гардинер.

Железное рукопожатие старика удивило Эл-

лери.

— Я слышал, мистер Гардинер, что вы отошли от дел, но во имя неба, зачем же отправлять в отставку человека с такой железной хваткой?

— Мистер Куин, небо здесь ни при чем, — улыбаясь ответил священник. — Просто епископ мягко напомнил мне, что я уже миновал возраст обязательной отставки — семьдесят два года. Эллен, вы сияете даже больше, чем обычно.

— Кажется, это под моим влиянием, — заметил Эллери. Эллен слегка покраснела, но никакого недовольства не выказала.

— В таком случае, — мистер Гардинер весело сверкнул глазами, — присутствие священника, хоть и отставного, может быть нелишним. Мистер Крейг, я не хотел бы причинить неудобство вам и вашим гостям, но я хотел бы сходить ко всенощной. По-моему, у вас в Элдервуде есть епископальная церковь. Если бы у кого-нибудь можно было одолжить машину…

— Вот еще. Я распоряжусь, чтобы Фелтон или Джон повезли вас, — сказал Крейг. — Только дело в том, что дорога на главное шоссе может через несколько часов стать непроезжей. Что-то я снегоочистителей не слышу.

— Пожалуйста, мистер Крейг, не утруждайте

себя. Если надо, я могу пойти пешком. Здесь не больше мили, я заметил. Я пятьдесят с лишним лет не пропускал рождественской службы и полагаю, что в моем возрасте неразумно было бы впадать в грех.

— Мы вас доставим в церковь, — сказал Джон. — Внимание всем! — Мариус Карло вздрогнул и проснулся. Эллери при этом заметил, что примостившаяся на его кресле блондинка сильно вцепилась Карло в волосы.

— Теперь, когда приехал мистер Гардинер и все мы в сборе, я могу объявить о третьем колоссальном событии шестого января. Мистер Гардинер пробудет здесь все праздники и еще несколько дней по причинам не только светского характера. — Джон просиял. — Немедленно после полуночи пятого января святой отец проведет церемонию бракосочетания. Да! Расти и я.

В последовавшей сумятице Эллери удалось протиснуться на задний план, так чтобы можно было следить за Валентиной и Мариусом. Актриса была чрезмерно оживлена, ее грудной голос от напряжения сделался визгливым, когда она кинулась обнимать Расти и Джона. Она была так бледна, что Эллери показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Очевидно, Мариус подумал то

же самое: он схватил ее повыше локтя и крепко сжал. Через мгновение Валентина отошла и резко стряхнула руку музыканта. Эллери услышал, как Мариус сказал ей: «Ну и бездарная же ты актриса все-таки», а она прошипела: «Заткнись, черт тебя возьми!» А затем оба они улыбнулись и протянули бокалы, когда Фелтон, вернувшийся к своим обязанностям дворецкого, подошел наполнить их перед тостом.

Потом сама Расти настоятельно спросила суженого:

— Но, милый, ты ведь сказал, что шестого января произойдут четыре события. Какое же четвертое?

— А это мой большой секрет, — усмехнулся Джон. — Этого никто не знает и не узнает до той самой ночи… Даже моя невеста.

И никакие вкрадчивые речи Расти, ни благожелательные расспросы остальных — включая Артура Крейга, который продолжал с улыбкой настаивать, что у него нет ни малейшего представления, на что намекает Джон, — не смогли побудить молодого поэта раскрыть свой секрет.

И только позже, в столовой с дубовыми панелями, когда пламя металось в камине, а все гости устраивались за огромным дубовым столом,

убранным остролистом, Эллери сказал Эллен, рядом с которой он уселся:

— Вот занятное совпадение.

— О чем вы, Эллери?

— От двадцать пятого декабря до пятого января, то есть от Рождества до дня, известного как Двенадцатая ночь или канун Крещения, ровно двенадцать дней. Столько продлится наш праздник, Эллен.

— Ну и что?

— Посмотрите вокруг. В празднестве участвуют двенадцать человек. Вам это не кажется интересным?

— Ни в малейшей степени, — отрезала Эллен. — Какой у вас, Эллери, своеобразный строй мысли!

В этот момент Оливетт Браун воскликнула:

— Нас двенадцать! Должна сказать, у меня душа радуется, что нас ни на одного больше.

— Вот видите? — прошептал Эллери Эллен Крейг.

Первый вечер: среда, 25 декабря 1929 года

Глава Третья, в которой таинственный Санта-Клаус материализуется из преддверья Ада, а на авансцене являются Вол, Маленький Домик и Верблюд

Проснувшись, гости Артура Бенджамина Крейга увидели мир, напоминавший пейзаж на открытке: заиндевевшую хвою и непорочной белизны снег. Даже у самых высоких кустарников видны были только верхушки. О въездной аллее и о дороге ничто не напоминало. Куда ни посмотреть, белоснежными параболами вздымались и опадали сугробы.

Большая часть обитателей встала рано, обмениваясь восклицаниями но поводу чудесного вида из эркеров и наслаждаясь рождественским завтраком а-ля фуршет, приготовленным дюжей поварихой, она же экономка Крейга, миссис Янссен и сервированным краснощекой горничной-ирландкой. В столовой было шумно.

Достопочтенный мистер Гардинер был безутешен. Он все-таки не попал на рождественскую

всенощную. Вывести машину вчера оказалось невозможно, а в бессмысленности попытки преодолеть сугробы пешим порядком убедился даже он сам. Крейг облегчил его страдания, включив радио в половине двенадцатого ночи и настроив его на станцию «Оу-Ар», чтобы священник мог прослушать «Хор небесный» и перезвон церкви святого Фомы, а в полночь все присоединились к старому священнослужителю, прослушав полуночную мессу, которую по И-эй-эф передавали из обители Святого Сердца. Расти и Джон пристроились на полу возле радио, а Эллери с изумлением наблюдал лицо Валентины, похожее на неподвижную трагическую белую маску, и сардонический изгиб губ Карло. Эллен это тоже заметила и казалась встревоженной.

После этого они пели рождественские гимны и украшали елку в гостиной. Затем большая часть гостей отправилась спать.

После завтрака Джон объявил, что у него для каждого есть рождественский сюрприз, и согнал всех в гостиную.

— Под елкой, — сказал Джон и замер с глупым видом. Под елкой ничего не было. Он посмотрел на Расти, а Расти посмотрела на мать.

— Ничего не понимаю, — сказала Расти. — Мы

сами их вчера ночью туда положили, после того как все улеглись.

— Странно, — пробормотал Джон. — Мейбл? — Горничная высунулась в дверь столовой. — Утром, когда ты топила камин, видела здесь какие-нибудь свертки?

— Нет, мистер Джон.

— Если кто-то решил так пошутить… — начал Джон довольно холодно, но вдруг расхохотался. Все обернулись. В проходе, ведущем в холл, стоял Санта-Клаус, а в руках у него была кипа сверточков с рождественскими подарками.

— Санта!

— Джон, да тебе бы актером быть!

— Но я не…

— Как ты замечательно придумал!

Это был классический Санта-Клаус с огромным животом, на славу укомплектованный белой бородой и бровями. Он, не говоря ни слова, начал весело раздавать яркие пакетики.

— Ой, Джон, какая роскошная брошка!

— Зажимчик для денег в форме… Что бы это могло быть?

— У меня, по-моему, барашек!

— Неужели непонятно? — взвизгнула Оливетт Браун. — Это все ваши личные знаки. Ты, Эл-

лен, — Овен, поэтому тебе барашек, Валентина, вы — Стрелец, и вам поэтому — фигурка лучника. И так далее. Это ведь была моя идея, а, Джон?

— Разумеется, ваша. Расти сделала эскизы и заказала фигурки в ювелирной мастерской Мойлана на Пятой авеню.

— Мы изрядно потрудились, выведывая день рождения каждого, — Расти рассмеялась, — но мы все же справились с задачей, и тогда оказалось, что мы все — двенадцать человек родились под разными знаками зодиака. Вам правда нравится?

Это были затейливые штучки из золота с узорами из полудрагоценных камней — броши для женщин, а мужчинам — зажимчики для денег, заменяющие бумажник. На зажимчике, предназначенном Эллери, были весьма искусно изображены Кастор и Поллукс.

— Нам следовало бы поблагодарить Фелтона, — сказал он. — Прекрасно исполнил роль Санта-Клауса. Где он?

Но Санта-Клауса не было.

— Фелтона? — спросил Джон. — А это был Фелтон?

— Тебе лучше знать. А что, нет?

— Ну, я не знаю, Эллери. Я никакого Санты не

планировал. Артур, твоя идея?

— Моя? — Крейг покачал головой. — Я к этому никакого отношения не имею.

Последовала небольшая пауза.

— Что ж, должно быть, это все-таки был Фелтон, — сказал Эллери. — Мы-то все были здесь, когда он раздавал подарки. Не могла же быть в этом костюме Мейбл, а тем более миссис Янссен. Это непременно был Фелтон.

— Я, сэр? — Все в изумлении обернулись. Но это был всего лишь Фелтон, стоявший в дверях, ведущих в столовую. На нем был зеленый резиновый передник и мыльные резиновые перчатки. — Я в буфетной посуду мыл. Миссис Янссен может подтвердить.

Эта пауза оказалась подлиннее.

Артур Крейг резко сказал:

— Хорошо, Фелтон. — Слуга попятился и исчез. — Интересно, кто же это все-таки мог быть?

— Артур, возможно, вы мыслите не в том направлении, — неожиданно пробормотал Дэн З. Фримен. — Возможно, это была тень отца Гамлета.

Никто не засмеялся.

— Тринадцатый! — Миссис Браун часто задышала. — Тринадцатый!

Джон подошел к ближайшему окну и с недовольной миной уставился на снег. Расти подошла к нему и что-то негромко сказала. Он пожал плечами.

— Тайны — ваша специальность, мистер Куин, не так ли? — жизнерадостно взвизгнул доктор Дарк. — Не раскроете ли нам эту?

Слова доктора разрядили обстановку. Все принялись убеждать Эллери, как выразилась Валентина, войти в роль.

— Все может быть до нелепости просто, — сказал Эллери. — Кто-то пригласил Санта-Клауса, так сказать, со стороны. Что, если виновный признается прямо сейчас? С утра пораньше из меня неважный сыщик.

Но все заявили о своей невиновности.

— Подождите минуточку. — Эллери вышел.

Он вернулся назад, сбивая снег с ботинок и стряхивая его с брюк.

— Ни единого следа, никакой отметины вокруг дома. Так что никто со стороны не мог пробраться сюда ночью, по крайней мере, после того, как снегопад прекратился. Кто-нибудь знает, когда именно перестал идти снег?

— Около половины третьего, — сказала Расти, — как раз перед тем, как мы с Джоном пошли

наверх.

— Следовательно, если кто-то и пробрался в дом, то было это до двух тридцати утра, иначе на снегу были бы следы. Насколько я помню, все мы разошлись спать примерно за час до Расти и Джона. Я ничего не слышал. А вы?

Никто ничего не слышал.

— Гм, — сказал Эллери. — А знаете, это интересно.

Хозяин, улыбаясь, покачал головой.

— Я предлагаю предать все это забвению.

— Мистер Крейг, это может быть не так легко.

— То есть?

— Нетронутый снег на улице говорит нам о двух вещах. Первое, если Санта пришел извне, то он пришел задолго до половины третьего ночи. Второе, когда бы он ни вошел в дом — прошлой ли ночью, в прошлом ли году, — он все еще здесь. Даже если бы он попытался наподобие старого святого Ника покинуть дом через печную трубу, ему понадобилась бы целая команда летающих оленей — Плясунов, Брыкунов, Громобоев и прочих, — чтобы удалиться, не оставив никаких следов на снегу.

— Эллери, может быть, он ушел после того, как вы вернулись! — Эллен выбежала, но тут же вер-

нулась, качая головой. — Ничего, кроме ваших же следов.

— Действительно, очень странно, Артур. — Роланд Пейн профессионально нахмурился. — Кто же это мог быть?

В наступившей тишине Мариус Карло спросил:

— И как же наш специалист предполагает поступить дальше?

— Прогноз не слишком мрачен, Мариус, — с улыбкой сказал Эллери. — Кто бы это ни был, он все еще в доме и прячется. Скорее всего в нежилой части. Если мистер Крейг не возражает, я занялся бы поисками.

Бородач обеспокоенно махнул рукой.

— Наверное, мистер Куин, так будет лучше всего.

— Эллен, вы же знаете этот дом как свои пять пальцев. Что, если мы поищем вместе. — Несколько суше он добавил: — Всех остальных для чистоты опыта прошу оставаться здесь.

Эллен, явно встревоженная, первая пошла наверх.

— Эллери, что это, по-вашему, значит?

— Да просто кто-то решил позабавиться. И ловко все провернул. Эллен, не надо падать духом.

Давайте тоже отнесемся к этому как к доброй шутке и будем действовать соответственно.

Час спустя мистер Куин вовсе не походил на человека, увлеченного веселой игрой. Они обошли все комнаты в нежилой части дома, не обнаружив и следов чьего-либо присутствия. Они даже забирались на чердак и побывали в комнатах прислуги, посмотрели под свесом крыши и в нескольких кладовках. Спустившись вниз, они по настоянию Эллери осмотрели погреб. К тому времени повариха, горничная и Фелтон заразились всеобщим беспокойством и, собравшись в кружок на большой кухне, о чем-то перешептывались. Под конец Эллери, хотя снег вокруг дома уже привел его к однозначному выводу, пробрался, увязая в снегу, к надворным постройкам. Одна из них представляла собой двухэтажный гараж, перестроенный из старого каретного сарая, другая служила конюшней. Эллери облазил их от пола до крыши.

Никаких признаков тринадцатой персоны он не обнаружил.

— Беда в том, — пожаловался он Эллен, — что тут так много комнат, заставленных таким количеством рухляди, так много шкафов, что наш незваный гость мог бы скрываться бесконечно

долго, просто перебегая из укрытия в укрытие и опережая нас. Интересно, что за этим кроется?

— Что бы ни крылось, мне это не нравится.

— Двенадцать, — пробормотал Эллери.

— Что?

— Двенадцать участников увеселения, двенадцать дней и ночей от Рождества до Крещения, а теперь — пропавший Санта-Клаус, который раздает двенадцать знаков зодиака.

— Вы спятили.

— Клянусь бородой лжепророков, миссис Браун, — проворчал Эллери, — я и сам толком не пойму, спятил или нет.

Открытие совершила крошка Мейбл, горничная. Она собиралась накрыть на стол к обеду, и тут раздался ее пронзительный визг. Эллери, который в компании Эллен, мистера Гардинера и еще нескольких гостей находился в гостиной, слушая специальную трансляцию — рождественские поздравления Америке из Голландии, вбежал в гостиную. Ирландка стояла вплотную к стене, с ужасом глядя в большой дубовый комод.

— Я… я хотела достать большие салфетки на стол, — сказала Мейбл, клацая зубами. — Открываю я комод, а там… — она показала дрожащим пальцем. — А там вот что!

В комоде лежала аккуратно сложенная полная экипировка Санта-Клауса — шуба, шапка, сапоги, набрюшник, варежки, накладные брови, парик и борода.

Пока Эллен успокаивала перепуганную девушку, Эллери поспешно осмотрел костюм. Он был совершенно новый на вид, не было на нем ни бирок, ни следов носки.

— Должен заметить, что у того, кто это все провернул, есть чувство юмора. — Толстый доктор хихикнул. — Он определенно знал, что Мейбл или еще кто-нибудь рано или поздно обязательно заглянут сегодня в комод.

Роланд Пейн пробурчал, сохраняя при этом изысканность модуляций:

— Я нахожу это не более смешным, чем непристойные анекдоты на пикнике нью-йоркских демократов.

— Шутите сколько влезет, — страстным вибрато произнесла Оливетт Браун. — Но в этом доме что-то есть. Опасность. Я ее чувствую. Да… Она накатывает на меня волною. — Она плотно прикрыла глаза, и на одно кошмарное мгновение Эллери подумал, что она впадает в транс. Однако бодрый комментарий доктора Дарка произвел на миссис Браун гальванизирующее действие.

— Неужели вы действительно верите в эти бредни?

— Бредни! — Она чуть не набросилась на него. — Не возносите хулы на то, в чем ничего не понимаете… Есть много больше на земле и в небесах…

— Чем в моей, скажем, философии, — сказал Эллери, не отрывая взгляда от безмолвного красного костюма. — Я не разделяю предчувствий вашей души, но должен признать, что все это мне тоже не больно нравится. Выходит, никто даже мельком не видел, кто утром положил этот костюм в комод?

Никто не видел.

Во второй половине дня небо заволокло какой-то пеленой, которую нельзя было полностью отождествить с тучами.

Серые облака прикрыли солнце, потеплело, и Элдервуд начал потихоньку выкапываться из-под снега. Весь день вокруг лязгали снегоочистители. Явился местный автомеханик с грузовичком, оборудованным большим деревянным скребком, и расчистил подъездной путь к дому Крейга. Джон и Эллери взялись за лопаты и помогли Фелтону проложить тропку вокруг дома.

Но казалось, что кто-то буквально выжал из

них всю радость жизни. Расти, Валентина и Эллен затеяли было играть в снежки, но очень скоро прекратили это занятие. Возник разговор о том, чтобы запрячь одну из лошадей с конюшни в старые сани со ржавыми ободами, но и эта идея как-то быстро угасла.

В музыкальной комнате Мариус Карло сидел за фортепиано, прищурив глаз над дымящейся во рту сигаретой, и наигрывал яростные маленькие арпеджио и карикатурно искаженные фрагменты из опер, часто прерываясь для того чтобы наполнить свой стакан коктейлем; в то же время Оливетт Браун, бесчувственная к музыкальным сарказмам Карло, притулилась в уголочке с книгой, обнаруженной ею в крейговском собрании первопечатной Америкианы — «Чудесами невидимого мира» Коттона Мэзера. Вместе они образовывали на удивление гармоничную картину.

Дэн Фримен, доктор Дарк и мистер Гардинер прогулялись в роще за домом. Неожиданно для самих себя они вступили в оживленную дискуссию о двух новейших бестселлерах: «Истории Сен-Мишеля» Акселя Мунте и «Искусстве мыслить» аббата Эрнеста Димне, ни один из которых они в нормальных обстоятельствах не сочли бы

заслуживающим спора.

Крейг и Пейн прохлаждались в библиотеке, обсуждая сравнительные достоинства администрации Гувера. Обычно при спорах на сей счет от них искры сыпались. Но сегодня адвокат довольно тускло высказывался по поводу преувеличения роковой роли «Черного четверга», а Крейга хватило лишь на вялое осуждение сенатора Хефлина и других «гуверократов», не допустивших в Белый дом Эла Смита, а стало быть, и здоровую экономику.

Эту тревожную атмосферу не рассеял и замысловатый рождественский обед миссис Янссен, поданный в пять часов. Казалось, что все, хоть вполуха, но прислушиваются — не раздадутся ли наверху шаги призрака. Расти и Эллен изо всех сил пытались поддержать застольную беседу, но она упорно не клеилась и тонула в паузах.

— Больше похоже на поминки! — Джон отбросил салфетку. — Давайте пойдем в гостиную и выпьем кофе с коньяком. Может быть, из радио выудим что-нибудь веселенькое.

— В полседьмого «Дядя Дон», — с невинным видом сказал Мариус. — Или же титаны мысли и муз предпочтут «Амоса и Энди» в семь, или «Пекарей-весельчаков» в полдевятого. Непременно,

непременно обратимся к сему высшему инструменту культуры.

Но радио им довелось послушать не скоро, лишь в самую рождественскую ночь. Ибо, войдя в гостиную, они первым делом столкнулись с новой загадкой.

Под елкой лежал большой пакет, обернутый в краснозеленую фольгу и перевязанный позолоченной лентой. К ленте была прикреплена рождественская открытка, изображающая веселого Санта-Клауса. На открытке была аккуратная машинописная надпись «Джону Себастиану».

— Ну вот и что-то приятное, для разнообразия. И кто же скромный даритель?

Джон повертел пакет и так, и сяк, пытаясь найти ответ на свой вопрос. Но так и не смог.

По комнате прошел какой-то холодок.

— Вздор! — внезапно сказал Джон. — Кто-то имел любезность сделать мне подарок, а мы все стоим тут с таким видом, словно он сейчас взорвется!

Он сорвал обертку и извлек белую коробку без всяких пометок. Сняв крышку, он увидел в ней несколько предметов, завернутых по отдельности в красную оберточную бумагу. Сверху лежала нелинованная белая карточка, на которой было

что-то напечатано.

Джон, нахмурившись, прочел вслух:

В первый Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
В о л а из древа сандала;
Но только этого мало —
Шлю еще недостроенный дом —
Пусть невеста поселится в нем —
И в е р б л ю д а, почти что из стали;
Ходит он в полосатой эмали.

— Какого черта! — сказал Джон. — Чушь какая-то!

— Просто бессмыслица! — сказала Эллен. — И что это должно означать?

Эллери внезапно произнес:

— Джон, дай-ка взглянуть.

Все сгрудились вокруг, читая странные вирши через плечо Эллери.

— «Шлю тебе, мой голубок», — размышлял он вслух. — Не представляю себе, кто бы мог так написать. Разве что, вы Расти. Это не вы послали?

— Нет, — сказала Расти. — У меня есть старомодная буржуазная слабость подписываться, причем своим именем.

— Вы, мистер Крейг?

— Нет, нет.

Эллери негромко сказал:

— Посмотрим, Джон?

Джон перенес коробку на узкий длинный стол и с чрезвычайной осторожностью вынул предмет, лежащий сверху. Затем он яростным движением сорвал оберточную бумагу.

Предмет представлял собой глянцевитую фигурку ручной резьбы из коричневого сандалового дерева на простой деревянной подставке. Фигурка изображала вола с полого загнутыми рогами.

— Что-то дальневосточное, — пробормотал Эллери.

Расти покачала головой.

— Скорее индийское.

Эллери перевернул маленького вола и кивнул. На подставке были отштампованы слова «Made in India».

— Теперь, Джон, доставай тот, который побольше.

Джон вытащил предмет, но обертку снял Эллери.

Как и было обещано, это оказался дом — нечто вроде самодельного кукольного домика, довольно искусно сложенного из миниатюрных

блоков, выкрашенных красным, под кирпичную кладку. Крыша домика, сделанная из маленьких кусочков черной шиферной плитки, лежала на верхнем этаже несколько кривовато. Эллери снял ее и открыл верхний этаж. Там были маленькие комнатки и коридоры, и лестничный марш, ведущий с первого этажа наверх.

— Но что все это значит? — спросила Эллен.

— Вот в этом проеме на втором этаже не хватает двери. А посмотрите сюда! — На первом этаже в одной из внешних стен не хватало окна.

— Но что все это значит? — спросил Эллери.

Эллери пожал плечами. В домике не было мебели. Эллери перевернул все сооружение, желая найти знак изготовителя, вообще хоть что-нибудь, указывающее на происхождение домика. Ничего не было.

— Явная самоделка. Джон, давай посмотрим последнее. Что там сказано — верблюд?

Это и был маленький двугорбый верблюд.

— Тяжелый. — Эллери подумал, что верблюд сделан из какого-то сплава олова, как раньше делали солдатиков. Фигурка была покрыта черной и белой эмалью. Как и на домике, никаких указаний на место изготовления или изготовителя не было.

— По-моему, средиземноморский, — сказала Расти.

— Точнее, азиатский, — возразил Эллери. — Двугорбый верблюд — бактрийский, а не аравийский. Но, по-моему, не имеет никакого значения, откуда эти вещи. Хотя кое-кто, конечно, очень постарался — непонятно только, зачем. Интересно, если мы сопоставим эти три предмета, то какой, по замыслу автора, должен получиться вывод?

— Безумие, — тут же сказал доктор Дарк.

— Вряд ли, доктор, хотя предположение ваше и соблазнительно. Стихи скорее свидетельствуют о здравом рассудке. Кстати, никто этих предметов раньше не видел?

Все дружно покачали головами.

— Совершенно ничего не понимаю, — сердито сказал Джон.

— А я понимаю! — воскликнула Оливетт Браун. — Здесь явное влияние духов. Мне еще не все ясно, но верблюд… в Индии ни одно привидение не переступит порога дома, если под порогом зарыты кости верблюда… Да, и дом есть — и еще, разве на этом воле не написано, что он сделан в Индии?

— Это, пожалуй, немного замысловато, миссис Браун, — вполголоса заметил Эллери. — Постой-

те… Из трех предметов два — это животные, третье — дом. Связи, похоже, нет, если только дом этот — не зверинец, а это заведомо не так. Материал разный: вол из дерева, дом — из дерева, фальшивого кирпича и шифера, верблюд — из металла, покрытого эмалью. Размеры не совпадают: вол больше верблюда, а дом — и вовсе в ином масштабе. Цвета? Коричневый, красный, черный, белый, серый и снова белый.

— Чувство такое, будто снова перечитываешь «Загадку цилиндра», — сказал издатель Фримен. — Продолжайте.

— Некуда продолжать, мистер Фримен. Не могу в этих предметах усмотреть ничего общего, помимо того непреложного факта, что они были подарены Джону неизвестным лицом по нераскрытым причинам. Джон, тебе на ум ничего не приходит?

— Нет, черт возьми! — сказал Джон. — Только чувствую, что во всем этом есть какая-то гнусность. А почему — не знаю.

— Скорее всего кто-то так развлекается, — сказала Расти, взяв Джона за руку. — Не будь таким мрачным, милый.

— Вол! — воскликнула ее мать. — Одно из обозначений Тельца. Кто из нас Телец? Да это же вы,

мистер Крейг!

Бородатый хозяин с грустью сказал:

— Да, конечно, вы правы, миссис Браун. Но позвольте заверить вас…

— Мама, не говори глупостей! — резко сказала Расти.

— Но, дорогая, он же Телец.

— Эллери, — сказала Эллен, — может быть, отгадка в тексте?

— Если это так, то я ее не вижу. Очевидно, наш рифмоплет использовал старинный английский гимн… как его?.. — Он постоял, вспоминая, потом пробормотал: — Черт меня дважды побери, конечно же, «Двенадцати святочных деньков». — Видя недоумевающие взгляды присутствующих, он пояснил: — Я уже говорил Эллен о том, как во всей этой истории странным образом повторяется число «двенадцать». Нас двенадцать, собрались мы на праздник, именуемый «Двенадцать святочных деньков», и все двенадцать человек случайно, а может быть и не случайно, представляют двенадцать знаков зодиака. Теперь же появляются эти подарки, а в виршах, их сопровождающих, пародируется старинный рождественский гимн, который так и называется — «Двенадцать святочных деньков»! Помните,

как там поется: «В первый святочный денек / Мне прислал мой голубок / Куропаточку на грушевой ветке. / Во второй святочный денек / Мне прислал мой голубок / Двух горлинок нежных / И куропаточку на грушевой ветке». И так далее. На третий день прибавляется «Трех курочек белоснежных» и повторяется про горлинок и куропатку на грушевой ветке. На четвертый день добавляются «четыре певчие птички». Так оно и идет — за каждым новым подарком повторяются все предыдущие, пока на двенадцатый день все это не заканчивается на «двенадцати барабанщиках, бьющих в барабаны».

— Очаровательно, — сказал кто-то. — И что из этого следует?

Эллери не нужно было оборачиваться, чтобы узнать этот голос.

— Не знаю, Мариус. Но что-то здесь явно только начинается. Вряд ли этот рождественский гимн взяли бы за образец для этой игры в фанты, если бы не собирались действовать по той же схеме.

— «О радостный, счастливый день!» — сказал Джон. — Или как?

— И этого не знаю. Да только вряд ли автором двигало желание доставить радость. Боюсь, Джон, что хоть и выглядит это как дурачество, надо

отнестись к этому всерьез. Обычно люди не идут на такие ухищрения просто ради шутки. Или если это все же шутка, то совершенно непонятно, в чем же соль. И это внушает опасения.

Все помолчали. Их охватила какая-то беспомощность — никто не знал, смеяться ли надо или тревожиться.

Эллери постучал по белой карточке.

— Единственный modus operandi[Способ действия *(лат.)*.], который я могу предложить, — исследовать этот пародийный текст, обращая внимание на расхождения с оригиналом. Кстати, слова «вол», «дом» и «верблюд» напечатаны вразрядку. Полагаю, что это следует считать попыткой как-то их выделить, привлечь особое внимание именно к предметам.

— Теперь о различиях с исходным текстом. Они начинаются сразу же. В первой строке гимна поется: «В первый святочный денек». На карточке же — «В первый Святок вечерок». Во второй строчке тоже есть различия. В гимне поется: «Мне прислал мой голубок»; в записке же говорится: «Шлю тебе, мой голубок», то есть имеется в виду конкретно Джон. В третьей строчке «куропаточка на грушевой ветке» непонятно зачем превращается в «вола из древа сандала», а далее

сочинитель безвозмездно присовокупляет еще два предмета, которые отсутствуют в оригинале, даже в арифметическом смысле: «недостроенный дом» и «верблюда почти что из стали». — Эллери неожиданно добавил: — Может, мои рассуждения и покажутся глупыми, но то, что там говорится и как говорится, ничуть не умнее на первый взгляд всего того, что могу сказать я. И все же кто-то не поленился раздобыть или сделать все эти предметы, завернуть их, сочинить стишки, сложить все это дело в коробочку, а потом отсидеться в каком-нибудь укромном местечке в этом доме, который похож на лабиринт, улучить момент, незаметно проскользнуть вниз и подложить подарочек под елку. Если учесть, что пятнадцать человек — двенадцать и еще три человека прислуги — все это время передвигались по первому этажу совершенно непредсказуемо, этот его поход к елке был чрезвычайно рискованным — если он, конечно, хотел остаться незамеченным или, по крайней мере, незамеченным по правилам избранного им варианта игры в «кошки-мышки». Нет, бессмысленность здесь только поверхностная… А это еще что такое?

Произнося свой монолог, Эллери незаметно для себя перевернул карточку. Теперь же он, нахмуря

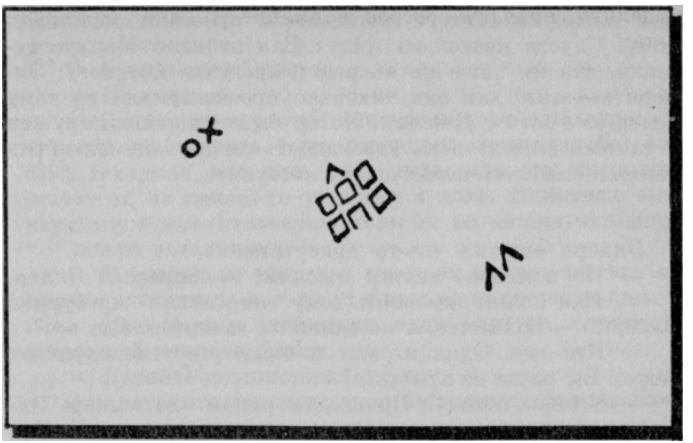
брови, смотрел на какие-то каракули на ней.

Все сгрудились вокруг него, являя собой некое уменьшенное подобие «смятенной толпы». Даже у миссис Браун, несмотря на все ее связи в мире теней, сквозь румяна проступила зелень в лице.

Пометки были сделаны карандашом:

— Здесь есть слово «вол», — тихо произнес Фримен. — Это ясно, как совесть издателя. Но будь я проклят — извините, мистер Гардинер, — если могу разобрать все прочее.

— Ничего, ничего, мистер Фримен, — отозвался старый священнослужитель, сделав пальцами приличествующий сану и случаю жест. — Вероятно, я более чем кто-либо из присутствующих знаю толк в проклятиях. А ведь это все очень любопытно.



— А вот эти две закорючки внизу, — сосредоточенно произнес доктор Дарк. — Они как два горба. Два верблюжьих горба!

— А рисунок в центре? — пробормотал мистер Гардинер. — Мне что-то кажется, мистер Куин, что он вполне может обозначать домик с недостающим окном внизу и коньком крыши наверху.

Эллери кивнул.

— Да, рисунки несомненно относятся к трем подаркам в коробке: верблюд только начат, как будто рисовальщика либо прервали, либо он по какой-то другой причине не закончил рисунок. — Он покачал головой. — Боюсь, что ничего больше прибавить не смогу. Кроме прогноза, что будут еще «подарки» такого типа, вероятно, по коробочке на каждую из двенадцати святочных ночей. А это означает, что к тому ряду дюжин, который у нас уже наметился, прибавляется еще одна. Двенадцать подарков тебе, Джон.

— А ему шиш, кто бы он ни был! — сказал Джон. — Осточертели мне эти глупости. Кто-нибудь хочет по городку прогуляться?

Очевидно, кроме Расти, никто не хотел. Они с Джоном натянули свитера, башлыки и сапоги и вышли из дому. Спустя несколько минут Валентина и Мариус решили, что им тоже не повредит прогулка по снегу: Эллери заметил, как они тихонько проскользнули из дому вслед за Расти с Джоном. Но он был слишком погружен в тайный смысл числа «двенадцать» и не задумался над тайным смыслом человеческих поступков.

Эллери ощутил чье-то присутствие.

— Не помешаю вашим мыслям? — спросила Эллен.

— Как можно помешать тому, чего нет, — пробурчал Эллери. — Извините, я не слишком галантен. Где все?

— Кто где. Одни играют в бридж, другие слушают радио. Вы разве не слышите?

— Теперь слышу. Присядьте рядом со мной, Эллен. — Он подвинулся на скамье возле камина. — Что вы обо всем этом думаете?

— Ничего. Но мне страшно.

— Не знаете, кто-нибудь настроен против Джона?

— Настроен против Джона? — Эллен искренне удивилась. — Не могу себе такого представить. Джон такой очаровательный, талантливый, веселый. Уверена, что оп в жизни и мухи не обидел.

Эллери кивнул, хотя и не вполне разделял оценку, данную Эллен питомцу ее дяди. На сборищах в Гринвич-Виллидж Эллери наблюдал Джона и в такие моменты, когда шарм Джона явно улетучивался, а за поэтическим фасадом ощущалось нечто весьма жесткое, склонное к упрямому своенравию — чего Эллен не замечала или не желала замечать. «Джон вполне мог бы обидеть муху, — подумал Эллери, — и тогда от бедной мухи и мокрого места не осталось бы».

— А Мариус?

Эллен опешила.

— Мариус — лучший друг Джона.

— Он очень своеобразно это проявляет. Мариус влюблен в Расти?

Эллен отвела взгляд и стала смотреть на огонь в камине.

— Почему вы об этом Мариуса не спросите?

— Может быть, и спрошу.

— Пока вы на это решаетесь, мистер Куин, позвольте простой студентке отделения искусствоведения обратить ваше внимание на что-то такое, что вы, по всей вероятности, проглядели.

Теперь опешил Эллери.

— Проглядел?

— Слова на карточке отпечатаны на машинке. Это значит, что должна быть пишущая машинка. Вы ведь сами говорили, что, кто бы за всем этим ни стоял, действует он из какого-то укрытия в доме. Возможно, он и карточку в доме отпечатал. Если бы вы нашли машинку…

Эллери воскликнул:

— Я настолько погряз в праздномыслии, что это мне просто не пришло в голову! Сколько машинок в доме?

— Две. Одна в библиотеке дяди Артура, другая — в прежней комнате Джона.

— Давайте пошпионим.

Они встали и направились в библиотеку Артура Крейга. Игроки за ломберным столом не подняли голов. Достопочтенный мистер Гардинер и миссис Браун как завороженные слушали пулеметную скороговорку «охотника за сенсациями», одноглазого Флойда Гиббонса, с треском вылетавшую из большого орехового «стромберг-карлсона», который стоял на шести ножках и по форме являл собой половинку правильного восьмигранника.

Эллери посмотрел на часы.

— Десять сорок. Гиббонс основательно отвлечет мистера Гардинера и миссис Браун, а эта четверка за ломберным столом ничего не заметит, даже в том случае, если предсказания Воливы о конце света начнут сбываться прямо у них под ногами. Только после вас, Эллен.

Они прошмыгнули в библиотеку, и Эллери тихо прикрыл дверь. Он заблаговременно прикарманил записку из таинственной коробки, подаренной Джону, и теперь попросил Эллен напечатать копию записки на старенькой машинке, принадлежащей Артуру Крейгу. Она легко и быстро напечатала. Эллери сравнил ее копию с оригиналом на свету настольной лампы

и покачал головой.

— Нет. У этой машинки многие литеры выщерблены или не попадают в строку. На карточке этого нет. Текст печатали на машинке другой марки и поновей. Проверим машинку Джона.

Они неспешно продефилировали в холл, а оттуда быстро забежали наверх.

— О Боже! — сказала Эллен у двери Джона. — Что, неужели вся работа сыщика так глупа?

— Угрызения совести отменяются, мисс Крейг. Помните, что это была ваша идея.

Они вошли и через три минуты вышли.

Карточка не была напечатана на машинке Джона.

— Эллен, вы уверены, что в доме больше нет машинок?

— Других я не знаю.

— Лучше в этом точно удостовериться. Или так: этим займусь я, а вы спускайтесь и отвлеките игроков какими-нибудь непрошеными советами.

Эллен тряхнула своими светлыми волосами.

— Не старайтесь запугать меня — я и так достаточно напугана. В любом случае, мы ведь оба в этом замешаны?

Итак, она знала, что он собирается еще раз поискать пропавшего Санту. Ухмыльнувшись,

Эллери пожал ей руку и пошел впереди.

Они не нашли ни третьей машинки, ни неуловимого незваного гостя.

Перед отходом ко сну Эллери извлек из чемодана один из рождественских подарков отца — единственный отцовский подарок, который он взял с собой в Элдервуд. Это был дневник на 1930 год, который начинался с нескольких страниц без даты для последней недели декабря 1929 года. Ведением дневников Эллери грешил с малолетства. Ему пришло в голову, что сейчас эта привычка могла бы оказаться полезной — следить за ходом того, что обещало обернуться целым букетом неожиданных событий.

Эллери начал на первой чистой странице, проставив дату: «25 декабря 1929 года, среда», и полчаса что-то писал мелким почерком.

Потом он заснул, и снились ему волы, верблюды, горлицы и свежее, пышущее здоровьем личико Эллен Крейг.

Второй вечер: четверг, 26 декабря 1929 года

Глава Четвертая, в которой загадочный шутник откалывает вполне убийственный номер, а подопечный гостеприимного хозяина получает еще один удивительный подарок

Утром, в четверг, началась оттепель и было очень пасмурно. По какому-то обратному совпадению все спустились к завтраку в прекрасном настроении.

— Кто-нибудь уже под елочкой смотрел? — весьма театрально осведомилась Валентина.

На ней был твидовый костюм от Бергдорф-Гудмена из яркой сине-зелено-бежевой шотландки, нарочито подчеркивающей ее бледность и принуждающий завороженные взгляды останавливаться на ее ярко накрашенных губах.

— Мисс Уоррен, позвольте предпринять это маленькое расследование с вами? — галантно осведомился Роланд Пейн. Седовласый адвокат разглядывал Валентину с внимательностью аукционного покупателя.

Длинные ресницы Валентины растроганно

затрепетали.

— Отчего же, мистер Пейн, буду просто счастлива…

— Республиканцы — это по части нашей Вэл. Она из них веревки вьет, — набив рот ветчиной, поведал Мариус. — Ставлю десять против пяти, что в данный момент она выуживает, не затесался ли в его клиентуру кто-нибудь из голливудских продюсеров.

— Свинтус, — добродушно сказала Расти. — Джон, ты думаешь, там что-то есть?

— Под елкой? Не знаю, радость моя, и знать не хочу, — ответил Джон. — Это все годится для раздела юмора, но меня нисколько не забавляет.

— В такую рань Вэл и Пейн ничего под елкой не найдут, — сказал Эллери. — На карточке же было написано «В первый Святок вечерок». А последовательность места и времени — одно из положительных свойств такого типа подражания Барни Гуглу.

— Тогда ему придется проявить свою щедрость прямо у меня перед носом, — сказал Мариус Карло. — Сегодня вечером по И-эй-эф отрывки из «Аиды» с Ретберг в главной партии, а Радамеса поет Лаури-Вольпи. Этого я не променяю и на дюжину Барни Гуглей.

Эллен воскликнула:

— Ну как?

Из-под елки вылезла надутая Валентина.

— Ничего.

— Кроме нескольких иголочек. — Адвокат слегка развернул Валентину, чтобы оказаться с ней в более укромном уголочке. — Почему бы вам не рассказать мне о себе, мисс Уоррен? На Побережье у меня есть несколько влиятельных знакомых…

— Тут кое-кто говорил о якобы присущем мне свинстве. Смею ли я добавить к нему весьма отчетливый запах козлизма? — спросил Мариус, ни к кому конкретно не обращаясь.

— По крайней мере, мистер Пейн — джентльмен, — отрезала Оливетт Браун.

— Козлующий джентльмен, — кивнул Мариус. — Или даже весьма поэтический джентльменствующий козел, ибо он упражняет свой козлизм под знаком Козерога, не так ли, миссис Браун? — Она метнула в его сторону испепеляющий взгляд. — Итак, ныне, когда планы мастера Пейна на сегодня в надежных руках, что сделать всем остальным, дабы украсить каждый лучезарный час?

Раздражение миссис Браун сменилось надеждой.

— У меня тут при себе планшетка…

Всеобщий исход был стремительным.

И вышло так, что пока не подали обед, люди рассредоточились повсюду, избегая лишь гостиной, где миссис Браун томилась, как паучиха в ожидании вожделенного подергивания паутины. Но даже она совершала оттуда вылазки в надежде получить какую-нибудь добычу.

После обеда все потянулись в гостиную и осоловело там расселись. Всех одолевала сонливость, вызванная произведениями миссис Янссен и мигающим пламенем в камине. И поэтому, когда было сделано еще одно открытие, оно явилось как удар молнии во время пикника.

Открытие сделал Джон Себастиан. Крейг послал его в библиотеку принести на просмотр Дэну Фримену первое издание По. Джон пробыл в библиотеке не более пяти минут и появился, делая какие-то неопределенные жесты в ту сторону, откуда только что вышел.

— Артур, — он замолк и облизнул губы. — Там мертвец.

В мертвой тишине, вызванной этим чрезвычайным заявлением, Крейг безучастно спросил:

— Что, Джон? Что ты говоришь?

— Там мертвец. Я его раньше никогда не ви-

дел.

На полу библиотеки на животе лежал тощий старик. Голова была свернута на сторону, рот приоткрыт. У него был усталый вид, как будто бы он принял смерть не протестуя, а безропотно подчинившись. Из центра темного, застывающего пятна между лопатками торчала рукоять бронзового кинжала, точно пыльник увядшего цветка.

— Мой нож, — как-то сдавленно произнес Крейг. — Вон с того стола. Этрусский артефакт. Я им письма вскрывал.

— Этрусский кинжал, — пробормотал Дэн Фримен. — Бьюсь об заклад, что ему и раньше был знаком вкус крови.

— Пожалуйста, — сказал Эллери. — Останьтесь все за дверью. Кроме доктора Дарка. Зайдите, пожалуйста, доктор.

Толстый доктор протиснулся в библиотеку. Остальные столпились в проеме. Все были до того ошеломлены, что даже не испытывали ужаса.

— Не трогая его, вы могли бы приблизительно определить, когда наступила смерть?

Доктор Дарк опустился на колени перед трупом. Прежде чем до него дотронуться, он пошарил по карманам, достал платок и обтер лоб. Наконец он поднялся с колен.

— Я бы сказал, не более двух часов назад.

Эллери кивнул и тоже склонился над трупом. Доктор Дарк присоединился к остальным.

Убитый старик был какой-то мешковатый, опустившийся — и не только смерть была тому причиной. Его серый шерстяной костюм был сильно поношен, как и потертое твидовое пальто, заляпанная фетровая шляпа, дешевый шерстяной шарф и рукавицы, валявшиеся рядом на полу. Старомодным тяжелым ботинкам, без всяких бот или галош, явно не повредили бы новые подошвы.

Редкие клочки бесцветных волос только подчеркивали синюшный цвет голого черепа. Под ухом виднелся небольшой порез, словно у старика при бритье дрожала рука.

— Кто-нибудь знает, кто это такой? — Когда никто не ответил, Эллери резко поднял голову. — Ну же! Кто-то ведь должен его здесь опознать. Мистер Крейг?

Бородач покачал головой.

— Он мне совершенно незнаком, мистер Куин.

— Мистер Пейн? Мистер Фримен? Мариус? — Эллери намеренно называл имена одно за другим, вынуждая говорить каждого. Но отрицательные ответы ничего ему не дали: в них во всех слыша-

лась искренняя озадаченность.

— Что ж, установить его личность будет, по-видимому, не так уж трудно. И тогда узнаем, кто впустил его в дом. — Последовало всеобщее молчание. — Это просто смехотворно! Не мог же он вот так взять и материализоваться здесь, на ковре в библиотеке мистера Крейга, как джинн или какой-нибудь эктоплазматический приятель миссис Браун. Обувь успела просохнуть — значит, в доме он был достаточно долго. Фелтон, вы здесь? Это вы его впустили?

— Нет, сэр!

— Миссис Янссен? Мейбл? — Мгновение спустя Эллери безучастно сказал: — Мистер Крейг, вам лучше позвонить в полицию.

Полиция Элдервуда состояла из пяти человек — четверых патрульных и начальника по фамилии Бриккел, который занимал эту должность более двадцати лет. За эти годы на Бриккела главным образом возлагалась задача тащить заезжих автомобилистов пред очи местной Фемиды для уплаты штрафов, что избавляло налогоплательщиков Элдервуда от большей части расходов на содержание полиции. Его кабинет размещался в темной клетушке в одном из углов ратуши, а помещение для арестованных представляло собой

две проржавелые каморки в подвале, постояльцами которых были только случайные пьяницы по субботним вечерам.

— Боже мой, мистер Крейг, как же это вышло, что к вам в дом подбросили убитого? — Это было первое, что сказал начальник полиции, войдя в дом Крейга.

В ответ Крейг прорычал:

— Ей-богу, Брик, откуда же мне знать?

Полицейский явно не имел ни малейшего понятия, с чего начать. Он сумел лишь уставиться на труп и пробормотать: «Значит, в спину пырнули, да? Черт-те что!», зеленея при этом своим обветренным лицом. Когда ему сообщили, что никто из присутствующих не признался, что знает покойного, было видно, какое заметное облегчение он испытал.

— Тогда, я думаю, особенно беспокоиться не о чем. Скорей всего это какой-нибудь бродяга. Может, они с дружком забрались сюда, чтобы стащить что-нибудь, подрались, дружок ткнул его ножичком и смылся. Вот все и объяснилось.

— Конечно, объяснилось, — вмешался Эллери. — Но все же вам не кажется, что лучше бы этим делом заняться поосновательней? Я буду рад помочь.

— Вы из полиции?

— Нет, но опыт такой работы у меня есть.

— Это Эллери Куин, Брик, — сказал Джон. — Его отец — инспектор Куин из нью-йоркской полиции. Эллери — это тот самый, который раскрыл знаменитое дело об убийстве в прошлом году в Нью-Йорке — убийство Монте Филда в Римском театре.

— О! — Бриккел сердечно пожал руку Эллери. — Рад познакомиться с вами, мистер Куин. Есть у вас предположения какие-нибудь?

— Я бы поставил в известность окружную полицию.

— Чтобы у них голова болела, да? Мистер Крейг, я от вас позвоню, не возражаете?

— Вперед, — сказал Крейг, усмехаясь.

— Да, Бриккел. Пока вы звоните, можно я осмотрю покойника?

— Валяйте.

— Вот отца порадую, — вполголоса сказал Эллери, когда начальник полиции, шумно топая, вышел. — Позволить одному из подозреваемых в убийстве первым осмотреть труп!

Когда Бриккел вернулся, Эллери успел вывернуть карманы мертвеца.

— Боюсь, шеф, что окружная полиция получит

у нас кота в мешке.

— Они сейчас приедут… Что вы говорите, мистер Куин?

— У него карманы обчищены. Никаких документов, бумажника, ключей, драгоценностей, денег, носового платка. Для пущего интереса с одежды срезаны все бирки и даже внутренняя лента на шляпе. — Эллери задумчиво посмотрел на труп маленького старика. — Значит, убийца не хотел, чтобы убитого опознали. Это делает вопрос установления личности крайне важным. В Элдервуде есть судебно-медицинский эксперт?

— Доктор Теннант, — ответил доктор Дарк.

— Не дурно было бы известить и его, шеф.

— Да? Ну да, конечно. — Бриккел поспешно вышел. Все замолчали.

— Этот вчерашний Санта-Клаус, — внезапно сказала Растй. — Может быть, этот человек?..

— Нет, — сказал Эллери. — Наш невысокий гость из иных миров при жизни был не выше пяти футов четырех-пяти дюймов. Наш же друг Санта был выше меня, а во мне ровно шесть футов. Я бы сказал, что он ростом с Джона. Джон, в тебе ведь шесть и два?

— Шесть и полтора.

И снова все замолчали.

Валентина Уоррен истерически произнесла:

— Двое неизвестных. Один исчез, другой убит! Два призрака! Что все это значит, в конце концов?!

Никто не ответил, даже Оливетт Браун.

Появление лейтенанта Луриа из окружной полиции внесло во все происходящее тревожную нотку здравого смысла. Чернобровый сдержанный молодой человек с мускулистыми икрами, он вошел в дело неприметно, без театральности, скоренько расставив по местам свой отряд полицейских и экспертов из окружной криминалистической лаборатории, а затем уселся и начал задавать ненавязчивые вопросы, и все по существу.

С самого начала стало ясно, что он заранее не исключил из числа подозреваемых никого из находившихся в доме, включая и Эллери — пока это значительное лицо не предъявило кой-какие верительные грамоты. Но даже и это не удовлетворило Луриа полностью. За подтверждениями он позвонил инспектору Куину в нью-йоркское управление.

— Инспектор хочет поговорить с вами. — Луриа вручил Эллери трубку.

— И во что ты вляпался на сей раз, сынок? — Су-

дя по голосу, инспектор был готов ко всему.

— Не знаю, папа.

— Не можешь говорить? Скажи мне только — сам-то ты вне подозрений?

— Абсолютно.

— Мне подъехать?

— Зачем? — Эллери повесил трубку. — Чем могу помочь, лейтенант?

— Расскажите мне все, что об этом знаете.

Эллери рассказал ему о бесплотном Санта-Клаусе, странных подарках, собственных безуспешных розысках в нежилой части дома и о том, как был обнаружен труп незнакомца.

На. лейтенанта Луриа это, похоже, особого впечатления не произвело.

— Вся эта история с Санта-Клаусом и подарками похожа на чей-то глупый розыгрыш, Куин, и с убийством как-то не вяжется. Может, между ними и нет никакой связи.

— Я думаю, есть.

— Какая?

— Не знаю.

Луриа пожал плечами.

— Мы обшарим весь дом от крыши до подвала и посмотрим, попадется ли нам что-нибудь от вашего Санты. А сейчас меня больше интересует

покойник.

Он повернулся к медицинскому эксперту, лысому и лупоглазому сельскому врачу в пенсне, соединенным с лацканом пиджака черным шелковым шнурком. Эксперт как раз поднимался после осмотра трупа.

— Что скажете плохого, доктор Теннант?

— Немного, лейтенант. Мертв около трех часов. Почти несомненно, причиной смерти послужил удар ножом в спину. Никаких других ран, никаких ушибов, кроме небольшого синяка на лбу, возникшего, надо полагать, при ударе об пол. Возраст — ну, скажем, под семьдесят.

— Шрамы, другие особые приметы?

— При первом осмотре — никаких.

— А зубы, доктор? — спросил Эллери.

— Насколько могу судить, зубы у него собственные. Коронок, мостов нет. Отсутствует несколько коренных зубов, но это вряд ли поможет. По-моему, их удалили довольно давно.

— Ладно, — сказал лейтенант Луриа. — Передайте его нам, доктор, отвезем его в окружной морг. Там в нем поосновательней покопаются. Вы, ребята, закончили с фотографиями?

Когда доктор Теннант исчез, а вслед за ним и труп, Луриа неожиданно обратился к Эллери:

— Вот некий старикан является посреди рождественского празднования; никто не знает, кто он и чего ему надо, как он очутился в библиотеке и кто всадил нож ему в спину, когда он тут очутился. И чтобы было еще увлекательней, удаляются все бумаги, по которым его можно опознать, и даже бирки на одежде. Есть идеи, Куин?

Эллери посмотрел на свою сигарету.

— Я в несколько затруднительном положении, лейтенант. Как гость в доме мистера Крейга…

— Говорить, значит, не желаете?

— Я как раз собирался сказать, однако меня так воспитали, что, по-моему, злонамеренное убийство — существенней требований хорошего тона… Очень похоже, что кто-то здесь лжет — знает этого человека и впустил его в дом, вероятно, ночью. В этом лабиринте наверху он мог бы прятаться неделями. Я не могу не связать убитого с Санта-Клаусом, который — и мне это известно точно — прятался в доме. Не исключено, что они и пришли вместе.

Лейтенант Луриа что-то буркнул.

— Пока мы не найдем Санту, — обратился Эллери к своей сигарете, — все будет зависеть от опознания трупа. Убийца, по всей вероятности, боится, что, если мы установим, кто убит, ниточ-

ка потянется прямо к нему.

— Насколько я понимаю, вы успели неплохо поглазеть на труп, — сказал Луриа. — Ох уж этот Бриккел! Каково же ваше мнение об убитом старичке?

— Ничего определенного. Если только потрепанная одежда не была маскарадом, он был из неудачников — но неудачников благопристойных. Он не опустился: одежда аккуратно заштопана, относительно чиста — но он достиг довольно отчаянной стадии. Человек, которому когда-то была по карману одежда такого качества, не носит фетровую шляпу с твидовым пальто, если только имеет возможность не делать этого. Кстати, он не занимался ручным трудом — во всяком случае, неквалифицированным.

Луриа усмехнулся.

— На руки, значит, тоже обратили внимание?

— Конечно. Мозолей нет, сломанных или грязных ногтей — тоже. Ладони мягкие и чистые. Вообще, руки довольно тонкие, руки человека свободной профессии — художника, возможно, музыканта…

Эллери замер.

Они посмотрели друг на друга.

Луриа опять усмехнулся.

— Две головы, а мысль одна и та же. Что вам известно об этом Мариусе Карло?

Но из ничего и вышло ничего.

Луриа выспрашивал и Карло, и Вэл Уоррен, и Пейна, и всех остальных, не исключая и мистера Гардинера с миссис Браун, которая весь день пребывала в полутрансе. Под конец у него набралась целая записная книжка бессмысленных пометок, и выстроился полный график передвижения всех людей в течение утра, который ничего ему не говорил.

— У этой женщины, Браун, дверь в библиотеку была все утро в пределах видимости, — сказал лейтенант Эллери, — и если я ее правильно понял, в чем я сомневаюсь, она не заметила, как убийца входил и выходил, по той причине, что у нее не было «спиритуального контакта». Что еще за «спиритуальный контакт»? Бутлеггер, что ли?

— В этой связи я мог бы еще подбросить верблюжьи кости, но, так и быть, пощажу вас. Дело в том, лейтенант, что не только убийца, но и труп, когда он еще мог двигаться, прошли мимо нее незамеченными. Это значит, что она либо спала, либо отлучалась из комнаты в самые важные моменты.

— А что она все время изображала, глядя в

пространство и вылупив глаза, будто, сидя на флагштоке, штанишки потеряла?

Эллери хмуро ответил:

— Так выглядит расследование в стиле Оливетт Браун.

— Расследование?

— Расследование путем ворожбы. У миссис Браун прямой контакт с Тайным миром.

Лейтенант Луриа был ошеломлен.

— Уж не хотите ли вы сказать, что эта старая перечница якшается с гангстерами?

— В ее Тайном мире есть свои гангстеры, как не быть, да только не такие, какими помыкают голландцы шульцы и багси мораны этого мира. Не берите это в голову, лейтенант. Просто у нее немного мозги набекрень.

Обыск дома, проведенный Луриа и несколькими полицейскими, был столь же безрезультатным. Они не обнаружили ни неизвестного лица, ни следов такового.

— Знаете, мне только что пришло в голову, — внезапно сказал Эллери. — Кто бы там ни прятался, есть-то ему надо, а?

— Ого, неплохая догадка.

Лейтенант расспросил повариху, она же экономка, о содержимом ее кладовок, но и тут все

было как-то неопределенно.

— Когда так много народу и все едят три раза в день, сколько, по-вашему, припасов надо иметь под рукой, — сказала ему миссис Янссен, — это ж надо глаза на затылке иметь, чтоб за всеми продуктами уследить. Конечно, лейтенант, еда исчезает. Большей частью в глотку мистера Джона, который с малолетства обожает набеги на холодильник — а все такой худенький, бедняжка!

Перед уходом Луриа собрал в гостиной всех, включая прислугу.

— Вот что всем надо понять, — сказал он спокойно. — Дело это необычное, и вести я его собираюсь — пока что — необычным образом. В этом доме сегодня утром убит человек, который согласно вашим же заявлениям никому из вас не знаком. Я не говорю, что это не так. Мне доводилось видеть и более странные вещи. Вполне может быть, что Бриккел попал в самую точку, когда заявил, что покойник — один из двух бродяг, которые сюда вломились, чтобы украсть что-нибудь, а потом повздорили, один получил ножик в спину, а другой удрал. Доказательств в пользу этой теории нет: по словам мистера Крейга, который проверил редкие книги в биб-

лиотеке, ничего не похищено, никого не видели убегающим, и прочее. Но эта версия все же может оказаться верной.

— А с другой стороны, — вполне любезно продолжал лейтенант Луриа, — мертвец может быть напрямую связан с одним или несколькими из вас. Устранение всех бумаг, удостоверяющих личность, бирок, содержимого карманов и тому подобного свидетельствует, похоже, в пользу такой гипотезы. Так что первым делом надо опознать мертвеца. Это потребует времени.

Он оглядел напряженные лица.

— Пока это не прояснится, вы должны находиться там, где я всегда могу вас застать, если вы мне понадобитесь. Насколько я понимаю, этот домашний праздник должен был продолжаться, по меньшей мере, до Нового года, если не дольше. Это всем нам облегчает дело. Но недели может не хватить, и тогда…

Гостиную заполнил бархатный баритон Роланда Пейна.

— Вы сознаете, лейтенант, что у вас нет никаких оснований для задержания здесь кого-либо? Я лично намерен уехать отсюда только после Нового года, но если какие-нибудь неожиданные дела потребуют моего присутствия в Нью-Йорке…

Я полагаю, что выражаю мнение всех присутствующих, утверждая, что в разумных пределах мы готовы оказать содействие — например, мы же дали снять с себя отпечатки пальцев. Но не более того.

— Я понимаю, мистер Пейн, — слегка улыбнувшись, сказал лейтенант Луриа. — Вы хотели бы заключить сделку.

— Извините?

— Я согласен на сделку. Я полагаю, что никто из присутствующих, не исключая и мисс Уоррен, не придет в особый во. сторг, если их имена начнут трепать в газетах в связи с убийством?

— О Боже, нет, — мертвенно бледнея, произнес Дэн З. Фримен.

— Представляю себе лицо епископа, — не без некоторого сожаления сказал старый мистер Гардинер. — Однако по долгу доброго христианина я обязан избавить его от этого.

— Продолжайте, лейтенант! — сказал Пейн.

— Итак, если вы все обещаете мне не качать права по поводу того, что вас просят не уезжать отсюда, то я сделаю все возможное, чтобы газетчики до вас не добрались. Мне достаточно только умолчать, в каком именно доме в Элдервуде был обнаружен труп. За своих людей я ручаюсь. Разу-

меется, не могу обещать, что Бриккел или доктор Теннант будут держать язык за зубами.

— По чистой случайности я знаю, где Теннант закопал парочку трупов — извините за неудачную метафору, — без особого веселья сказал доктор Сэм Дарк. — Так что я вполне сумею заткнуть ему рот. А ты, Артур, как крупнейший налогоплательщик, сможешь так же повлиять на Бриккела.

Бородач кивнул.

— Очень порядочно с вашей стороны, лейтенант. Вы ведь согласны, Роланд?

— Вообще-то я осторожно отношусь к сделкам такого рода. — Нью-йоркский адвокат пожал плечами. — Но я согласен.

Луриа был доволен.

— Тогда решено. Кстати, я оставлю здесь полицейского сержанта Девоу. Сержант!

— Да, сэр.

В комнату вошел молодой человек огромных размеров. Он очень хорошо смотрелся в полицейской форме.

— Дежурство, сержант. Ни к кому не цепляться!

— Есть, сэр.

— Боже! — вздохнула Валентина. — Сержант, ко

мне можете цепляться, когда заблагорассудится.

К ее разочарованию, сержант Девоу вышел вслед за лейтенантом Луриа, и весь день они видели его только пару раз.

Ужин в этот вечер был весьма мрачным. Над столом явственно витала тень покойника, ели мало, и беседа, не успевая разгореться, затухала самым жалким образом. После ужина расселись в гостиной. Под елкой никакой коробки не было, да ее никто, пожалуй, и не ожидал.

— Если вся история с подарками и стихами была шуткой, — сказала Расти, — то смерть этого бедного старичка положила ей конец.

— Интересно все же, кто это был, — сказала Эллен, насупившись.

— Кто это есть, — поправил ее Мариус.

— Есть?

— Да, мои цыплятки, он, наверное, еще здесь — или нет?

И после этого никто ничего не говорил о «Номере Тринадцать», как окрестил его Эллери. Невозможно же было давать какие-то разумные толкования, когда сам факт присутствия в доме постороннего, который к тому же слоняется по дому прямо над их головами, возмущал своей бессмысленностью.

Мариус забрел в музыкальную комнату и сыграл рваную синкопированную вещицу собственного сочинения, которую назвал «Колыбельная». Миссис Браун слонялась от одной группы к другой, безуспешно пытаясь заинтересовать публику толкованиями гороскопов. Джон и Расти, с ногами забравшись на обитый бархатом диван у окна в одном из эркеров, о чем-то серьезно разговаривали вполголоса. Эллен и Валентина уговорили Мариуса сыграть традиционные рождественские гимны, которые они даже спели, мило и гармонично, хотя, возможно, и не очень выразительно. Мужчины постарше уселись в кружок, обсуждая книги, спектакли, катастрофические последствия «сухого закона», а несколько позже спортивные новости. Ко всеобщему удивлению, мистер Гардинер оказался страстным поклонником бейсбола, и это открытие чудесным образом оживило доктора Дарка. Какое-то время священнослужитель и врач воодушевленно спорили о будущем Бейба Рута, который закончил сезон 1929 года, имея всего сорок шесть чистых попаданий.

— Он выдыхается, вот что я скажу вам, достопочтенный, — повизгивая, говорил доктор. — Шестьдесят «чистяков» в двадцать седьмом, пятьдесят четыре в двадцать восьмом, а сейчас —

сорок шесть. Подождите до следующего года. Он на исходе!

— О вы, маловеры, — вздохнул священник. — Не надо недооценивать Бейла. Вы что же, считаете, что Лефти О'Тул забивает лучше?

Эллери маялся сам по себе.

В десять часов Мариус объявил, что всем, кому неинтересно слушать великую оперу, он разрешает отправиться спать. Он настроил приемник на И-эй-эф и дикими вскриками восторга заставил всех остальных умолкнуть, когда в гостиную вторгся мощный голос Лаури-Вольпи, исполнявшего «Небесную Аиду». И более получаса Карло слушал Лаури-Вольпи и Элизабет Ретберг, вынуждая к этому же всех остальных.

Бедному Карло не суждено было в полной мере предаться своим вердическим удовольствиям: программу до конца он так и не прослушал. Ибо в 10.43 вечера в проеме, ведущем в холл, замаячила мощная фигура сержанта Девоу, и его молодой бас заглушил радио.

— Об этом вы знали, мистер Себастиан?

В его большой ладони лежала рождественская коробочка.

Эллери подскочил к приемнику и выключил его.

— Конечно, он же сегодня не мог подложить это в гостиную — возможности не было, — взволнованно сказал Эллери. — Где вы это нашли, сержант?

— На столике в холле. До того, как я пошел на кухню ужинать, я коробки там не видел. Потом я вышел с заднего крыльца и патрулировал снаружи, — сержант Девоу откровенно разглядывал притихшую компанию. — Никто к дому не подходил… снаружи.

Эллен чуть визгливо сказала:

— Опять наш друг Санта.

— Сержант, можно взять? — спросил Эллери.

— Сначала мне надо получить указания, мистер Куин.

— Хорошо, позвоните Луриа. Только поторопитесь, пожалуйста.

Сержант Девоу вышел, так и сжимая сверток в руке. Никто не проронил ни слова. Когда он появился вновь, то вручил сверток Эллери.

— Лейтенант говорит, что можно, мистер Куин. Но он хочет, чтобы вы связались с ним, когда посмотрите, что там внутри.

Сверху была такая же бирка с изображением Санта-Клауса и напечатанным именем «Джону Себастиану», такая же красно-зеленая фольга,

такая же золоченая лента.

Коробка под оберткой была опять белая и без пометок. Эллери поднял крышку. Внутри лежали два маленьких предмета, каждый из которых был завернут в красную оберточную бумагу, а на них лежала простая белая карточка со строчками, напечатанными на машинке.

Эллери прочел вирши вслух:

Во второй Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
Д в е р ь с панелью сосновой
Для этажа второго,
О к н о с матовым стеклом —
Вставь внизу его в проем.

— О, Господи! — сказал доктор Дарк.

Эллери развернул предметы. Одним из них была миниатюрная дверь с филенками из сосны, а другим — крохотное окошко с матовым стеклом.

— Джон?

— Да, Эллери?

— После того как я сегодня показывал лейтенанту Луриа вчерашнюю коробку, куда ты ее дел?

— Отнес назад в свою комнату.

— Принеси кукольный домик, будь добр.

Пока он ходил, никто не шевельнулся, только Вэл Уоррен фальшиво рассмеялась.

Расти молчала.

Джон торопливо спустился, осторожно неся игрушку. В тишине он опустил ее на стол, и в тишине же Эллери вынул маленькую дверцу из второй коробки и вставил ее в пустой проем на верхнем этаже дома. Она пришлась точь-в-точь впору. А когда он вставил миниатюрное окошко с матовым стеклом в рамку на первом этаже, где не хватало окна, оно тоже подошло идеально.

— Эллери, — в голосе Эллен звучал страх. — А тут на обратной стороне нет никаких пометок?

— Нет. — Это Эллери проверил в первую очередь.

— Бред какой-то! — воскликнул Джон. — Кто, к черту, все это делает? И зачем? Даже в грязной шуточке есть какой-то смысл. А здесь в чем смысл?

Эллери спросил высокого полицейского:

— Какой номер телефона Луриа?

Вернувшись, он отрывисто сказал:

— Так. Значит, кто-то с нами играет. Луриа, как и Джон, считает, что это дело рук психопата. Я не согласен. За всем этим стоит здравый ум и смертельно опасный замысел.

Эллери бросил взгляд на маленький домик.

— Вчера вечером Джон получил «недостроенный» дом. Сегодня он получил две детальки, с которыми домик, похоже, стал «достроенным». Что сие должно означать, понятия не имею. Но я не думаю, что таинственность будет возрастать. Поскольку все это имеет рациональную мотивировку, все должно становиться яснее по ходу игры. Посмотрим, что у нас есть на данный момент.

Эллери принялся расхаживать, обращая свои речи то к полу, то к камину, то к обитому деревом потолку.

— Теперь количество подарков стало переменным фактором. Вчерашний состоял из трех предметов, сегодняшний — из двух. Следовательно, мы можем ожидать дальнейших количественных вариаций. На самом деле эти внутренние вариации не влияют на внешнюю вероятность того, что всего будет двенадцать групп подарков — по одной на каждую ночь Святок. В конечном счете общее число отдельных подарков может иметь какое-то существенное отношение к числу «двенадцать». Дальше мы пока двинуться не можем.

— Вы это серьезно, Куин? — недоверчиво спросил издатель и с робкой улыбкой посмотрел

вокруг себя, как бы приглашая всех присоединиться к своему неверию. Но никто не улыбнулся вместе с ним.

Эллери же ограничился тем, что сказал:

— Я лишь играю в эту игру, мистер Фримен.

Все стали поодиночке расходиться спать, пока в гостиной не остались только Эллери и Джон Себастиан. Двое молодых людей молча сидели возле затухающего камина. Наконец Джон произнес:

— Никакого просвета во всей этой чертовщине.

Он встал и налил две порции виски. Одну он протянул Эллери, а со второй уселся сам.

— Эллери, такого рода дела по твоей ведь части?

— Только не сейчас.

— Ты же меня понимаешь. У тебя изощренный ум, и ты видишь то, чего не замечает средний болван. По крайней мере, репутация у тебя такая. В чем-нибудь из того, что происходит, ты видишь хоть какой-то смысл?

Эллери покачал головой.

— Это свыше моих сил, Джон. Пока, во всяком случае. И скорее всего потому, что слишком много неизвестных. — Он отставил стакан. — А ты уверен, что не знаешь ничего такого, что могло

бы прояснить дело?

Молодой поэт опешил.

— Я? То есть как это?

— Кое-что ты определенно утаиваешь — ты сказал, что шестого января должны произойти четыре события. Ты вступаешь в права наследования, у тебя выходит книга, ты женишься на Расти… а еще? Четвертое событие, по твоим же словам, явится сюрпризом. Так что это будет за сюрприз?

Джон прикусил губу.

— Вполне допустимо, Джон, что это может иметь отношение к подаркам.

— Каким образом? Я точно знаю, что не имеет. — Джон встал и вновь подошел к графинчику с виски. — Нет, с этими чертовыми подарками это никак не связано.

Эллери негромко спросил:

— А с убийством старика?

— Нет!

Эллери поднял брови.

— Ты сказал это так, будто не уверен.

— Конечно, уверен! Да я голову даю на отсечение!

Эллери поднял стакан и осушил его. Потом он поднялся и тихо сказал:

— Возможно, именно это ты и делаешь, Джон. Спокойной ночи.

Он медленно поднялся по широкой лестнице. Да, он и раньше замечал, что за последние два дня его друг стал все более раздражительным, но не придавал этому значения. Теперь Эллери казалось, что это могло быть каким-то образом связано с загадкой. Что скрывал Джон? Его изумление событиями последних двух суток казалось вполне искренним. Неужто притворялся?

Что-то заставило Эллери взглянуть наверх.

Он немного постоял на площадке. Верхний холл проходил через площадку и далее коридором шел мимо дверей спален в оба конца. Далее, на обоих концах коридор сворачивал в боковое крыло, и там уже Эллери ничего не мог видеть. Каждая из двух частей коридора освещалась тусклым ночником.

Из-за угла коридора слева от Эллери появилась темная мужская фигура. Когда человек проходил под ночником, Эллери явственно увидел лицо.

Лицо Джона.

Лицо открылось очень ненадолго. Джон сразу же открыл дверь спальни и исчез. Эллери стоял на площадке с каким-то дурацким чувством. Минуту назад он оставил Джона внизу, в гостиной.

Как же Джон успел подняться сюда, опередив его? Разве только… Конечно. Джон определенно поднялся по черной лестнице из кухни.

Эллери вошел в свою комнату, извлек дневник и уселся, чтобы записать события дня и вечера. Но все время, пока он писал, какая-то крохотная мысль как бы пыталась пробиться сквозь его сознание. Эллери это так раздражало, что он и вовсе перестал писать и извлек эту мысль на свет.

При рассмотрении она стала раздражать его еще больше.

А мысль была такая: как же Джон сумел достичь второго этажа через черный ход так быстро? Да, идя прямым путем — из гостиной в холл, из холла по парадной лестнице на площадку, Эллери не спешил. Но Джону пришлось пересечь всю гостиную, пройти через столовую, войти в буфетную, из буфетной на кухню, подняться по черной лестнице из кухни на площадку в конце левого крыла коридора второго этажа, а потом пройти все крыло и свернуть за угол. Он что же, мчался сломя голову? Но даже и так…

А помимо того… зачем?

Действительно, зачем вообще ему понадобился черный ход?

Эллери тряхнул головой, разозлившись сам на

себя. «На меня тоже начинает воздействовать общая атмосфера обмана, которой окружено гнусное убийство старика».

Он запер раздражающую мысль в ячейке и приготовился возобновить работу над дневником. В этот момент большие стоячие часы на верхней площадке начали бой.

Эллери автоматически считал удары.

У него закололо в затылке.

Двенадцать…

Он начал сердито писать…

Третий вечер: пятница, 27 декабря 1929 года

Глава Пятая, в которой в летнем домике происходит зимняя история, а дар из железа не дает снять крышу с кукольного домика

Промаявшись несколько часов, пытаясь отвлечься от настырной мысли и не преуспев в этом, Эллери проснулся и обнаружил, что проспал. Он спустился вниз в пятницу утром, не питая особых надежд. И был прав. Мейбл убирала со стола.

— Ой, мистер Куин! — воскликнула ирландка. — Мы уж думали, что вы не выйдете. Я сейчас вам накрою.

— Нет-нет, Мейбл, поздняя пташка червячка не заслужила, или какую еще гадость говорят в таких случаях? Только кофе, и хватит. Без сливок, без сахару.

— А вы такой худенький! — хихикнула Мейбл.

Эллери вошел в гостиную с чашкой кофе, и его появление было встречено всеобщим осмеянием и запущенной в него газетой «Нью-Йорк Уорлд».

— Пей свой кофе, читай газетку и не высту-

пай, — прорычал Джон Себастиан. — У нас идет часовая программа «Что происходит за пределами дурдома».

Действительно, все читали газеты. Эллери слонялся, потягивая кофе и заглядывая каждому через плечо. Мариус погрузился в рецензию Лоуренса Гилмена на дебют в Карнеги-Холле нового молодого виолончелиста Григория Пятигорского. Роланд Пейн изучал автотипию на четыре колонки, изображавшую пышнотелую Хелен Кейн, известную под псевдонимом «Девчонка Буп-Бупа-Дуп», которая на Святках выступала в театре «Парамаунт». Валентина и Эллен читали театральную страницу, Фримен — книжную, Крейг — передовицу, а достопочтенный мистер Гардинер — «Советы на день» доктора С. Паркса Кэлмена. Доктор Дарк облюбовал спортивную страницу, Расти — страницу женских мод, а ее мать, как ни странно, — биржевой бюллетень.

Но выбор Джона заинтересовал Эллери больше всего. Тот был явно прикован к рекламе электрического тостера новой конструкции, который обжаривал хлеб с двух сторон одновременно.

Эллери плюхнулся в кресло рядом с Джоном и сказал:

— Ты же не читаешь. Что с тобой, Джон? Плохо

спал? У тебя неважный вид сегодня.

Джон пробурчал:

— Что?

— Кончай. Я задам тебе вопрос, который может показаться тебе весьма странным.

— Извини. Что ты говоришь, Эллери?

— Вчера вечером…

Заспанность Джона как рукой сняло. Он молниеносно взглянул на Эллери.

— Что вчера вечером?

— Когда я вчера попрощался с тобой и оставил тебя внизу, ты сразу пошел наверх?

Джон моргнул.

— Ничего себе вопросик!

— Ничего себе ответик!

— Сразу же наверх? Честно говоря, я не…

— Когда ты поднимался, все равно в какое время, ты шел по парадной лестнице или по черной?

— По черной? — Напряженность на лице Джона исчезла. — Может быть. Какое это имеет значение? — И он погрузился в рекламу сигар «Роки-Форд», пять центов штука.

Эллери посмотрел на него с сомнением.

— Ладно, забудь, — сказал он и открыл «Нью-Йорк Уорлд».

Хотел бы он иметь возможность последовать собственному совету.

День был какой-то напряженный, все будто чего-то ждали. Сержант Девоу, появлявшийся и исчезавший совершенно неожиданно, особого успокоения не вносил.

К середине дня Эллери оторвал взор от книги и увидел перед собой Эллен Крейг. Она стояла и постукивала ножкой.

— А вы что читаете?

— Энтони Беркли. «Дело об отравленных конфетах».

— Об отравленных свиных хрящиках! — сказала Эллен. — Вы почти такой же зануда, как дядя Артур. Как это все вы можете целый день сиднем сидеть? Эллери, пойдемте гулять.

— У вас энергии, как у Джимми Уокера, — возразил Эллери. — Послушайте, душа моя, то немногое, что я успел в этой вещице прочитать, говорит мне, что у мистера Беркли в его британском рукаве куча чудных сюрпризов. Мне надо дочитать, хотя бы в порядке самозащиты. Пойдите, насладитесь свежим воздухом с сержантом Девоу.

— Это, знаете, не так глупо. Поумней, во всяком случае, чем я сейчас едва не поступила. — И Эл-

лен зашагала прочь с гордо поднятой головой.

Эллери принял виноватый вид, однако тут же взялся за свой детектив.

Эллен зашла в свою комнату, переоделась во французский лыжный костюм на «молнии», надела пару бот, на кудри нахлобучила белый башлык, схватила пару варежек, сбежала вниз и на крыльцо и хлопнула за собой дверью достаточно громко, чтобы, как она надеялась, было слышно в гостиной.

За прошедшие теплые дни лежащий снег подтаял и почернел. Он напоминал ледяную стружку. Кремнистые облака окружали солнце, в ветре, хоть и небольшом, наличествовала резкость. Если бы не обида на Эллери, Эллен тут же повернулась бы и пошла назад в дом.

Она сошла с крыльца, обошла вокруг дома и начала по сугробам передвигаться в сторону леса. Во всех направлениях снег был испещрен человеческими следами и имел неопрятный, помятый вид, который Эллен пришелся совсем не по душе. Но потом она увидела летний домик, и настроение у нее улучшилось.

Домик стоял на значительном расстоянии от особняка, на краю леса. В детстве домик был ее любимым местом, где она пряталась от дяди и от

миссис Сапфиры — и с этим домиком были связаны некоторые из самых приятных воспоминаний детства. Сюда она приносила своих кукол, здесь изображала перед ними актрису или медсестру, а позже мечтала о романтических приключениях с героями своих девичьих грез. Джон, как всегда подразумевалось, понимал, что летний домик — это ее личная территория, куда простым мальчишкам вход заказан. Иногда он нарушал эту негласную договоренность, но нечасто.

Эллен бодро приблизилась к своему домику — уж сколько лет она не бывала в нем. Но возле домика она замерла.

В нем кто-то был и разговаривал. Двое, мужчина и женщина, насколько Эллен могла понять по контрастному звучанию неразборчивых голосов. Она только не могла определить, чьи это голоса.

Снова расстроившись, Эллен стала огибать дом, направляясь к лесу. Но в этот момент она наткнулась правой ногой на камень, скрытый под снегом, нога ее подломилась, и она опустилась на корточки со сдавленным криком боли.

— Мисс Крейг! Что с вами?

Эллен раздосадованно подняла глаза. Это произнес полицейский, и он спешил к ней из-за куста, за которым прятался. Эллен нисколько не

сомневалась относительно причин, по которым он прятался, — он хотел подслушать тех, кто был в летнем домике. Даже его озабоченное восклицание было произнесено достаточно осторожно.

— Все в порядке… — начала Эллен громко и отчетливо, но, к ее ужасу, огромная ладонь сержанта Девоу заткнула ей рот.

— Простите, мисс, — прошептал сержант, ни на секунду не ослабляя нажим, — но я обязан это слышать.

— Ты, ты, сыщик несчастный, пусти меня! — сердито жужжала Эллен.

Он покачал массивной головой.

— Вы их спугнете, мисс. Мне все это нравится не больше, чем вам, но это мой долг. Т-с-с.

Совершенно неожиданно Эллен прекратила сопротивление. Голоса в летнем домике сделались слышней. Один принадлежал Расти Браун, другой — Мариусу Карло.

— Да, любовь! — кричал Мариус, срываясь на отчаянный вопль. — Лю-ю-бо-овь! Что, по-твоему, я на нее не способен? А может быть, Джон лучше как мужчина?

— Ты же прекрасно понимаешь, Мариус. Любовь не имеет никакого отношения к тому, кто лучше, кто хуже. — Расти говорила голосом ве-

ликосветской дамы, из чего Эллен поняла, что она хочет одновременно быть благоразумной и сохранить свое достоинство. — Мариус, отпусти мою руку. Мариус! — Последнее звучало возмущенным воплем. Из домика донеслись звуки борьбы.

— Один поцелуй, только один, — пыхтел Мариус. — Поцелуй мужчины, Богом клянусь, а не писклявого подростка, который мнит себя поэтом, если может срифмовать «любовь» и «кровь»! Расти, я безумно люблю тебя, безумно!

Эллен вздрогнула. В облике сержанта стало проявляться что-то глуповатое.

Расти визжала от ярости.

— Еще раз так сделаешь, Мариус Карло, и я… Мужчиной себя называешь! Пристаешь ко мне за спиной Джона — своего лучшего друга! Да даже если бы Джона и вовсе не было, если бы ты был единственным существом в брюках во всей Вселенной… Любить тебя?.. — Расти презрительно усмехнулась. — Да я видеть тебя спокойно не могу. Знаешь ли, Мариус, меня от тебя тошнит… В любом случае, я люблю Джона и замуж выйду за Джона. Ясно?

Голос Мариуса был почти неузнаваем.

— Очень даже ясно, мисс Браун. Краб Мариус

вызывает отвращение утонченной Расти Браун. Ладно же, пусть будет так.

— И можешь благодарить свою счастливую звезду, что я не из тех, кто немедленно бежит к жениху жаловаться. Джон бы тебе шею сломал.

— Только это я ему шею сломаю!

— Так-так, — сказал сержант Девоу.

— О, Боже! — произнесла Эллен и только потом поняла, что перчатка сержанта уже давно не сжимает ей рот.

С другой стороны домика появился разъяренный Джон Себастиан и с воплем кинулся во тьму, внутрь домика. Должно быть, он бесшумно подошел с противоположной стороны домика, пригнулся и слышал то же, что слышали Эллен и сержант.

Из хрупкого строения донесся быстрый топот, глухое буханье ударов, сопение мужских ноздрей и полуиспуганные-полурадостные взвизги девы, которая и была всему причиной. Домик заходил ходуном.

Сержант Девоу задумчиво прислушивался.

— Что стоишь, дубина! — выпалила Эллен. — Пары трупов дожидаешься?

— Ах, эти? — Сержант казался удивленным. — Однако, и впрямь пора их разнять.

Он, развернувшись, зашагал к домику, нагнулся и просунул свою большую голову в темноту.

— Ладно, ребята, размялись, а теперь — разойдись! — Когда звуки драки возобновились, сержант Девоу с сожалением произнес: — Я же сказал «разойдись», верно, ребята?

И его монументальная фигура исчезла из виду.

Тут же в дверях домика бок о бок появились Мариус и Джон, хватаясь руками за морозный воздух. Каждого за шею держала громадная лапа, ни к чему, казалось, не прикрепленная. Лишь потом появился остальной сержант, а следом за ним — Расти с безумным взором. Полицейский вытащил обоих приятелей на снег.

— Пусти ты… троглодит! — Джон пыхтел, пытаясь достать до Мариуса. — Убью гада!

— Пустите… его… начальник! — вопил Мариус, извиваясь и махая руками, как дирижер симфонического оркестра в кульминационный момент вагнеровского фестиваля. — Посмотрим еще… какой гад… какого убьет!

— Никакой гад никакого гада не убьет, и напоминаю вам, что здесь дамы, — сурово сказал сержант. — Будете, наконец, хорошо себя вести?

Без каких-либо видимых усилий со стороны сержанта бойцы согнулись в коленях и ничком

рухнули в снег, где стали производить разные плавательные движения и глотательные звуки. Сержант Девоу, стоя на одном колене, чтобы удержать их в таком положении, грустно спросил у Расти:

— Как их утихомирить, мисс?

— Заставьте помириться, сержант, — ледяным тоном отвечала Расти. — Они, в общем-то, из-за такой чуши… Пусть пожмут друг другу руки.

Сержант был очень удивлен. В этот момент из снега, как кит, вынырнуло лицо Мариуса, из его мокрого рта вылетел фонтан слов, заставивших Эллен, присевшую на корточки за домом, заткнуть уши. Так что развязку она пропустила. Всю компанию она в последний раз увидела в тот момент, когда сержант Девоу тащил соперников к большому дому, что-то им внушая, а Расти трусцой бежала рядом, давая наставления и советы.

Эллен вздохнула и выпрямилась. Ее лодыжка тут же подвернулась, и она опять рухнула на снег.

— О, Господи! — Эллен заплакала.

— Эмоционально или физически? — поинтересовался мужской голос.

Эллен пискнула и развернулась в снегу. Из-за кустов, скрывавших его по сей момент, выходил

Эллери.

— Вы! — сказала Эллен, одним прыжком встала, но снова упала в снег и заплакала.

— Как я погляжу, и того и другого понемножку. — Эллери подбежал к ней сбоку и осторожно приподнял ее. — Умничка! Поплачь на груди у братца Эллери. Кошмарная сцена, правда?

— Вы все время там были?

— От и до, — весело отозвался Эллери. — Я пошел в обход, хотел держаться позади вас с сержантом, не зная, что происходит. Но я выяснил.

— Ищейки — и вы, и сержант. А я-то считала, что полицейский или детектив — это так романтично! Ах, Эллери! — Эллен разрыдалась, уткнувшись ему в плечо. — Что же нам делать? Час от часу хуже. Бедный дядя Артур…

— Ладно, разбором игры займемся позже. Сейчас надо доставить вас в дом и заняться лодыжкой. Эллен, положите мне руку на плечо… Вот так.

Они уже приближались к дому, когда Эллен неожиданно вскрикнула и остановилась.

— В чем дело? — озабоченно спросил Эллери. — Опять подвернули?

— Нет. — У Эллен глаза блестели. — Мне только что подумалось… Прежде всего, что вы там

делали?

— Что я там?..

— Мне показалось, что книга вас так захватила…

— Да. Я и сейчас не потерял к ней интереса.

— Но вы все же решили пойти со мной.

— Ну…

— Вы восхитительный человек, — Эллен стиснула ему руку. — Я прощаю вас. Честное слово, прощаю.

Эллери что-то пробормотал, и они опять похромали домой. У него не хватило храбрости сказать бедняжке, что он оставил «Дело об отравленных конфетах» и все искусные хитросплетения автора исключительно ради того, чтобы пойти по заснеженной тропе по следу Джона Себастиана.

Ужин поедался с таким вниманием к ритуалу пользования ножом, вилкой и салфеткой, которое сделало бы честь делегации учительниц из Айовы, приглашенных к обеду в Белый дом. Почти ничего не говорилось, если не считать тихих реплик типа «Вы позволите, йоркширского пудинга» или «Будьте любезны, передайте соус».

Сержанту Девоу, по всей видимости, удалось добиться прекращения огня, поскольку бывшие друзья обращались друг к другу, когда того

требовали правила застолья, хотя и без особой теплоты. Расти держалась с несколько высокомерной снисходительностью женщины, которая знает, что за нее велось сражение и что все присутствующие об этом осведомлены. Валентина была в курсе всех ужасных подробностей — это было видно по тому, как весь вечер раздувались ее очаровательные ноздри.

Переход общества в гостиную чем-то напоминал беспорядочное отступление. Подобно всякому раненному в бою, Эллен оказалась в арьергарде. Забинтовывая ей лодыжку под озабоченным взором дядюшки, доктор Дарк объявил, что у нее лишь поверхностное растяжение, однако она прихрамывала.

Общество вышло в гостиную в тот самый момент, когда сержант Девоу, стоя у камина, говорил:

— Ничего не поделаешь, мистер Куин. Либо он слишком хитер и не даст себя поймать, либо же это я проморгал.

— О чем это вы? — спросила Эллен.

— Это «третий Святок вечерок», — довольно мрачно ответил Эллери.

Все сразу посмотрели под елку. Там ничего не было.

— А я-то совсем про это забыл! — воскликнул Артур Крейг. — Вы что же, устроили ловушку?

— Что-то вроде. Сержант спрятался так, чтобы можно было видеть все, что происходит в холле и гостиной. Ему из-за этого пришлось пожертвовать ужином. И вы, сержант, никого не увидели?

— Никого и ничего.

Эллери проворчал:

— Ничего не понимаю. Должен же быть третий подарок. На двух же он не остановится… Идите поешьте, сержант, и спасибо вам.

Девоу голодной походкой вышел из комнаты.

— Он что, никогда не спит и не переодевается? — с некоторым раздражением спросил доктор Дарк.

— У него есть сменщик — заступает в полночь и уходит до того, как кто-нибудь проснется, — сказал Эллери. — Это дает Девоу возможность сбегать в казарму и несколько часов поспать.

— Сменщик? — злобно проворчал Роланд Пейн. — Кто-нибудь его видел?

Никто не ответил. По счастью, появился Фелтон, разливая коньяк мужчинам и ликеры дамам. Спустя некоторое время все включились в беседу.

Это произошло, почти как Эллери и ожидал,

внезапно. В очередной раз обнося гостей напитками, Фелтон прошел рядом с елкой. Украшение, висящее на конце одной из веток, зацепилось за стакан на подносе. Пытаясь подхватить стакан, пока тот не упал, Фелтон потерял равновесие и налетел на елку. Посыпался град мишуры.

— Девоу! — взревел Эллери.

Сержант примчался с салфеткой за воротом. Челюсти его еще шевелились, пережевывая ростбиф.

— Что стряслось? — Он лихорадочно озирался.

— Смотрите.

Взгляд сержанта скользнул туда, куда указывал обвинительный перст Эллери. Там, под деревом, среди упавших украшений, лежала крохотная упаковочка из краснозеленой фольги, перевязанная золоченой лентой.

Сержант Девоу начал заикаться.

— Н-но никто…

— Разумеется, нет, — сказал Эллери. — Поскольку произошло это днем, когда нас с вами не было в доме. Или, самое позднее, в начале вечера, до того, как мы установили наблюдение. Он просто взял да и засунул пакетик поглубже в ветки — в конце концов, кто-нибудь обнаружил бы его. Черт побрал бы его игривую душу — мы для него

тоже вроде игрушек!

Эллери выхватил пакетик из-под елки. Он отбросил уже знакомый ярлычок с Санта-Клаусом и надписью «Джону Себастиану» и сорвал обертку с белой коробочки. В ней лежало что-то, завернутое в красную оберточную бумагу, а сверху находилась маленькая белая карточка с еще одним машинописным стишком:

В третий Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
Г в о з д и к погнутый железный.
Для скрепленья крыш полезный.

Именно этот предмет и был завернут в красную бумажку: обычный железный гвоздь, согнутый вдвое и слегка напоминающий крюк.

Эллери подошел к дубовому бюро, реквизированному им прошлым вечером для хранения подарков, открыл его ключом, который выдал ему накануне хозяин, и извлек уже многократно осмотренный домик. Он поставил домик на стол и снял крышу.

— Вот, — сказал он сквозь зубы. — Два металлических ушка. Это чтобы в них гвоздь вставить и прикрепить крышу ко второму этажу. Помню, я не мог понять, зачем они нужны. Теперь мы

знаем.

— Что мы знаем, мистер Куин? — спросил мистер Гардинер с несвойственной мирянам наивностью. — Мне это как-то ничего не говорит.

В зеленых фанатичных глазах Оливетт Браун вспыхнуло торжество.

— Железо! — воскликнула она. — Откуда вам знать? Да, даже вам, мистер Гардинер…

— Оливетт… — начал старый джентльмен.

— И особенно вам. Но я-то все это изучила. Да, я знаю, что поэтому я плохая христианка, мистер Гардинер, но многие из этих знаний появились задолго до того времени, когда Господь наш ступил по земле. Известно ли вам, что железо обладает силой отпугивать злых духов?

— Тогда как же, Оливетт, — мягко спросил мистер Гардинер, — как же получается, что во всей литературе о ведьмах и колдунах злые духи всегда пользуются железными сосудами и инструментами для изготовления своих зелий?

— Вот именно, — вставил Дэн З. Фримен.

— Мама, пожалуйста! — взмолилась Расти.

Какое-то внутреннее благочиние помешало миссис Браун обрушиться на своего бывшего пастыря, и тем больше досталось несчастному издателю.

— Знаю я таких, как вы, мистер Фримен! Что ж, давайте опровергайте!

— Но, дорогая миссис Браун, — возразил Фримен, — я ведь не…

— Тогда почему же железо защищает от привидений? Или вы даже этого не знаете?

— Честно говоря, нет, — Фримен был явно расстроен тем, что оказался в центре спора. — Но тогда мне непонятно, почему все привидения в европейских замках, о которых мне доводилось слышать, ночи напролет таскают за собой тяжелые цепи по всему дому.

— Можете насмехаться сколько угодно, мистер Фримен! — От ярости на шее у женщины вздулись жилы. — Но я заверяю вас, что с самого начала времен, когда у эпилептика случался припадок, рядом с ним в землю вбивали железный гвоздь, чтобы пригвоздить демона! Что вы на это скажете?

— Следует обратить внимание Американской ассоциации медиков на этот факт, — серьезно заметил доктор Сэм Дарк.

— О-о! — Оливетт Браун с громким топотом выскочила вон. Расти побежала за ней.

— Извините, — сказал толстый врач, — но я просто не могу поверить, что она всерьез воспри-

нимает хоть половину всей ахинеи, исходящей из ее уст.

Мистер Гардинер встал, покачивая головой, и устремился вслед за матерью и дочерью.

Эллери продолжил, словно его вообще не прерывали:

— Другая сторона карточки пустая… снова.

В ту ночь, ведя записи в дневнике, к своему отчету о событиях дня Эллери прибавил еще один абзац:

> «Сейчас три подарка из двенадцати… подразделяются на шесть отдельных предметов: вол, дом, верблюд, дверь, окно, гвоздь. На поверхностный взгляд — идиотизм или чистой воды злонамеренная чушь. И все же не могу побороть чувство, что какой-то связующий смысл в этих предметах есть. Вопрос только в том, какой?»

Четвертый вечер: суббота, 28 декабря 1929 года

Глава Шестая, в которой мистер Себастиан обнаруживает необъяснимую утрату памяти, лейтенант Луриа пытается действовать хитростью, а мистера Куина в очередной раз обводят вокруг пальца

За завтраком Мариус имел весьма похмельный вид. Он молча ел, не принимая никакого участия в дебатах, развернувшихся за столом.

Открыл тему доктор Дарк, объявив, что намерен «застолбить» радио на вторую половину дня: в Пало-Альто состоится матч между командами Армии и Стэнфорда, и трансляция по Си-Би-Эс и Эн-Би-Си начнется в 16.45 по местному времени. Это, естественно, привело к разговору о Рыжем Крисе Кэгле, Великом Американском Хафбеке из команды курсантов, для которого игра со стэнфордскими «Кардиналами» будет последней, так как он заканчивает училище. Сыграет ли Кэгл решающую роль? Сподвпгнет ли его тот факт, что он последний раз выступает в форме курсантов, проявить железную отвагу, необычайную даже

для него? Вот таковы были важнейшие вопросы в споре, где доктор Дарк встал на антикэглистскую точку зрения, а мистер Гардинер, Роланд Пейн, Артур Крейг и, к немалому собственному удивлению, Эллери отстаивали более романтичный взгляд на вещи.

Приводились ссылки на непререкаемые авторитеты. Так, пошла в ход сокрушительная статистика поражения армейской команды от непобедимых «нотрдамцев», руководимых Рокни, случившегося месяц назад. К этому выпаду прибегнул достойный доктор, на что мистер Гардинер, раздувая ноздри, заявил, что окончательный счет 7:0 — это еще не конец света; а доктор отпарировал так: «Да, что при этом делал Кэгл? Да ничего, разве что отдал пас, который Джон Эндер перехватил, пробежал девяносто восемь ярдов и сделал единственный тачдаун за всю игру». Эту речь мистер Пейн с прискорбием охарактеризовал как довод «ad hominem», хотя и признал, что Кэгл в текущем году не так хорош, как был в двадцать седьмом.

Так оно и шло, тем временем челюсти Мариуса кусали и жевали, и он ни разу не оторвал взгляд от тарелки.

С другой стороны, в это утро Джон Себастиан,

казалось, полностью пришел в себя после вчерашнего. Он был весел, хотя и несколько рассеян; некоторые намеки на вчерашние затруднения он, похоже, вовсе не замечал; по большей части он засыпал вопросами спорщиков, принимая то одну, то другую сторону, в зависимости от того, где его участие подбавит в спор больше перцу. Расти смотрела на него довольно косо, но ведь и Валентина точно так же смотрела на Мариуса.

Молодой музыкант отказался от второй чашки кофе, немного посидел в раздумье, встал, извинился и вышел из столовой. За ним немедленно последовала Вэл Уоррен. Минуту спустя она вернулась, тихонько уселась и продолжила завтрак. Через некоторое время вернулся и Мариус.

— Джон, — Мариус говорил так, словно у него начались спазмы в горле. — Можно тебя на минуточку? Тебя и Расти?

Джон удивился.

— Сколько угодно. Вы позволите?

Они пошли в гостиную вслед за Мариусом.

— Да уж давно пора! — отрубила Оливетт Браун. — Хотя мне лично кажется, что он мог бы и без подсказок со стороны извиниться за свое отвратительное поведение вчера.

— Еще кофе, миссис Браун? — пробормотал

Крейг.

Валентина ничего не сказала.

Спустя пять минут Мариус вернулся один. На его смуглом лице красноречиво запечатлелось изумление.

— Мистер Крейг, я не хотел бы вас тревожить, но скажите, у Джона со здоровьем все в порядке? Вы не замечали с его стороны некоторой… э-э… рассеянности?

Бородач был озадачен.

— Не возьму в толк, о чем вы, Мариус. А что?

— Я вчера немного перебрал. — Музыкант покраснел. — То есть вся эта история с Расти…

— Я понимаю, но зачем…

— Я не силен в извинениях, но… В общем, я только что попросил прощения у Расти и Джона. Расти проявила большую отзывчивость…

— А Джон нет? — Крейг облегченно улыбнулся. — Что ж, мой мальчик, молодые люди любят друг друга… Как это Драйден говорит о ревности? «О ты, тиран души».

— Я не об этом, мистер Крейг. Дело в том… кажется, Джон не помнит, что вчера произошло.

Крейг был в недоумении.

— Сначала мне показалось, что он меня разыгрывает. Но это было не так. Он действительно не

вспомнил ни нашу драку, ни как сержант Девоу нас разнимал — ничего.

— Но как же он мог забыть? — воскликнула Валентина. — И суток не прошло!

Бородач недоуменно посмотрел на доктора Дарка.

Толстый доктор задумался.

— По-моему, Артур, тут что-то вроде амнезии. Возможно, следствие удара по голове во время драки. Я, пожалуй, осмотрел бы парня.

— А можно сначала мне? — мгновенно вмешался Эллери. — Если не возражаете.

И не успел никто ответить, как он вскочил и устремился в гостиную.

Джон сидел в кресле в напряженной позе, Расти сидела у его ног и осторожно с ним разговаривала. На вошедшего Эллери она посмотрела с благодарностью.

— Представьте себе, Эллери, — бойко заговорила она. — Джон ничего не помнит из того, что вчера творилось в летнем домике. Он даже не помнит, что был там. Ну, не занятно ли?

— Не понимаю, с чего все подняли такой шум, — сердито сказал Джон. — Ну забыл. Это что, преступление?

— Мы все несколько напряжены последние

дни, — сказал Эллери. — И иногда с головушкой могут быть всякие штучки. Как, скажем, тот случай в четверг, с черной лестницей.

— С черной лестницей? — с опаской повторила Расти.

— Я не намерен это обсуждать. — Джон выпрыгнул из кресла, едва не повалив Расти.

— Но, милый, ты же сам жаловался на головные боли…

— С похмелья!

— Послушай, Джон, — сказал Эллери. — Раз уж у вас гостит доктор Дарк…

— Я здоров, говорю вам! — Джон выскочил из комнаты и взмыл вверх по лестнице.

И немедленно в гостиную через раскачивающуюся дверь столовой устремилась вся публика. Расти, казалось, вот-вот расплачется. Крейг поглаживал ее с беспомощным видом.

— Ничего не понимаю, — повторял он. — Сэм, лучше я к нему один поднимусь…

— Чепуха, Артур, — сказал доктор Дарк. — Я его вдоль и поперек изучил, когда он еще шкетом был в коротких штанишках. Мы пойдем вместе.

— Не думаю, — негромко произнес Эллери, — что в этом есть необходимость.

И верно — Джон сбегал по лестнице вниз. Оза-

боченные и брюзгливые складки на лице его разгладились. Он улыбался, быстрыми шагами входя в гостиную.

— Я, наверное, всех вас перепугал, — сказал он. — Расти, детка, прости меня. Конечно, я все вспомнил. Моментально. Я выглядел полным кретином? А тебе, Мариус, не в чем извиняться. Любить Расти — что же тут постыдного? Я и сам ее люблю. Давайте забудем обо всем.

На сей раз Мариус растерялся, не зная, что сказать.

— Джон Себастиан, — решительно заявила Расти. — Ты мне скажи только одно: когда сержант Девоу вошел в домик, чтобы разнять вас с Мариусом, что именно он сделал? Конкретно, как он поступил с тобой?

Джон ухмыльнулся.

— Он ухватил нас своими лапищами за загривки и выволок нас на снег, как парочку сцепившихся котят. — Он сокрушенно потер шею. — Все еще болит.

— Значит, помнишь? — Расти бросилась ему на шею. — Ой, милый, ты меня так напугал!

Все заговорили одновременно.

Эллери незаметно вышел из комнаты. Он плотно прикрыл за собой двери библиотеки, уселся

возле отводного телефона и позвонил в Нью-Йорк лично инспектору Ричарду Куину из нью-йоркского полицейского управления.

— Папа, это Эллери. Слушай, сделай мне одолжение.

— Погоди-ка, — сказал инспектор. — Что там у вас происходит?

Эллери, несколько торопливо, рассказал ему.

— Бред какой-то, — сказал его отец. — Я рад, что никакого отношения к этому не имею. Или имею?

— Мне нужно только, чтобы ты для меня добыл кой-какие сведения. Расти Браун, невеста Джона Себастиана, сделала эскизы для рождественских подарков всем гостям, а Джон раздал их в рождественское утро. Каждый подарок был в форме определенного знака зодиака.

— Знака чего?

— Зодиака.

— Ой, — сказал инспектор.

— …и их всех изготовили по особому заказу у Мойлана — это ювелирная мастерская на Пятой авеню. Восемь подарков — зажимчики для денег, а четыре — брошки. Не расспросишь ли о них у Мойлана?

— Лично, я полагаю?

— Необязательно. Пошли Вели, или Гессе, или Пиггота, или еще кого-нибудь.

— Известно ли тебе, сынок, что у тебя пет чувства юмора?

— Что?

— Ну, неважно. Какие вопросы надо задавать? Или придумывать их по ходу беседы?

— Я даже не знаю. Я, папочка, действую по наитию, а оно говорит мне что-то дикое, ни с чем не сообразное. Просто пусть у Мойлана тебе все расскажут об этом заказе. Особенно, если в нем было что-то необычное. Ясно?

— Нет, — ответил отец, — но кто я такой, чтобы понять причуды гения? Полагаю, что расспросы должны быть конфиденциальными. Без утечек?

— Вот именно.

Инспектор вздохнул и повесил трубку.

После полудня заскочил лейтенант Луриа.

— Нет, — ответил он на их вопросы. — Пока что с опознанием мертвеца дело не сдвинулось. Мы начинаем рассылать его фото за предел штата. Как вы все поживаете? Слыхал я, мистер Себастиан, что вы все еще получаете подарки каждый вечер.

— Вы сильны в древнегреческом, лейтенант? — спросил Джон.

— То есть что-то вроде «Timeo Danaos et dona ferentis» [«Боюсь данайцев, даже приносящих дары» *(лат.).*]? — Луриа ухмыльнулся.

— Это по-латыни, но суть вы, по-моему, уловили.

— Я вас понимаю. В общем, так, господа, — лейтенант повысил голос. — Ужасно любезно, что вы согласились не разбегаться. Денек славный — не хотелось бы вам сходить покататься на коньках пару часиков? Я ведь и представить себе не могу, чтобы кто-то из вас пожелал от меня улизнуть. — Он рассмеялся. — По дороге сюда я видел, как люди катались на элдервудском пруду, и они мне сказали, что кататься сегодня — одно удовольствие.

Девушки пришли в восторг. Даже доктор Дарк позволил уговорить себя, правда, только при условии, что его доставят обратно к началу игры армейцев со Стэнфордом. У молодежи были с собой коньки, а Артур Крейг решил, что, имея в наличии старую кладовку Джона с заброшенным спортивным снаряжением, а также и соседа с большой семьей, он сумеет экипировать тех, кто прибыл без коньков. Все устремились наверх переодеться в теплое.

— А вы не идете, Куин? — спросил лейтенант

Лурпа.

— Я досыта накатался еще тогда, когда прочел «Ганса Бринкера», — Эллери раскурил трубку и уселся. — Из лаборатории ничего, лейтенант?

— Ничегошеньки. — Луриа пристально посмотрел на него. Эллери ответил тем же. — Ладно, не силком же вас тащить. Только от советов воздержитесь, ладно?

— Вы видите перед собой образец того, что великий Бард называл «голубиным яичком рассудительности». Что отпечатки?

— Никаких посторонних отпечатков в библиотеке, кроме убитого.

— Кинжал?

— Отпечатки мистера Крейга, но старые и смазанные. Убийца был в перчатках.

— Как всегда, nicht wahr [Ничего *(нем.).* // Эллери обнаружил Расти во дворе. Джон наблюдал,]?

Перед уходом Эллен сказала Эллери:

— Я могла бы догадаться, что вы поступите не как все. Остаетесь дома, чтобы следить, не украла бы чего полиция?

— Вроде того. — Эллери улыбнулся. — Ну, пока! И будем надеяться, что никого на тонкий лед не потянет.

Эллен фыркнула.

— Ей-богу, мистер Куин, вы и вполовину не так умны, как воображаете… — И она удалилась, взяв под руки Мариуса Карло и доктора Сэма Дарка, словно это были два самых желанных мужчины во вселенной.

Как только вся компания уехала в автомобилях Крейга и Фримена, лейтенант Луриа зашел на кухню.

— Ну-ка, дамы, одевайтесь потеплее. Кататься поедете.

— Мы, что ли? — просияв, сказала Мейбл.

— Вы. Вы тоже имеете право на свежий воздух. Это касается и вас, Фелтон. Сержант Девоу всех вас покатает.

— Это очень мило с вашей и сержантской стороны, — улыбнулась миссис Янссен. — Но как же мне быть с ужином?

— У вас уйма времени. Футбольная трансляция начнется около пяти часов.

Луриа подождал, пока полицейская машина не выехала из владений Крейга. Затем он вошел в гостиную.

Эллери вынул трубку изо рта и спросил:

— Санта?

— К черту Санту, — сказал Луриа. — Теперь заткнитесь и не мешайте отрабатывать мне жа-

лованье.

Он снял подушки с кресел. Он прощупал мебель, открыл ящики, обшарил шкафы, залез кочергой в дымоход. Он отвинтил заднюю стенку «стромберг-карлсона». Он облазил елку, не забыв заглянуть и под красный колпак из гофрированной бумаги, скрывавший подставку. Он дюйм за дюймом прошелся по стенам, заглянул под картины, выстукивал, вышлепывал, вытоптывал. Он проверил пол. Он двигал ковры. Он разобрал гостиную по частям и снова собрал ее.

Этот же процесс он повторил в библиотеке, музыкальной комнате, столовой, буфетной, кухне и холле.

Эллери, мирно покуривая, следовал за ним по пятам. Когда Луриа закончил досмотр, Эллери сказал:

— Если позволите, я спрошу — что вы, собственно, ищете?

Луриа ответил загадочно:

— Ничего — я так надеюсь. — Потом он добавил: — Куин, я ничего лично против вас не имею, поймите, но мне бы надо обыскать вас.

— Обыскать меня? — Эллери усмехнулся. — С удовольствием.

Он поднял руки высоко вверх, а тем временем

лейтенант пробежался руками вдоль его тела.

— Теперь, пожалуйста, от меня ни на шаг.

Было без малого полпятого. Луриа вернулся в гостиную и выбрал кресло поудобнее. Вслед за ним вошел Эллери.

— Теперь пусть приходят, — сказал лейтенант, закурил сигарету и с таинственным видом затянулся.

Первой вернулась компания с катка, чуть позже половины пятого. Они оживленно переговаривались. Луриа встретил их у входной двери, загородив собою вход.

Крейг был крайне удивлен.

— Вы еще здесь, лейтенант?

— Боюсь, что вам еще довольно долго придется мириться с моим присутствием, сэр.

В обычно добродушном рычании бородача проступили резкие нотки:

— Что на сей раз?

— Я объясню позже. Пока что не будете ли вы все любезны поступать именно так, как я скажу? Полагаю, что все вы хотите переодеться, освежиться и прочее. Пожалуйста, пройдите прямо в свои комнаты. Как только будете готовы, спускайтесь. Только по парадной лестнице. — Он сделал шаг назад. — Идите.

Вся озадаченная компания вошла в дом. Луриа стоял, как на посту, в конце холла, в то время как мимо него, построившись в колонну, проходили Артур Крейг, Джон Себастиан и гости. Они поднялись по лестнице, а Луриа так и остался в холле.

Через несколько минут возвратился сержант Девоу с прислугой. Лейтенант повторил свои указания и добавил:

— Пройди с ними, сержант, а потом доставь их вниз.

Это привело в смятение даже вечно невозмутимого Фелтона. Все трое нервно поднялись по ступенькам в сопровождении лейтенанта.

Эллери сверкнул глазами.

— Теперь до меня дошло.

— Что бы там до вас ни дошло, держите это при себе.

Первым поспешно спустился вниз доктор Дарк.

— Я не знаю, что тут происходит, — пропыхтел он, — но я намерен слушать футбол. В сторону, джентльмены.

— Минуточку, — сказал лейтенант. Элдервудский доктор колыхнул телесами и остановился на нижней ступеньке. — Не возражаете, если я вас слегка обшлепаю? Больно не будет. — Лейте-

нант улыбался.

— Личный досмотр? — резко спросил доктор Дарк. — Зачем?

— Вы ведь не очень возражаете, да, сэр? — Лурия все еще улыбался.

Доктор ощетинился своей рыжеватой гривой, но потом глазки его сверкнули.

— Почему я должен возражать? Валяй, сынок.

Разобравшись с доктором, Лурия вежливо сказал:

— Спасибо, док. Теперь, пожалуйста, зайдите в гостиную и не выходите оттуда. Включайте радио, делайте что хотите, только ни шагу из гостиной.

Доктор Дарк немедленно устремился к «стромберг-карлсону». Он настроился на волну Си-Би-Эс, отрегулировал звук, закурил длинную сигару и откинулся в кресле. Заслышав голос Теда Хусинга, он просиял.

Следующим появился Джон, а после него и все остальные стали поодиночке спускаться по лестнице. И всех по одному останавливал Лурия. Все мужчины согласились на личный досмотр. С женщинами Лурия ограничился тем, что весьма внимательно посмотрел на каждую и еще попросил разрешения заглянуть в сумочки. После чего

каждого тут же посылали в гостиную, повторяя просьбу не покидать ее.

Когда сержант Девоу появился с миссис Янссен, Мейбл и Фелтоном, лейтенант ободряюще сказал:

— Не тряситесь, девушки. Никто вас бранить не собирается. Миссис Янссен, идите прямо на кухню и займитесь ужином. Вы, Мейбл, помогаете миссис Янссен, да?

— И еще как, — сказала ирландка. — Я должна и картошку чистить, и на стол накрывать…

— В столовой? Сегодня, Мейбл, этого не надо. — Луриа поджал губы. — Миссис Янссен, что у вас в меню на сегодня?

— Ветчина, холодные закуски, картофельный салат…

— Замечательно. Подайте это все «а-ля фуршет» — в гостиную.

— Мистеру Крейгу угодно будет, чтобы перед ужином я подавал коктейли и канапе, — сказал Фелтон.

— Хорошо. Вы трое можете находиться на кухне, в буфетной и в столовой. Вы, Фелтон, будете также прислуживать в гостиной. Но обязательно входите и выходите только через столовую. Сержант, вы отвечаете за каждое движение этих

трех человек.

— Да, сэр, — не без удовольствия отозвался сержант Девоу. Он препроводил троицу через холл, раскрыл перед ними дверь буфетной и проследовал туда же. Луриа немного постоял, затем набросил на дверь крючок со стороны холла и быстро вошел в гостиную.

Там все стояли и шепотом разговаривали. Все, за исключением доктора Дарка, который внимательно слушал Теда Хусинга.

Артур Крейг несколько натянуто произнес:

— Лейтенант, будьте любезны, хотелось бы получить объяснения.

— Конечно, сэр, если только доктор выключит радио. Игра ведь начнется через несколько минут, док. — Толстяк бросил на него свирепый взгляд, но все же протянул руку и выключил радио. Лейтенант Луриа тщательно задернул коричневые бархатные гардины, подвешенные во всю высоту гостиной над сводчатым входом из холла. Затем он повернулся. Его коренастая фигура хорошо выделялась на коричневом фоне.

— Все просто, — сказал лейтенант. — Мне нужно раскрыть убийство, сложный случай, и пока не опознают убитого, мне и до первой лунки не добраться. Тем временем тут возникло еще и это

хитрое дельце с рождественскими подарками, которые мистер Себастиан каждый вечер получает. Я не знаю, что за этими штучками кроется, и как они связаны с убийством, и есть ли такая связь вообще. И поэтому вот что я сегодня сделал: днем я выставил из дома вас всех, включая прислугу. Всех, кроме мистера Куина, но и ему никаких привилегий не было. Не могу же я не брать его в расчет на том лишь основании, что его старик — большая шишка в полиции.

«Никак не можешь», — ухмыльнувшись, подумал Эллери.

— Пока вас не было дома, мистер Крейг, — продолжал лейтенант Луриа, — я взял на себя смелость осмотреть основные жилые помещения первого этажа. Кстати, я пришел с готовым ордером на обыск, на тот случай, если вам заблагорассудится вдаваться в юридические тонкости. Если желаете взглянуть на него, сэр…

Крейг раздраженно махнул рукой.

— Каждый из подарков, предназначенных мистеру Себастиану за последние три вечера, оказывался где-то на первом этаже, — сказал Луриа с улыбкой. — Сегодня моя задача была в том, чтобы убедиться, что сегодняшний подарок — четвертый по счету — еще не подбросили.

— Чертовски умно с вашей стороны, лейтенант, — сказал Джон довольно прохладно.

— Здравый смысл. Когда вы все вернулись в дом, я сразу направил вас наверх и приглядывал за вами, пока вы не поднялись. Таким образом, я убедился, что никто ничего не подбросил по пути наверх. А когда вы спустились, я обыскал мужчин и осмотрел женщин, прежде чем направить вас в гостиную. Таким образом я удостоверился, что никто не принес коробку с собой. Иными словами, на текущий момент я готов под присягой поклясться, что этот этаж чист. Коробки здесь нет.

А поскольку все мы собираемся пробыть здесь, именно в гостиной, до полуночи… — тут последовал всеобщий стон. — Так вот, теперь этот невидимка Санта-Клаус, о котором вы мне говорили, имеет в своем распоряжении почти весь дом. И мы должны извлечь массу интересного из того, что произойдет и что не произойдет. Верно, Куин?

Оказалось, что семь часов — это довольно большой срок для более чем дюжины людей, запертых в одной комнате без всякой надежды выйти — даже в столь просторной комнате, как зала особняка Артура Крейга. Осадное положение

началось уже в напряженной атмосфере, которая все сгущалась по мере того, как весьма неторопливо тянулось вечернее время. Это настроение совсем испортило футбол доктору Дарку. Он то пытался заглушить дам, включая звук на полную мощность, то припадал большим ухом к самому громкоговорителю. Когда Стэнфорд повторил свой триумф над армейцами, разгромив курсантов со счетом 34:13, славный доктор почти не наслаждался победой — слишком уж его вывели из себя болтуны в гостиной. Он даже не смог дать надлежащую отповедь Роланду Пейну, заметившему, что, невзирая на поражение армейцев, знаменитый Рыжий Кэгл покрыл себя бессмертной славой на прощание — ведь кто, как не он, сделал оба тачдауна и в одиночку принес своей команде все ее очки.

Страсти не улеглись, и когда сержант Девоу впустил через дверь столовой бедного Фелтона. Дворецкий внес несомненные атрибуты ужина а-ля фуршет. Крейг привстал было, но тотчас молча опустился назад. Со стороны Оливетт Браун последовал довольно визгливый комментарий: «Это переходит всякие границы, правда же, мистер Крейг?» Остальные тоже взроптали. Особенно выделялся доктор Дарк, заявивший,

что никогда не обучался этому водевильному трюку — балансировать тарелкой, полной еды, на собственном колене — и учиться на старости лет не собирается. Но более серьезных возражений не последовало; напряженность, однако, возросла. Ужинали молча. Луриа за ужином был и любезен, и насторожен. Его стул стоял прямо перед портьерами, скрывавшими вход, и он ни на мгновение с него не вставал.

После ужина началась всеобщая тихая попойка. Мариус Карло напился самым целеустремленным образом, после чего заснул. Его судорожный храп нисколько не способствовал улучшению морального климата. Кто-то немного и довольно рассеянно поиграл в бридж. Расти по радио поймала джаз и вытащила Джона потанцевать с ней, а потом с Валентиной и Эллен. (Эллери оставался в своем углу и на сигналы Эллен не реагировал.) Позже, уже от полного отчаяния, компания вняла настоятельным призывам Валентины поиграть в шарады. Это представление позволило длинноногой блондинке продемонстрировать и ножки, и лицедейский дар. Но и то, и другое не произвело большого впечатления на всех, за исключением Роланда Пейна, чей респектабельный взор редко поднимался выше нижней границы короткой, по

моде, юбки Валентины. Наконец в одиннадцать часов все прекратили игры и уселись послушать новости, что вызвало кое у кого не очень умный смешок: диктор искренним голосом вещал, что комиссия президента Гувера по контролю за соблюдением законности и порядка готова выступить перед конгрессом и «с уверенностью» ожидает более решительного исполнения закона о запрещении продажи спиртных напитков; один из грузовиков Голландца Шульца был похищен в нью-йоркском Ист-Сайде прямо с таможенного склада, а в чикагском Норт-Сайде два трупа, изрядно нашпигованные пулями из «пишущей машинки» — прямо второй экземпляр бойни в день святого Валентина, — были по частям извлечены из тупичка и запротоколированы, как документы «алкогольной войны» между Багси Мораном и «меченым» Эль Капоне; полицейский же комиссар города Нью-Йорка Уэйлен выдвинул принципиальное решение транспортной проблемы на Манхэттене: он призвал запретить всякую парковку автомобилей в деловых кварталах.

После новостей все сидели, отупев от выпивки, и ждали полуночи.

Когда же она пришла, возвестив о себе приглушенным боем напольных часов с верхней

площадки, все с трудом подняли головы.

— Я очень устал, лейтенант, — со вздохом сказал мистер Гардинер. — Позвольте мне отойти ко сну.

— Одну минуточку, достопочтенный. — Луриа вскочил на ноги и устремился к двери в столовую. — Девоу!

Сержант просунул голову в гостиную.

— Приведи этих троих.

Когда в гостиную, волоча ноги, вошли миссис Янссен, Мейбл и Фелтон, Луриа приказал:

— Девоу, остаетесь здесь! Никому не двигаться!

Подбежав к сводчатому проходу, он нырнул в портьеры и исчез.

Все молчали.

— Час ведьм, — внезапно сказал Фримен и засмеялся. Вместо смеха получилось почти что эхо.

Так все стояли и сидели в полном молчании долгие девять минут. Затем портьера раздвинулась, и показался лейтенант Луриа. Он медленно достал из кармана пачку «Меликринос», медленно вынул сигарету, медленно прикурил.

— Эксперимент окончен, — сказал он.

— И что все это должно означать? — проскрипел Джон.

Луриа не торопясь сказал:

— Сегодня подарков не будет. Ни внизу, ни, кстати говоря, на крыльце. А знаете почему, господа? Потому что тот, кто подбрасывал их каждый вечер с тем расчетом, чтобы их нашли, не мог сегодня подбросить четвертую коробочку. А кто не мог подбросить, а? Да любой из вас, из тех, кто находится в этой комнате. Позвольте сказать, что никогда не верил в вашего Санта-Клауса. Теперь-то я точно знаю, что никакого Санта-Клауса нет. А если и есть, то он никакого отношения к этим подарочкам не имеет. Подарки по всему дому разбрасывал один из вас. Ну а теперь как насчет того, чтобы всех нас посвятить в эту шуточку? Что скажете?

Но никто ничего не сказал.

Как ни странно, это вывело лейтенанта Луриа из себя.

— Ладно же, давайте играйте в свои дурацкие игры! — прорычал он, размахивая руками. — Отныне я занимаюсь только убийством. А всю эту белиберду предоставляю вам, Куин.

— Но, лейтенант, — начал Эллери, не зная, как ему с должной деликатностью указать на огромные прорехи, зияющие в проведенном Луриа эксперименте. Но лейтенант рявкнул:

— Доброй ночи! — и опрометью бросился вон

из этого дома.

— Слышу, сменщик мой идет. Пока! — сказал Девоу, осторожно кашлянул и вышел вслед за Луриа.

Никто не шевельнулся, пока шум двух полицейских машин, мчащихся по аллее, не стих в отдалении.

Тогда все устало разбрелись по спальням. По крайней мере, им казалось, что они направляются спать. Но в верхнем коридоре еще только начинали открываться и закрываться двери, когда Джон, который одним из первых отправился наверх, вылетел из своей комнаты, смеясь как демон.

— «Сегодня подарков не будет», — сказал он. — Вот это я только что обнаружил у себя на кровати.

Он держал, высоко подняв над головой, маленький сверточек в красно-зеленой фольге, перевязанный золоченой лентой. На знакомой бирке с Санта-Клаусом была знакомая машинописная надпись: «Джону Себастиану».

Джону пришлось дать успокоительное. Доктор Дарк оставался с ним, пока тот не заснул.

Сойдя вниз, доктор застал всю компанию возле коробки, которую Эллери открыл.

— Как Джон, доктор? — подавленно спросила Расти.

— Это всего лишь нервы, дорогая моя. Он и всегда взвинченный, а тут все эти загадки. Они его очень расстраивают. — Доктор откровенно потянулся к графину с виски. — Что же сегодня преподнес нам домовой, Куин?

Эллери поднял миниатюрный заборчик, покрашенный в белый цвет.

— Доктор, он идеально встает вокруг домика.

— А послание?

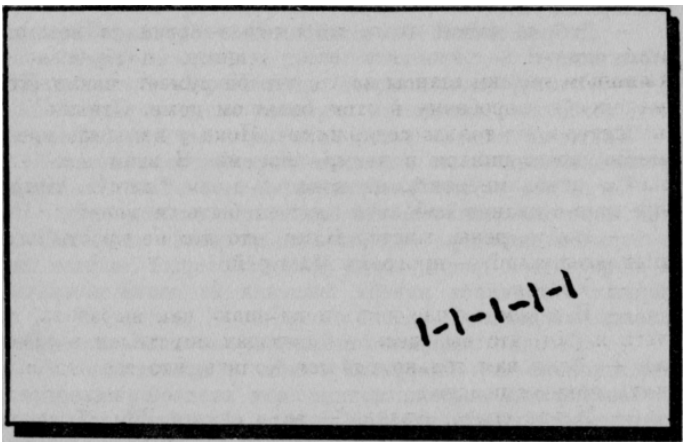
Эллери подал ему белую карточку. На ней были четыре аккуратно отпечатанные строчки:

В четвертый Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
Белый-белый ч а с т о к о л,
Оградиться чтоб от зол.

— Даже и вирши-то нескладные, — пробурчал доктор и протянул карточку обратно.

— Погодите, на сей раз на обратной стороне снова есть пометки. Вам, доктор, они что-нибудь говорят?

Толстяк быстро перевернул карточку и увидел:



— Так дети забор рисуют. А что это значит?

— И я хотел бы знать.

— Зло, — тягостно сказал Артур Крейг. — Здесь говорится о зле. Впервые намекают на… нечто такое.

— Если не считать труп в вашей библиотеке, мистер Крейг, — не без иронии заметил Эллери.

— Да, но это направлено против Джона.

Расти вдруг хихикнула.

— По-моему, меня сейчас вырвет.

Она выбежала из гостиной и помчалась вверх по лестнице. За ней устремился доктор Дарк. За ним выбежала Оливетт Браун. Вэл Уоррен тоже привстала, но под взглядом Эллери опустилась обратно в кресло.

Эллери рассматривал кукольный домик с новым фрагментом.

— Эксперимент Луриа ничего не доказал, а это происшествие только подчеркивает тщетность его усилий. Если кто-то неизвестный прячется в доме, то он мог подложить четвертую коробочку на кровать Джона, пока мы все сидели тут, лишенные свободы передвижения по инициативе лейтенанта. С другой стороны, если даритель — один из нас, как, по-моему, считает Луриа, то он мог еще днем что-то предугадать в намерениях лейтенанта и, вернувшись с катка, подложить коробку в комнату Джона перед тем, как спуститься. Вы помните, Джон спустился одним из первых.

Эллери покачал головой.

— Что касается меня, то я отказываюсь от намерения помешать тому, кто эти вещицы подбрасывает. Слишком велики шансы за то, что он сумеет подложить маленькую коробочку в этом

большом доме. Отныне меня интересует только содержимое. Пока у нас семь предметов, появившихся в четыре приема. В этом есть какая-то закономерность, но пока я ее не вижу. Когда предметов станет побольше, может быть, и увижу.

— Вы уверены, мистер Куин, что это не просто глупый розыгрыш? — прогромыхал Крейг.

— Уверен.

— В таком случае даже и не знаю, как выразить, до чего я рад, что вы здесь. — Бородач опустился в кресло. — Если вам только удастся понять, что все это значит… пока не поздно…

— Идите спать, Артур, — тихо сказал Дэн Фримен.

— Предлагаю всем пойти спать, — сказал Эллери. Все еще храпящего Мариуса они оставили в гостиной.

Пятый вечер: воскресенье, 29 декабря 1929 года

Глава Седьмая, в которой у Козерога отрастают четыре рога, некое Место обозначается крестиком, а разнообразные соображения относительно применимости числа «двенадцать» ни к чему не приводят

Во время завтрака явился Луриа и испортил всем аппетит. Достаточно было одного взгляда на его насупленные брови, и Эллери понял, что сегодня лейтенант не в настроении для рождественских подарков.

— С каждым из вас по очереди я буду разговаривать в библиотеке, — объявил Луриа без всяких предисловий. — Где Гардинер?

— В городе. В церкви, — сказал Крейг.

— Его это тоже касается, когда придет.

И он обрабатывал их, сидя за столом в библиотеке и верша в одиночку нечто вроде тайного судилища, делал пометки в толстой записной книжке. Эллери держался в сторонке и пошел последним, он и обнаружил, что ничего нового не прибавилось — у лейтенанта, как и всегда у

полиции, не было иного выбора, кроме как еще раз идти нахоженной тропой — где вы видели покойника раньше? что именно делали во вторник утром и когда именно?

Когда лейтенант Луриа с шумом захлопнул записную книжку и поднялся, Эллери сказал:

— Кстати, вчера как раз после вашего ухода Джон Себастиан нашел четвертую коробочку у себя в спальне.

Луриа снова сел. И снова встал.

— О, черт!

Потом он спросил:

— Что в ней было?

— Маленький белый частокол — прелестнейшая штучка. Ну, и намеки на какое-то грядущее зло.

— Чушь все это! Знаете, с ума вы тут все посходили. Пора мне.

— Минуточку, лейтенант. Что насчет мертвеца?

— Пусто. Ни из одного участка ничего — ни по фотографии, ни по описанию, ни по отпечаткам. У меня такое ощущение, что его ни разу не задерживали. Он определенно не из этих мест, насколько мы пока смогли проверить. И как мне это нравится? Да я просто балдею!

Вскоре после обеда позвонили из Нью-Йорка. Вызвали Эллери. Он взял трубку в библиотеке, предварительно прикрыв дверь.

— Докладывает инспектор Куин, — доложил инспектор Куин. — Как прикажете подать вашу астрологию — прямо или окольным путем.

— Как всегда, прямо, — мужественно сказал мистер Куин.

— Ты говорил, что эта крошка Расти Браун нарисовала восемь мужских прищепок и четыре дамские брошки и на каждой — свой знак зодиака?

— Именно это я и говорил.

— У тебя с арифметикой неладно. Восемь и четыре будет двенадцать, по крайней мере, было, когда я в школу ходил. Но дело в том, что у Мойлана сказали, что изготовили тринадцать вещиц. — Когда на другом конце провода надолго замолчали, инспектор спросил: — Эллери, ты умер или как?

— Прихожу в себя после сердечного приступа, — слабым голосом ответил Эллери. — Говоришь, сделали тринадцать? По заказу, конечно, не по ошибке?

— Естественно, по заказу. У Мойлана не ошибаются.

— И еще скажи-ка, — голос Эллери становился все крепче. — Тринадцатая вещь изготовлена не по отдельному рисунку? На ней тоже знак зодиака, точное повторение одного из двенадцати?

— Да, это был…

— Стоп, ваше величество. Сам догадаюсь. Дубликаты изображали козлов, точнее, Козерогов? Два зажимчика для Козерога. Как мои успехи?

— Колоссально, — ответил отец, действительно изумленный. — Как это ты, сынок, узнал?

— Ты мои методы знаешь, — скромно ответил Эллери. — Впрочем, от тебя у меня секретов нет. Джон Себастиан родился шестого января. Шестое же января подпадает под знак Козерога.

— Да ну? А как же ты узнал, что два украшения делали для Себастиана?

— Это занятная байка. Но не могу ее рассказать по телефону. Папа? Ты слышишь?

— Слышу, — невесело ответил инспектор Куин. — Иногда и сам не пойму, почему не высылаю тебе ежемесячный счет за услуги. И что на этот раз?

— У тебя есть дельный человек, которого ты мог бы выделить на пару деньков для конфиденциальной работенки? Вроде, например, сержанта Вели?

— Лучших людей у меня забираешь! Ну, ладно. И что должен делать Вели?

— Я хочу, чтобы он покопался в обстоятельствах рождения Джона Себастиана.

— Рождения?

— Ты правильно расслышал. Я об этом знаю только вот что: родителями Джона были мистер и миссис Джон Себастиан из Ри, штат Нью-Йорк. Миссис Себастиан звали Клер. Вечером пятого января тысяча девятьсот пятого года — записываешь, пап?

— Да, сэр, — инспектор вздохнул, — «пятого года».

— Себастианы ехали на машине домой из Нью-Йорка в метель. Около Маунт-Кидрон они перевернулись. В результате аварии у миссис Себастиан начались преждевременные схватки. Она умерла в родах, а отец Джона умер примерно неделю спустя от травм. Вот все, что мне известно. Но я хочу знать об аварии и об accouchement[Преждевременные роды *(фр.)*.] больше — много больше.

как Валентина, Мариус и Эллен соревнуются в лепке снежных баб. А Расти наблюдала за Джоном, который не выглядел особенно радостным.

Эллен воплем приветствовала Эллери. Он в от-

вет лишь улыбнулся, помахал рукой и обратился к Джону:

— Можно на пару минут позаимствовать твою невесту?

— При условии, что не станешь отговаривать ее выходить за меня замуж. Кстати, ты в нее тоже влюблен?

— Безумно, — сказал Эллери и отвел Расти в сторонку. Розовые щеки Эллен сделались пунцовыми, а когда Мариус сказал ей что-то, она схватила пригоршню снега и кинулась на него.

— Не понимаю, зачем я вам понадобилась, — сказала Расти. — К тому же я уже ангажирована. Эллен свободна.

— Потому что Эллен не может ответить на вопрос, который я хочу задать, — Эллери улыбнулся. — А вы можете.

— Какой вопрос?

— Расти, как вышло, что вы не упомянули тринадцатый подарок со знаком зодиака?

— Ах это? — сказала Расти. — А что, забыла?

— Забыли, — ласково сказал Эллери.

— Да, я действительно его заказывала. Это была копия того, что предназначался Джону.

— А почему вы заказали дубликат?

— Потому что Джон попросил. Еще вопросы,

мистер Куин?

— Один. Почему Джону понадобилось два зажима с Козерогом?

— Я могла бы ответить, что скорее всего потому, что шестого января Джон получит кучу денег и одного ему не хватит. Но это будет праздный домысел. — Расти держалась невозмутимо. — На самом же деле, мистер Куин, я просто не знаю зачем.

— И вы не спросили?

— Конечно, спросила.

— И как он ответил?

— Он засмеялся, поцеловал меня и сказал, что мы пока еще не муж и жена. Почему бы вам самому не спросить его?

— Пожалуй, так и поступлю, — сказал Эллери. — Даже рискуя получить от него поцелуй.

Его напускная серьезность скрывала серьезность подлинную. Но Эллери никак ее не выказал, когда отвел Джона в сторонку.

— Так как же, Джонни-малыш? — спросил он, — откуда два Козерога?

— Как ты узнал? — неприязненно спросил Джон. — Расти сболтнула?

— Нет. Она лишь подтвердила то, что мне и так было известно.

Джон очень невесело сказал:

— Выходит, ты наводил обо мне справки?

— Да так, нужно было одну идейку проверить. А что, Джон, ты против того, чтобы о тебе справлялись?

— Да, против, — медленно ответил Джон.

— Послушай-ка, друг. В этом доме произошло убийство…

— Боже мой! — воскликнул молодой поэт. — Ты полагаешь, что я к этому как-то причастен? Эллери, да я не больше твоего знаю, кто этот старик и как его угораздило оказаться здесь убитым!

— Тогда почему ты мне не рассказал о двух Козерогах?

Джон хладнокровно ответил:

— Потому что пока я предпочитаю этого не делать. Еще вопросы будут?

— Пожалуй, нет.

Эллери на мгновение задержался. Джон же присоединился к компании, что-то сказал Расти, получил в ответ восторженный поцелуй и сразу же принялся лепить снежную бабу при радостном содействии Расти.

Эллери неспешно направился к дому. Как только он вышел из их поля зрения, он заметно прибавил шагу. Тихонечко войдя в дом, он столк-

нулся там со старым мистером Гардинером и Оливетт Браун, буркнул что-то такое насчет намерения пойти вздремнуть, устало протащился вверх по лестнице… и единым духом влетел в комнату Джона.

Это была очень большая комната с громадным эркером, собственным камином, гигантской постелью и невероятных размеров встроенными шкафами для одежды. Стены были обвешаны старыми вымпелами колледжей и всякими трофеями подросткового возраста — табличками с надписью «СТОП», «ПАРКОВКА ЗАПРЕЩАЕТСЯ», «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ» — скрещенными рапирами, покрытыми пятнами ржавчины, траченным молью хвостом енота, плакатами, рекламирующими путешествия по Франции, и множеством других вещественных напоминаний о днях ранней юности Джона.

Эллери сразу устремился к ближайшему шкафу и открыл дверцу. На некоторое время он застыл с широко раскрытыми глазами.

Затем он открыл другой шкаф.

Он все еще стоял в ошеломлении, когда за его спиной раздался ледяной голос:

— Я всегда уподоблял сыщиков тараканам, соглядатаям, вшам и прочим паразитам. Чем это

ты тут занимаешься?

— Аналогичные недальновидные определения отпускались в адрес Джона С. Самнера, епископа Кэннона и каноника Чейза, — сказал Эллери, не шелохнувшись. — Для кого сыщик, а для кого и борец за правое дело. Я занят поисками истины, как считаю нужным, и ты мне в этом не очень-то помогаешь. — Он развернулся. — И все же, Джон, я обязан принести тебе извинения за то, что в данный момент делаю. А теперь объясни мне, почему каждый костюм, пальто, спортивная одежда, шляпа, свитер, ботинки и все прочее в этих шкафах имеется в двойном размере?

Как ни странно, уголки красивого рта Джопа поднялись в ухмылке.

— Хочешь сказать, что ты просто обо всем догадался потому, что у Мойлана мне сделали два одинаковых зажима?

Эллери принял обиженный вид.

— «Догадаться» — это бранное слово в моем лексиконе. Нет, я мог еще на кое-что опереться. Но ты не ответил на мой вопрос.

Ухмылка расползлась вширь.

— Ты, может, сочтешь это бессмыслицей, по у меня всегда был пунктик насчет одежды, а поскольку она на мне просто горит, то я и взял себе

за правило покупать все en double[По паре *(фр.)*.]. Я знаю, что это экстравагантно, но в чем же тогда преимущества поэта, если он не может потакать хоть нескольким своим капризам?

— И только-то? — тихо сказал Эллери.

— И только. Вот полюбуйся. — Джон начал распахивать ящики комода. — Парные рубашки, платки, галстуки, булавки для галстуков, ремни, подтяжки, носки…

— Даже монограммы. — Эллери пощупал два одинаковых галстука с монограммами «Дж. С.».

— Эта мания простирается и на бумажники, перстни с печаткой, портсигары… За психиатром бежать не собираешься?

— По поводу столь последовательной мании? — Эллери с улыбкой покачал головой.

Джона это тоже, казалось, позабавило.

— Ты мне не веришь.

— А помнишь, что сказал Оскар Уайлд: «Можно верить в невозможное, но в неправдоподобное — никогда»?

— Согласен. Например, я никогда не верил в такую неправдоподобную вещь, что ты тайком заберешься ко мне в комнату, как пресловутый «тать в ночи».

— Я лишь сослался на слова Оскара Уайлда.

Лично я не только могу верить, но нередко и верю в неправдоподобное. Мне для этого требуется только, чтобы факты не указывали на какой-то другой вывод.

— А в данном случае факты указывают на другой вывод?

— Те факты, которыми я сейчас располагаю, — сказал Эллери, — да.

Их улыбки скрестились, и Эллери ушел.

В этот вечер подарок нашел Эллери.

Это произошло в то время, когда вся компания после ужина слушала передачу Мейджора Бауэрса «Семейство из Капитолия». Эллери обнаружил, что у пего кончился трубочный табак. Он поднялся в свою комнату, чтобы наполнить кисет, а там, на кровати, лежала веселенькая рождественская коробочка в отличительной красно-зеленой фольге, обвязанная все той же золоченой лентой и снабженная бирочкой Санта-Клауса с напечатанным именем.

Эта коробочка была существенно больше, чем две предыдущие. Он осторожно отнес ее вниз.

— Номер пять, — объявил он.

Крейг поспешно выключил радио.

Эллери положил коробку на узкий стол. Все молча выстроились вдоль стола. Эллери сорвал

обертку, под которой была уже привычная белая коробка. В ней лежал какой-то предмет, завернутый в красную оберточную бумагу, а на нем — белая карточка:

В пятый Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок.
Из гипса р у к у
(Не понял, в чем вся штука?)
С черной меткой на л а д о ш к е.
(Затревожился немножко?)

Когда он снял обертку, там действительно была рука — мужская рука из гипса — костлявая, совсем истощенная, пальцы у нее были слегка согнуты, а большой — несколько отставлен, выражал как бы мольбу или капитуляцию. На белом гипсе открытой ладони насмешник-отправитель мягким карандашом отчетливо начертал крест.

— Да уж, не понять, что он на сей раз имеет в виду, просто невозможно, а? — сказал Джон с коротким смешком. Он автоматически повернулся в сторону буфета со спиртным.

— Расти, — сказал Эллери, — это, по-вашему, слепок?

— Нет. — Расти с тревогой смотрела на Джо-

на. — Больше похоже на модель, по которым изучают анатомию на уроках изобразительного искусства. Подобные вещи можно купить в любом художественном магазине.

— Крестиком, как говорится, отмечено место, — пробормотал Артур Крейг. — Но почему рука?

— Хиромантия, — вдруг сказала миссис Браун. — Ладонь — линия жизни — крест пересекает линию жизни…

— Может, мне глотку себе перерезать и положить конец всей неопределенности? — спросил Джон с тем же странным смешком.

— Я полагаю, Джон, что мы обойдемся без глупых шуток, — резко сказал его бородатый опекун. — Мистер Куин, вам это больше говорит, нежели все предыдущее?

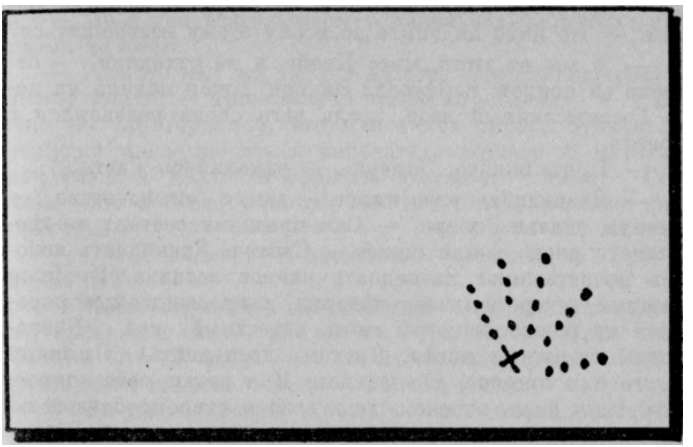
— Ни на йоту. — Эллери перевернул карточку. — А вот здесь еще карандашный набросок. Голая суть руки, — проговорил он. — Форма, низведенная до чистой анатомической функции. И крестик не забыли — на тот случай, если Джон разучился читать, я полагаю. Это настолько бессмысленно, что даже страшно.

Он швырнул карточку на стол и отвернулся. Поодиночке все снова разошлись по своим креслам. Никто, даже доктор Дарк, не был расположен

слушать радио.

— Джон, милый, — сказала Расти.

— Что?



— Милый, ты ведь это на самом деле всерьез не принимаешь?

— О, нет, — сказал Джон. — Меня ведь вскормили на угрозах смерти. Они для меня, прелестная Расти Браун, ничего особенного не значат. Я их

жру на завтрак, рыгаю ими на обед и перевариваю их за ужином. Они, деточка, отскакивают от меня, как от стенки горох. Нет, серьезно! — Он взорвался. — Что я, по-твоему, Расти, со смеху помереть должен, что ли?

— ' Джон, Джон, — сказал его опекун.

— Ну же, Эллери! — кричал Джон. — Это же твоя стихия. Типа «психоз-люкс». Ну, не таи же от нас! Давай, излагай!

— Внимание, внимание! — сказал Мариус, постучав стаканом о ручку кресла. — Речь.

— Подоходчивей, — мрачно сказал Роланд Пейн.

— Порешительней, — сказал доктор Дарк, глядя на Джона.

— Помилосердней, во имя Господа, — еле слышно сказал мистер Гардинер.

— Да как угодно, черт возьми! — завопил Джон, уселся и залпом осушил стакан.

— Хорошо. В качестве предмета своего сегодняшнего выступления я изберу «Странные Совпадения с числом «Двенадцать», — сказал Эллери, подпустив ровно столько благожелательности, сколько требовала обстановка. Расти посмотрела на него с благодарностью.

— Я готова выслушать все, — сварливо сказала

Эллен. — Но надо ли опять ко всему этому возвращаться?

— А мы от этого, мисс Крейг, и не отходили, — отвесив ей поклон, парировал Эллери. Джон поднял на него бессмысленный взор, после чего снова развалился в кресле.

— Продолжайте, Эллери, — взмолилась Расти.

— Двенадцать участников нашего празднества, — кивнув, сказал Эллери. — Сам праздник состоит из двенадцати дней — или ночей — Святок. Двенадцать человек представляют двенадцать знаков зодиака. И Джон каждый вечер получает подарки, сопровождаемые пародией на рождественский гимн, известный как «Двенадцать святочных дней». Кругом двенадцать! Слишком много для простого совпадения. И я задаю себе вопрос: может ли число «двенадцать» сознательно использоваться как некий указатель? Например, могу ли я кого-нибудь из присутствующих увязать с этим числом?

Сержант Девоу, который незаметно пришел из холла и слушал со всевозрастающим недоумением, теперь и вовсе облокотился о косяк с раскрытым ртом.

— Давайте посмотрим, — сказал Эллери, оглядываясь по сторонам. Взгляд его остановился на

Роланде Пейне. — Что, если мы начнем с мистера Пейна?

— С меня? — Адвокат был явно застигнут врасплох. — Был бы вам очень признателен, Куин, если бы вы меня во всю эту чушь не впутывали.

— Ну нет, вас никак нельзя оставить в стороне. В этом-то и смысл нашего расследования. Подумайте, мистер Пейн, и хорошенько. Число «двенадцать» — в любом контексте — никаких ассоциаций из вашей личной жизни не вызывает?

— Разумеется, нет, — без особой любезности ответил Пейн.

— А из профессиональной? Вы юрист… Юрист… Ну, конечно, — просияв, сказал Эллери. — Что может быть ясней? Юрист — жюри присяжных. «Двенадцать мудрых и справедливых». Понятно?

— Я почти не бываю в судах, — огрызнулся седовласый поверенный. — Я все же занимаюсь гражданским правом, а не уголовным.

— Да бросьте вы, Пейн, — неожиданно сказал Фримен. — Все это даже занятно. Конечно…

— По я действительно ни о каких «двенадцати» понятия не имею.

— Роланд, как же ты мог забыть свою магистерскую диссертацию? — громогласно спросил Крейг. — Ты еще ею так гордился, что много

лет спустя буквально вынудил меня набрать и напечатать частное ее издание для раздачи коллегам-юристам. Неужели забыл? Там было еще о своде римских законов пятого века до нашей эры.

— О, Господи, — простонал адвокат. — Артур, о чем ты?!

— Называлась она, естественно, — Крейг усмехнулся, краешком глаза глянув на Джона, — «Lex XII. Tabularum». У меня где-то есть экземплярчик. «Закон двенадцати таблиц». Автор — Роланд Пейн.

— Да-да, все верно, Артур, — со слабой улыбкой сказал Пейн. — Я забыл. Но тебя за напоминание не благодарю.

— Ну вот, — бодро сказал Эллери. — По крайней мере, теперь у вас прямая связь с числом «двенадцать». Кстати, надо же, вы ведь еще и douzeper.

— Я кто? — вздрогнув, спросил Пейн.

— «Дузепер», — заверил его Эллери. — Один из двенадцати палладинов Карла Великого. Вы наверняка помните самого знаменитого из них. «Песнь о Роланде» вам ни о чем не говорит? «Роланд за Оливье»? А «Чайлд-Роланд»? Дорогой, сэр, да вы по уши в «двенадцати». Ну, кто следующий? Доктор Дарк?

Джон улыбался. Расти прильнула к нему и клубочком свернулась у него на коленях. Она незаметно пожала Джону руку. Он поцеловал ее в кончик носа.

— Доктор, мы ждем, — с упреком сказал Эллери. — Что для вас значит число «двенадцать»?

— Это час, когда меня обычно пробуждают от здорового сна пациентки, уверенные, что они подхватили австралийский типун, — сказал толстяк. — Однако могу еще обратить ваше внимание на двенадцать черепно-мозговых нервов — непреложную часть курса анатомии. Заканчиваются они двенадцатым, или подъязычным, нервом…

— Холодно, холодно, — нахмурясь, сказал Эллери.

— Думай, Самсон, — Крейг издал смешок.

— Самсон? Вы сказали «Самсон», мистер Крейг? — воскликнул Эллери.

— Конечно, я сказал «Самсон». Его так зовут.

— А я думал, что его зовут Самуэл! Ну тогда совсем другое дело, — удовлетворенно сказал Эллери. — Вы, конечно, понимаете?

— Честно говоря, нет, — сказала Эллен.

— Чему вас только учат в Уэлсли? Самсон — это библейский аналог греческого Геракла. А

Геракл — это что?

— Двенадцать подвигов! — сказал Фримен, широко улыбаясь.

— Теперь вы убедились в достоинствах широкой гуманитарной эрудиции.

— Какая уж тут эрудиция? Мне это напомнило миссис Жаботински, — сказал доктор Дарк. — Мне, во всяком случае, показалось, что я сотворил все двенадцать подвигов, прежде чем она у меня попала на родильный стол!

— И он еще утверждает, что подъязычный нерв — «холодно»! — взвизгнула Эллен.

Джон громко и гулко рассмеялся.

После этого все пошло легко. Мариус Карло подошел как музыкальный последователь Шенберга с его гаммой из двенадцати тонов; мистер Гардинер ассоциировался с двенадцатью апостолами, имя одного из которых — Андрея — он носил; сродство миссис Браун и двенадцати знаков зодиака было неоспоримым; Артура Крейга приняли в компанию благодаря одному из основных предметов его ежегодного производства — знаменитых «Календарей Крейга»; Валентина, хоть и отрицала, что когда-либо играла в «Двенадцатой ночи» Шекспира, все же настояла, чтобы и ее включили, поскольку

она — Стрелец, а день ее рождения приходится на 12 декабря — двенадцатый день двенадцатого месяца. С Расти было посложней, пока Эллери не вызнал у нее, что окрестили ее вовсе не Расти, а Иоландой — имя из семи букв, которые, если их прибавить к пяти буквам фамилии, дают все то же магическое «двенадцать»; а Дэн З. Фримен, который был иудейского вероисповедания, был немедленно избран, по инициативе Джона, Великим Двенадцарием, поскольку его принадлежность к иудеям предполагала не только двенадцать колен Израилевых, но и их вождей, двенадцать сыновей Иакова, а само же его имя, Дэн, то есть Даниил, было именем одного из них, а среднее имя, Завулон («в память о дедушке по материнской линии, olav hasholem») было, как серьезно заверил их Фримен, именем другого.

К тому времени нижняя челюсть сержанта Девоу пришла в рискованную близость с грудью.

Эффект был в значительной степени испорчен, когда выяснилось, что ни Джон, ни Эллен в этот клуб вступить не могут. Несмотря на все усилия Эллен и ее дяди, никаких «двенадцати» в ее жизни они припомнить не смогли. Что же до Джона, то если кому-то и пришло в голову в этой связи вспомнить двенадцать ежевечерних

даров, которые ему угрожали, то тот счел за благо воздержаться от их упоминания.

— А вы, мистер Куин? — Крейг улыбнулся. — Себя-то вы пропускать не должны.

— Себя? Я в одной лодке с Джоном и Эллен. Я никаких «двенадцати», имеющих ко мне отношение, вспомнить не могу.

— Ваше имя и фамилия, — предположил Фримен. — Еще парочку инициалов…

— К сожалению, у меня нет средних имен.

— Книги! — Крейг хлопнул себя по коленке. — Вы-таки попадаете в клуб, так как имеете отношение к книгам! Один из технических форматов книги — это «дуодецимо», или двенадцатая часть листа. Вот видите!

Эллери почтительно сказал:

— Мистер Крейг, по-моему, вы попали в точку.

— Тогда и я тоже подхожу, — сказал, ухмыляясь, Джон. — Я ведь написал книгу. Бедная сестренка! Одну тебя не приняли.

— Встретимся лет через двадцать, — процедила Эллен сквозь мелкие белые зубки. — Я тебе покажу. Двенадцать детей!

На этой счастливой ноте и завершился импровизированный сеанс куиновской чушетерапии. Пациент, со всеми признаками полного вы-

здоровления, предложил совершить набег на холодильник и убедил сконфуженного сержанта Девоу этот набег возглавить; Мариус проковылял к фортепиано и забарабанил военный марш. Доктор Дарк ухватил за жилистую руку Оливетт Браун и настоял на том, чтобы «эскортировать» ее самым помпезным образом. Роланд Пейн незаметно пропихнул руку вокруг талии Вэл Уоррен, и вся компания весело промаршировала в направлении кухни.

Но позже, в спальне, делая запись в дневнике, Эллери приостановился и задумался, сколько из всего происшедшего действительно было чепухой и сколько — не было… или же чепухи вовсе не было.

Запись за этот день он закончил так:

«Абсурдность сегодняшнего представления подобна смеху во тьме. По фактуре все это — безобидная чепуха, но сквозь нее пропущена некая невидимая зловещая нить. Но где, где? Где смысл в этой бессмыслице? Что означают эти подарки? Кто их по всему дому разбрасывает?.. И кто же мертвец?»

Шестой вечер: понедельник, 30 декабря 1929 года

Глава Восьмая, в которой с достопочтенным мистером Гардинером случается не вполне достопочтенное происшествие, «Дом Фримена» начинает шататься, а молодой Джон ложится спать с кнутом

В понедельник утром мистер Гардинер спустился вниз с сердцем столь же тяжелым, как его походка. С самой рождественской ночи старый священник спал плохо, но усталость, которую он ощущал, была в значительной мере усталостью души. Он с возрастающим предчувствием дурного взирал на события в доме Крейга; каждую ночь, лежа в постели, он искренне молился, чтобы чудесным образом нашлось объяснение всему, полное юмора и благожелательства. Мертвеца в библиотеке он решительно выкинул из своих мыслей: это было событие, в котором мог разобраться только Господь, а в глубине души мистер Гардинер знал, что для мира, в котором он жил, Второе Пришествие — вещь маловероятная.

Поскольку он пребывал в замешательстве и

поскольку в замешательстве этом он усматривал некое собственное прегрешение или, по меньшей мере, нетвердость в вере, мистер Гардинер избрал это утро для умерщвления плоти. Обогнув столовую, откуда доносились неясные голоса его сотоварищей-гостей, старый джентльмен прошел через гостиную и тихо вошел в библиотеку хозяина. Он намеревался написать письмо епископу. Такова была рекомендация самого епископа для своих отошедших от дел приходских священников во времена испытаний и сомнений, ибо разве не сказано в Евангелии от Иоанна, глава 10, стих. 11: «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец».

Итак, мистер Гардинер уселся за стол, открыл пенал, который принес с собой, отвинтил колпачок авторучки — сколько проповедей вышло из-под ее притупившегося пера! — коротко помолился о вдохновении и начал писать.

Он затруднился бы сказать, сколько времени он писал. Он смутно ощущал, что через гостиную проходили люди — слышались голоса, смех, шаги — но лишь некоторое время спустя он осознал, что звуки эти давно уже стихли. «Должно быть, все вышли из дому или разошлись по своим комнатам», — подумал он и начал читать напи-

санное, беззвучно шевеля губами.

И в этот момент он услышал в гостиной два голоса; мистер Гардинер и вовсе бы не расслышал их, если бы вокруг не стояла такая глубокая тишина. Один голос принадлежал невысокому человеку с большой, наполовину лысой головой и прекрасными печальными карими глазами — мистеру Фримену, издателю; другой — Джону. Судя по всему, это была деловая беседа, и поскольку велась она вполголоса, мистер Гардинер заключил, что она была конфиденциальной. Немного сконфузившись, он подумал, не стоит ли ему подойти к дверям и обнаружить свое присутствие. «Но это могло бы смутить беседующих, — после некоторого раздумья решил он, — особенно робкого мистера Фримена». Мистер Гардинер решил оставаться на месте, не пытаясь ни сдерживать свои естественные движения, ни привлекать к себе излишнего внимания. Вполне вероятно, что один из собеседников, передвигаясь, увидит его через открытую дверь.

А затем, внезапно, мистер Гардинер стал всем сердцем надеяться, что этого не произойдет. Ибо то, что он посчитал деловой беседой, стало приобретать зловещий характер.

Джон вел себя отвратительно, просто мерзко.

Он начал с того, что вспомнил, что издательство мистера Фримена, «Дом Фримена», было основано его, Джона Себастиана, отцом и Артуром Крейгом и что, хотя Артур Крейг добровольно продал компанию «Себастиан и Крейг» после безвременной кончины Джона-старшего, он, Джон-сын, давно уже считает эту продажу оскорблением памяти отца и многие годы ищет способ «исправить несправедливость». Наконец, он понял, как это можно сделать. 6 января 1930 года он, Джон, вступает во владение отцовским наследством. Он будет владеть миллионами. Он просто откупит издательство назад.

Сказано все это было с улыбочками, издевательским тоном, который мистер Гардинер счел весьма омерзительным.

Мистер Фримен говорил как-то неуверенно, словно надеялся, но не был вполне уверен, что молодой человек просто его разыгрывает. Но издатель также воспринял этот тон как, по меньшей мере, неприятный.

Наступила пауза, как будто мистер Фримен раздумывал, а Джон выжидал; потом мистер Гардинер услышал, как старший собеседник с нервным смешком сказал:

— А я-то уже на мгновение подумал, что вы это

всерьез, Джон.

— И были абсолютно правы.

Возникла еще одна пауза, за время которой Гардинер попытался забыть и сами слова, и тон, которым они были произнесены. Но не смог.

Голос Фримена произнес:

— Я… даже не знаю, что сказать, Джон. Если это серьезное предложение для «Дома Фримена», то я тронут, действительно тронут, особенно теми чувствами, которыми ваше предложение вызвано. Только «Дом Фримена» не продается.

— Вы в этом абсолютно уверены?

— Конечно, уверен, — сказал уязвленный издатель. — К чему такие вопросы?

— Мистер Фримен, я хочу иметь издательство, и вы мне продадите его — или ваш контрольный пакет, что одно и то же. Грабить вас я не собираюсь. Я в состоянии заплатить столько, сколько это предприятие стоит, — и заплачу. Но вы должны понять, что у вас нет выбора. Выбирать буду я.

Мистер Гардинер чуть не вскочил на ноги.

Бедняга издатель беспомощно проговорил:

— Джон, либо вы меня разыгрываете, либо вы очень больны. Но если вы настроены доиграть эту сцену до конца, я буду столь же серьезен, как и вы, по вашим же словам. Я никакого отношения

к первоначальной продаже не имею. Она явилась исключительно следствием трагической смерти вашего отца и, насколько я понимаю, ощущения Крейга, что в одиночку он не в состоянии был бы продолжить дело. С того времени фирма сменила нескольких владельцев. Я всего лишь ее владелец на данный момент. Когда я приобрел фирму, она была на грани банкротства. Я вложил в нее массу труда, Джон. Я сделал из нее, возможно, лучшее из небольших издательств Нью-Йорка. Теперь вы утверждаете, что хотите ее отобрать. Я мог бы спросить: «Почему? По какому праву?» — но не стану этого делать. Я только спрошу и жду от вас прямого ответа, без всяких околичностей — почему это выбирать будете вы? Каким именно образом вы намерены заставить меня продать дело?

Мистер Фримен говорил все более решительным голосом, и мистер Гардинер почувствовал искушение громогласно произнести «Браво!». Но он остался сидеть за столом, напрягая слух.

— Через вашего отца, — сказал Джон Себастиан.

— Через моего отца? — Даже в библиотеке мистер Гардинер почувствовал, насколько ошеломлен издатель. — Отца?

— Я хочу, чтобы вы проявили благоразумие, — печально произнес ненавистный молодой голос. — Мне это нравится не больше вашего. Не вынуждайте меня, мистер Фримен.

Из гостиной донеслось какое-то шипение и звук удара кулаком по креслу.

— Какая… какая наглость! Слушайте, какое отношение к этому имеет мой отец? Чего ради вы впутываете в этот кошмар старого больного человека, которого даже не знаете?

— Ах, он же старенький? За семьдесят… Ладно, мистер Фримен, вы сами напросились. Когда я принял решение откупить издательство, я знал, что мне придется подыскать аргументы посильнее денег. Я, честно говоря, навел кой-какие справочки. Когда ничего не смог накопать на вас, я занялся вашим семейством. Ваш отец — иммигрант, так ведь?

— Да, — сказал Фримен. У мистера Гардинера сердце кровью обливалось от жалости к нему.

— Правоверный еврей из Германии, бежавший оттуда под вымышленным именем. У него имелись большие неприятности политического характера с правительством кайзеровской Германии.

— С кем вы говорили? — прошептал изда-

тель. — С каким Иудой?

— Я полагаю, он боялся, что сюда его не пустят. В любом случае, он дал ложные сведения иммиграционной службе. После этого он боялся подать заявление на получение гражданства. Он ведь так и не стал американским гражданином. Он все еще подданный Германии, и если к тем ложным сведениям, которые он дал под присягой, привлечь внимание иммиграционных властей, его вполне могут — даже и в его возрасте — депортировать в Германию.

— Невозможно! — в ужасе сказал Фримен. — Они никогда так не поступят. Ему семьдесят четыре года. Это убьет его. Это будет смертный приговор. Говорю вам, они так никогда не поступят!

Джон Себастиан вежливо спросил:

— Так что, хотите рискнуть или все же продадите мне «Дом Фримена»?

Последовало долгое молчание. Потом мистер Гардинер услышал страшный голос издателя:

— Партнерство. Я даю вам партнерство, и пропади пропадом ваши деньги!

— Но мне не нужно партнерство, мистер Фримен. Мне нужно издательство моего отца. Так я его получу?

— Это невыносимо! Вы сумасшедший, параноик! Нет! Я не продам!

Джон изысканно-вежливым тоном произнес:

— Подумайте, мистер Фримен. У вас есть время. Вы ведь пробудете здесь, по меньшей мере, еще неделю.

— Еще неделю? — Фримен дико расхохотался. — Уж не думаете ли вы, что я смогу здесь еще хоть час пробыть? Я уезжаю, и немедленно!

— Боюсь, у лейтенанта Луриа найдется что сказать по этому поводу. Вы забыли, что здесь совершено убийство, и что вы не имеете права покидать пределы дома как, формально говоря, один из подозреваемых?

Мистер Гардинер услышал, как Джон не спеша вышел из гостиной.

Он мог представить себе беднягу издателя: сидит, смотрит вслед этому чудовищу, воспитаннику хозяина дома, бессильно сжимая тонкие руки, с печалью и смятением в душе. Мистер Гардинер готов был прослезиться.

Через некоторое время он услышал, как несчастный медленно вышел из гостиной.

Мистер Гардинер разыскал Расти в старом каретном сарае. Она сидела на пыльном облучке древних саней, прижавшись к Джону, и зача-

рованно слушала, как молодой негодяй читает стихи. Они находились спиной к нему, и несколько мгновений старый священник мог наблюдать их, оставаясь незамеченным. Стихи были о любви, несколько скуповатые и умозрительные, и по тому огромному самодовольству, с которым молодой человек читал их, мистер Гардинер заключил, что он сам и является сочинителем. Расти, которую священник мог видеть в профиль, раскрыв рот, упивалась стихами.

Мистер Гардинер внутренне собрался и кашлянул. Ему пришлось еще раз кашлянуть, прежде чем его заметили.

— Ой, мистер Гардинер, — воскликнула Расти, тряхнув короткой рыжей гривкой. — Вам надо послушать стихи Джона. Они просто прелесть!

— Привет, достопочтенный, — кратко сказал Джон.

— Я помешал. Извините. — Тем не менее мистер Гардинер не шелохнулся.

— Я так понимаю, что я здесь лишний, — сказал Джон.

— Я совсем распустился, — сказал мистер Гардинер, не обращая на Джона никакого внимания. — Свадьба уже так близко, я просто обязан потолковать с Расти. Конечно, если вам предпо-

чтительнее, чтобы я отложил…

— Черт с ним, — сказал Джон. — Валяйте.

Он спрыгнул с саней и зашагал прочь.

— Не обращайте внимания на Джона, — сказала Расти со смущенным смехом. — Вы же знаете, как он издергался за последние дни. Хотите сесть сюда, рядом со мной?

Мистер Гардинер ловко взобрался на облучок. Он взял Расти за руку и улыбнулся ей.

— Итак, дитя мое, наконец-то мы одни, как сказал паук мухе. — Эту остроту мистер Гардинер всегда приберегал для подобных случаев. Затем он явственно напряг свой большой нос, настраиваясь сказать то, что сказать был обязан.

В это мгновение Расти встрепенулась от переполнявшего ее счастья.

— Ой, мистер Гардинер, я так полна радостью и восторгом, что вот-вот лопну. И даже все эти жуткие события не могут испортить мне настроение.

Мистер Гардинер молчал. В Первой книге Царств сказано: «Если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу», а у Матфея, глава 7, стих 1: «Не судите, да не судимы будете».

— Ты очень любишь Джона, — с тревогой сказал мистер Гардинер.

— Да, очень.

— А Джон любит тебя?

Расти рассмеялась.

— Пусть только попробует не любить!

Мистер Гардинер не улыбнулся.

— И у тебя нет никаких сомнений, дитя мое? Ни в тебе, ни в нем?

Расти задумалась, и у мистера Гардинера затеплилась надежда. Но потом она неспешно произнесла:

— Скорее всего нет. Признаюсь, я была в каком-то беспокойстве эти последние дни. Джон так себя вел — иногда был просто сам не свой. Но дело тут в этой путаной истории. Его на самом деле винить нельзя. Он же сознает свою ответственность, что всех сюда собрал — а тут убийство… и эти мерзкие подарки…

— Расти, — старый священник откашлялся. — Допустим, ты обнаружила, что Джон не таков, каким он тебе представлялся. Ты все равно выйдешь за него?

— Вы просто прелесть! — Расти сжала его руку. — Но я не могу ответить на такой вопрос, мистер Гардинер. Для меня он нереален. Джон не может быть другим, чем тот, которого я знаю. Я даже представить себе не могу, чтобы отказаться

выйти за него.

Мистер Гардинер поцеловал ее в лоб и начал выбираться из саней.

— В таком случае, — сказал он, — больше ни слова об этом.

«…больше ни слова тебе, бедное дитя, — думал мистер Гардинер, возвращаясь в дом. — Но я этого так оставить не могу».

Он искал Оливетт Браун — не столько надеясь на что-нибудь, сколько из чувства долга. Он прекрасно знал мать Расти, этот каменистый, почти бесплодный виноградник, который он тщетно возделывал долгие годы. Он давно уже оставил все попытки изгнать из нее демонов всякой спиритической чепухи, лишенной какого-либо приобщения к истинному Духу. Более того, он иногда чувствовал, что Оливетт Браун не верит и в половину той ерунды, которую пропагандирует. И это, по мнению мистера Гардинера, было еще большим прегрешением, чем просто приверженность к магии. Это превращало ее в сосуд не только скудельный, но и полный мерзостью лицемерия.

Он обнаружил ее на кухне. Она предсказывала будущее миссис Янссен на чаинках.

— Оливетт, — сухо сказал мистер Гардинер, —

мне очень хотелось бы переговорить с вами наедине.

— А я как раз собиралась помочь Мейбл заправить постели, — поспешно сказала миссис Янссен и удалилась.

Мистер Гардинер уселся по другую сторону стола с фаянсовой крышкой.

— Опять бранить меня будете, — застенчиво сказала миссис Браун.

— Нет. Я собираюсь спросить вас, что вы думаете о своем будущем зяте.

— О Джоне? — Миссис Браун прямо-таки засветилась как лампочка. — Такой милый, славный мальчик! Я так счастлива за мою Расти!

— Оливетт, — сказал мистер Гардинер. — Допустим, вы узнали, что он не совсем такой, каким кажется. Вы все равно были бы рады за вашу Расти?

— Ну разумеется! Уж не держите ли вы меня за такую дуру, которая считает, что они будут вечно ласкаться и ворковать? Я помню мистера Брауна. — При этом воспоминании мать Расти сморщила нос. — Конечно же, Джон не такой, каким кажется. А разве, когда молодой человек ухаживает за девушкой, бывает иначе?

— Предположим, — настаивал мистер Гарди-

нер, — вы узнали, что он нечестен.

— Чушь! — заявила миссис Браун. — С какой стати ему быть нечестным? Не из материальных же соображений. А если тут что-то другое, то кто я такая, чтобы судить.

«Не судите», — невесело подумал мистер Гардинер, но потом вспомнил, что Сатана обладает даром извращать Святое Писание, и воспрял.

— Я не вчера родилась, — говорила тем временем миссис Браун, — да и вы, такая невинная добрая душа, тоже. Ничто в мужчине удивить меня не может. Но Джон молод, красив, очарователен и талантлив, и будет очень богат, и о чем бы вы ни говорили, мистер Гардинер, я предпочла бы этого не слышать. Если произойдет что-то такое, из-за чего этот брак расстроится, я, наверное, просто умру.

— Не убоявшись возмездия, Оливетт? — спросил мистер Гардинер и, откланявшись, пошел разыскивать Артура Крейга, который и изначально был единственной его реальной надеждой.

— Вы уверены, вы уверены, мистер Гардинер, что не ошиблись? — все повторял Артур Крейг.

— Я не ошибся, мистер Крейг.

— Но это так не похоже на Джона. То есть он много говорил об отце, об издательстве, но что-

бы получить его назад?.. Я не слышал, чтобы он выражал…

— Я лишь говорю вам то, что случайно услышал.

— Шантажировать Дэна Фримена! — Крейг потянул себя за бороду. — Нет, не могу я в это поверить, мистер Гардинер.

Мистер Гардинер встал.

— Я понимаю. Да-да. И мне искренне жаль. Но я счел своим долгом…

— Нет-нет, садитесь, пожалуйста. — Крейг ухватил священника за руку своими большими пальцами. — Мальчик, которого ты взрастил… думал, что знаешь его вдоль и поперек… за чью порядочность мог бы поручиться… Как к нему с этим подойти, мистер Гардинер? Что сказать?

— «Уста глаголют от избытка чувств», — тихо изрек мистер Гардинер. — Говорите то, что чувствуете. Юноша любит и уважает вас. Он будет слушать. Он обязан.

— Будет ли? Вообще, знаю ли я его? За последние дни иногда… — Крейг внезапно встал и заговорил, глядя в огонь камина. — Я стремлюсь сохранять своего рода равновесие в разгар… я не знаю чего. Чего-то непонятного. — Он пошатнулся, и сердце мистера Гардинера сжалось от

сострадания. — Что происходит в моем доме? — вскричал бородач. — Что мне делать? Как с этим справиться?

Мистер Гардинер тронул хозяина за напряженное плечо.

— В последний день своей земной жизни, мистер Крейг, Христос «пошел на гору Елеонскую», как нам поведал Марк, «в селение, называемое Гефсимания», и там претерпел агонию смертного страха и печали. «Гефсимания» — арамейское слово, означающее «масличный пресс», и там, когда сердце Иисусово было давимо и терзаемо, подобно маслинам, давшим этому месту название, Он все же нашел в себе силы сказать: «Не чего Я хочу, а чего Ты».

Старый священник улыбнулся.

— Я знал, что прозвучит это все несколько старомодно, мистер Крейг, но имейте веру, и вам откроется путь.

Но, оставляя Артура Крейга, мистер Гардинер улыбаться перестал. Он подумал, что полвека проповедовал веру и с прискорбно малым результатом. Истинная вера творит чудеса, он знал это, но истинная вера — это так редко, так редко. А тут перед ним стояла задача, в которой время могло сыграть определяющую роль.

Мистер Гардинер вздохнул. Что поделать, иногда необходимо воздать кесарю кесарево. Он нашел Эллери и рассказал ему об ультиматуме, поставленном Джоном Фримену.

Эллери слушал внимательнейшим образом.

— Спасибо, мистер Гардинер. Я рад, что с этим вы пришли ко мне. Все начинает сходиться. Сходится, во всяком случае, один момент…

— Сходится с чем, мистер Куин? — Священника удивило радостное, даже почти хищное выражение лица молодого человека.

— Пока что не могу сказать определенно. Лучше воздержусь.

Мистер Гардинер ретировался в свою комнату в полном изумлении.

Миссис Янссен рано подала ужин.

— По понедельникам мистер Крейг больше всего любит слушать радио, — поведала она. — «Рокси» и все такое. По чести говоря, я и сама не прочь послушать. — У нее в комнате был старый детекторный приемник, который она то и дело разбирала и собирала заново.

Итак, в половине восьмого все уютно устроились в гостиной и покорно слушали «Рокси и его оркестр» по «Джей-Зед». В половине девятого Крейг переключился на И-эй-эф послушать цы-

ганский ансамбль.

— Надеюсь, вы не против, Мариус. Я понимаю, что это традиционная музыка, но мне она нравится.

— А чем плоха традиционность, дядя Артур? — воинственно спросила Эллен. — Они играют классические произведения, известные всем, п играют их прекрасно. Не понимаю, зачем надо извиняться, если любишь то, что любит масса других. Не потому ли, что горстка высокомерных зазнаек начинает усмехаться? — И ее презрительный взгляд стрелой пролетел к Эллери.

— А я-то при чем, учитель? — пробормотал Эллери.

— После этого, — вмешался Мариус, — у кого достанет тщеславия отказаться слушать это слащавое пиликанье?

Вечер получился не из приятных. Во всех сидела какая-то скрытая раздражительность. Мариус, казалось, снова впал в свое дурное настроение, Джон был рассеян, Валентина сварлива, Пейн резок, доктор Дарк надут, миссис Браун визглива, мистер Гардинер встревожен, Крейг подавлен, Эллен взвинчена, Расти нервозна, а Фримен и вовсе походил на некий бесплотный дух, витающий в горчайшем эфире где-то на другой планете.

Вечер тянулся невыносимо. В одиннадцать кто-то включил новости. Посреди передачи Фримен поднялся и сказал:

— Неприятности. Везде одни неприятности. Извините, я, пожалуй, пойду спать.

Он вышел усталым шагом.

Остальные лениво обсуждали новости: «спиртной» патруль береговой охраны США убил трех контрабандистов и захватил три катера с нелегальным грузом стоимостью в полмиллиона долларов; в Индии Махатма Ганди призвал к «гражданскому неповиновению» британским властям… И тут перед ними вновь предстал издатель и скрипучим голосом произнес:

— Вот это я только что обнаружил у себя в комнате.

Он держал маленький подарочный сверток в краснозеленой фольге с золоченой лентой и бирочкой в виде Санта-Клауса.

Эллери осторожно взял сверток у Фримена.

— Естественно, адресовано тебе, Джон. Ты позволишь?

Джон очень невесело засмеялся. Мистер Гардинер, тщательно прислушиваясь, не услышал в этом смехе никаких отзвуков той мерзкой издевки, которая исходила из тех же уст сегодня

утром. «Странный юноша, — подумал он, — такой многогранный…»

Бледный издатель вовсе не смотрел на Джона. Он уселся поодаль от центра компании и осматривался, моргая.

Артур Крейг пожевывал клок бороды и украдкой смотрел на своего воспитанника, словно в первый раз его по-настоящему увидел. Потом он овладел собой, выпрямился и стал смотреть, как Эллери открывает пакет.

Внутри, на завернутом в красную бумагу предмете, лежала белая карточка. Эллери вынул ее из коробки и громко прочитал нарочито невыразительным голосом:

В шестой Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
Х л ы с т и к с кожаным плетеньем —
Это просто загляденье.

Это был маленький, зловещего вида хлыст из жесткой кожи, с плотно переплетенной рукояткой и довольно длинной плетью. Кнут для лилипутов.

— Это миниатюрная копия какого-то настоящего хлыста, — сказала Расти, разглядывая его. — Не знаю, какого именно. Может быть, бычий кнут,

но на южноафриканский самбок не похоже. Может быть, из Южной Америки?

— Кнут для быков? — отчетливо сказал Дэн З. Фримен. — Или для людей.

Расти посмотрела на него с недоумением.

— Что, мистер Фримен?

— Просто размышляю, — сказал издатель. — У меня день рождения третьего марта, а это, если судить по недавнему рождественскому подарку с зодиакальным смыслом, подпадает под знак Рыб. Как обычно истолковывают знак Рыб?

Мать Расти подозрительно посмотрела на него.

— Это символ рабства.

— Рабства. — Фримен кивнул и улыбнулся. — До сего дня я не придавал никакого значения влиянию звезд. — И он посмотрел на Джона Себастиана. Но Джон грыз ноготь на большом пальце и во все глаза смотрел на пол.

— Еще подарочек?

Все с облегчением посмотрели на дверь. Эти слова принадлежали сержанту Девоу, еще не вошедшему в гостиную из холла.

В наступившей тишине Эллери взял у Расти хлыстик и протянул его полицейскому вместе с карточкой. Сержант взял их, почесал подбородок

и отвернулся. Через минуту все услышали, как он звонит по телефону. Повесив трубку, он вернулся и сунул хлыст с карточкой обратно Эллери.

— Лейтенант говорит, чтобы вы от них ни на шаг не отходили, мистер Куин.

— Ну нет. По-моему, этот подарок Джон пожелает держать при себе. — Эллери сделал паузу. — Джон?

Джон, передернувшись, взял хлыст и принялся вертеть его в руках.

— Да, — с заднего плана сказал Дэн З. Фримен. — Смотрится очень органично.

— Органично? — Молодой поэт впервые за вечер посмотрел на своего издателя. — Что вы имеете в виду, мистер Фримен?

— Только не надо про очередной приступ амнезии, — сказал Фримен.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — Джон сверкнул глазами. — Я иду спать.

— Джон… — начала Расти.

Но он торопливо поцеловал ее и выбежал.

И только тогда Эллери сообразил, что не посмотрел на обратную сторону карточки. Он быстро перевернул ее.

Но там было пусто.

Седьмой вечер: вторник, 31 декабря 1929 года

Глава Девятая, в которой два треугольника переходят в четырехугольник, мисс Браун и мисс Уоррен возвращаются в пещерные времена, а Новый год возвещает о себе не самым веселым образом

Последний день года выдался ясным и свежим. Дул юго-западный ветер.

— Я бы не прочь на лошадке покататься, — объявила Эллен за завтраком. — Кто-нибудь составит компанию?

— Я с вами, — сказал Эллери.

— Ой ли? — Но вид у Эллен был весьма довольный.

— Я тоже хочу проехаться, — заявила Расти. — А ты, Джон?

— Конечно, конечно, — отозвался Джон. — Мы, что ли, парами поедем? Лошадей-то всего две.

— Парами было бы так весело! — сказала Расти.

— Только не мне! — высокомерно сказала Эллен. — А вот если нам разбиться на две смены,

Расти? Мы через час встретим вас с Джоном на конюшне, и вы сможете взять у нас лошадей.

Фелтон снарядил для них мерина и пегую кобылу, и они выехали в лес в горделивом молчании. Эллери потребовалось некоторое время, чтобы Эллен оттаяла, и он так казнился, что пренебрегал ею ранее, и каялся с той целеустремленностью, которую обычно приберегал для своих интеллектуальных изысканий, что наконец заработал улыбку. А уж после этого и тропинка в лесу, и искрящийся золотой снег, и ровно несущие лошади стали прямо-таки воплощением чистой радости.

Из лесу они выехали шагом, желая поберечь лошадей для Расти и Джона. Щеки у Эллен порозовели, в глазах плясали чертики, а ее стройная ножка в брюках для верховой езды все время стукалась о ногу Эллери, внушая негу и опасения. Внезапно Эллери сообразил, что за прошедший час ни разу не вспомнил ни о мертвом старике, ни о таинственных подарках и загадочных посланиях. И он начал быстро нести множество всякой чепухи, почти не сознавая, что говорит, а Эллен слушала, постепенно заливаясь краской; и вышло так, что въехали они в конюшню и едва не сшибли с ног Валентину Уоррен и Джона Себастиана, прежде чем сообразили, во что же они

ненароком въехали.

— Вэл, ради Бога, — говорил Джон, прижатый ею к самому стойлу. — Мы не одни.

— А мне все равно! — со страстью сказала Валентина, не соизволив обернуться. — Я и подумать не могла, что ты окажешься настолько мелок, чтобы прельститься ямочками и клочком рыжей пакли!

— Привет, сестричка, Эллери, — беспомощно сказал Джон. — Слушай, Вэл. Расти будет здесь с минуты на минуту…

— Я сказала, что мне все равно!

Они сидели на лошадях как идиоты, потеряв способность двигаться.

— Я человек, Джон. Да, я сыграла свою роль, как тертая боевая лицедейка — лучшая подруга — свой парень — «я надеюсь, что вы оба будете счастливы!» — черта с два! Любимый мой. я должна сказать, пока не поздно. Я люблю тебя, Джон, люблю, люблю, люблю! Ты не только глуп, но и слеп? Я любила тебя еще тогда, когда ты знать не знал никакой Расти. Нам было так хорошо вместе…

— Знаю, Вэл, знаю. Не подумай, что я забыл… А вы как? Хорошо покатались? Как лесная тропа?

— З-замечательно, — сказала Эллен с таким

видом, словно одновременно старалась слезть с лошади и остаться в седле.

— Джон, брось ты их!..

— Мы не могли бы обговорить все это в другой раз? — спросил Джон, стараясь поднырнуть под плотно упертые в стенки руки Валентины.

— Когда? Когда ты женишься на этой Кларе Боу для бедных? — Валентина подавила рыдание. — О, Джони, Джони…

— Пусти, Вэл! Пусти меня! При Эллен и Эллери! Совсем своим любвеобильным умишком тронулась? Вэл!..

Восклицание Джона перешло в какое-то сдавленное бормотание. Эллен и Эллери завороженно смотрели, как блондинка, обхватив Джона — и лишив его возможности сопротивляться, — покрыла его рот страстными поцелуями. Ему удалось высвободить губы лишь настолько, чтобы сказать: «О, боги, и полубоги!» — и рассмеяться в бессильной злобе.

— Привет, Расти!

Эллен и Эллери виновато заерзали в седлах. Там, за ними, на снегу стояла Расти. Похлопав лошадь Эллери по крупу, она решительно вошла в конюшню.

— Ну-с, — сказала Расти. Ее голос вполне мог

исходить из какой-нибудь трещины на Южном полюсе. — Что исполняешь, Вэл, — сцену хватания за соломинку в спектакле «Утопающая»?

Эллери, не разжимая губ, сказал:

— А ведь знаешь, Расти, именно это Вэл здесь и исполняла. Репетировала сцену из…

— Ой, заткнитесь! — сердито сказала Валентина. — Так вот, Расти. Теперь ты все знаешь.

— Что я теперь знаю, Вэл? — произнесла Расти ледяным голосом. — Что ты змея подколодная, охотница за чужими мужчинами, двуногая двуличная сука?

— Чертово стремя! — в сердцах сказала Эллен.

Джон кашлянул.

— Расти, послушай..:

— А ты не вмешивайся, Джон Себастиан! — взвизгнула Расти. — Сам скорее всего поощрял ее. Хорошо еще, я вовремя узнала!

— О, Боже, — устало сказал Джон Себастиан. — Понимаешь, детка, хочешь верь, хочешь — не верь, я тут совсем ни при чем — на меня сели и поехали. У меня и свидетели есть. Сестренка, она ведь сама на меня напала? Эллери? Да говорите же, ради Бога!

— Да, — сказала Эллен. — Так оно и было, Расти.

— Да-а, — сказал Эллери. — Так, Расти, оно и было.

— При зрителях? — сказала Расти. — И до какой же низости ты можешь дойти!

— Так я — сука? — бормотала Валентина. — Я сука? — повторила опа. — Кто кого у кого увел, хотела бы я знать, ты, пиратка рыжая!

— Драться хочешь? — звенящим голосом сказала Расти. И к общему ужасу, две молодые особы кинулись друг на друга, выпустив когти, и немедленно конюшня огласилась шарканьем ног, неженственным пыхтением, легкими вскриками сквозь зубы и фырчанием встревоженных лошадей.

— Стоять! — взвизгнула Эллен, борясь со своей вздыбившейся лошадью.

— Этого еще не хватало! — проревел Эллери, осаживая свою.

В общем, им пришлось бороться не на жизнь, а на смерть в течение всей этой невероятной сцены и вынужденного вмешательства Джона, истерического боевого лепета двух разъяренных женщин и наконец прекращения боевых действий. Затем Расти убежала, плача навзрыд и не обращая внимания на вставших дыбом лошадей, и Валентина убежала, тоже рыдая и не обращая

внимания, а за ними бежал Джон с громким и откровенным словом древнего происхождения на устах.

— Как будто нам и без этого неприятностей мало, — продолжил свою мысль Эллери, когда они спустя довольно продолжительное время выбрались все-таки из конюшни.

Тут Эллен тоже разревелась, припав к Эллери, и он понял, что на данный момент ему действительно хватит забот, чтобы еще думать о Расти и Джоне, Расти и Мариусе, Джоне и Валентине и, насколько ему было известно, Валентине и Мариусе.

Исполняя обязанности хозяйки дома, Эллен подготовила традиционное новогоднее торжество — с костюмами, шампанским, шариками, хлопушками, шутовскими шапочками, серпантином и кучей конфетти.

Эллен же его и отменила.

— Мы просто не можем позволить себе ничего такого веселого и нормального, дядя Артур, — с яростью заявила она, — раз уж этот праздник обернулся таким кошмаром. Это был бы просто недостойный фарс.

— Хуже, — сказал Эллери. — Вся затея провалилась бы с таким треском, что и в Техасе было

бы слышно.

— Согласен, согласен, — с горечью сказал Крейг. Эллери все же настоял на том, чтобы рассказать ему о малоприятной истории в конюшне. Крейг слушал с полубессознательным смирением человека, который больше не способен ничему удивляться.

— Как скажешь, дорогая. О Боже мой, дальше-то что будет?

— Почему этот… этот полицейский не отпустит нас? — воскликнула Эллен.

Это была еще одна гадость в последний день старого года. Лейтенант Луриа прибыл без предуведомления как раз перед обедом с единственной вроде бы целью — еще раз подчеркнуть, что они находятся под домашним арестом. У него был измученный вид, из чего Эллери сделал вывод, что никаких успехов в деле установления личности покойника не было. Луриа имел весьма нелицеприятную беседу с Пейном, который проявлял все большую нервозность, а также пережил истерическую сцену с Вэл Уоррен, для которой все праздники вдруг сделались невыносимо тоскливыми. В конце концов, когда Луриа, мрачнее тучи, ушел, все осталось как было, только еще хуже.

Как бы в знак протеста, Валентина вышла к ужину в полном боевом облачении. Ее вечернее платье было из желтовато-зеленого шифона с наимоднейшими длинными складками и параллельными рядами кружевных оборок. Поверх платья был накинут гармонирующий по цвету жакет из светлого бархата. Валентина незамедлительно настояла на том, чтобы Джон принял у нее жакет, что он и сделал без особой радости. На левой руке ее была надета гладкая белая перчатка о шестнадцати пуговицах, а другую такую же она несла вместе с французской вечерней сумочкой из зеленого шелка-фай, расшитой коралловым и жемчужным бисером. Ее сверкающие зеленые вечерние лодочки были снабжены трехдюймовыми каблуками-шпильками, и она возвышалась над Расти, словно сказочная королева.

Расти была вне себя. Она тоже проигнорировала изменения, внесенные Эллен в распорядок дня, и тоже прошествовала вниз в полном вечернем убранстве. На ней был вечерний ансамбль из гладкого крепа, с жакетом, отороченным белой рысью и доходящим почти до колен. Платье изобиловало волнами, а подол его был длинным и неровным, исполненным драматизма. Единственная беда заключалась в том, что по

какому-то дьявольскому совпадению наряд Расти тоже был желтоватозеленым.

Весь ужин они просидели одна напротив другой, злобно пылая глазами. Эллен, облаченная в простенькое шерстяное платье от Нуаре с красно-желтым рисунком, была абсолютно безутешна.

Послетрапезный отдых оказался еще менее радостным. Во-первых, лейтенант Луриа освободил на вечер сержанта Девоу, чтобы тот отпраздновал Новый год по своему усмотрению, а его сменщик — мрачный типчик с синей кожей и приплюснутым носом — подкрадывался к ним каждые десять-пятнадцать минут, словно рассчитывал застать их врасплох в процессе изготовления бомбы. Миссис Браун икала всякий раз, когда он попадал в ее поле зрения.

Мужчины постарше прилагали все усилия, чтобы вести беседу — о «Прощай, оружие» Хемингуэя, о романе Джулии Петеркин «Пурпурная сестра Мери», получившем Пулитцеровскую премию, о «Специалисте» Шика Сейла, о затруднениях Примо де Ривера в Испании, о сообщениях профессора Бэбсона о положении на рынке, о расследованиях сенатского комитета по «сахарному лобби» и слухах о сенсационных разоблачениях, о модернистском движении в искусстве, во

главе которого стоят Пикассо, Модильяни, Архипенко, Утрилло и Сутин — тот самый Сутин, который берет пейзаж и «швыряет его на холст, как кухонную тряпку — но тряпка эта на наших глазах загорается!» (такую вот цитату привел Дэн Фримен), о недавно разработанном и разрекламированном этиловом бензине, о перелетах самолетов «Пан-Американ» через море в Вест-Индию, об утверждении сэра Джеймса Джинза во «Вселенной вокруг нас», что «Бог — математик; Вселенная не была создана для человека», о растущем влиянии Голландца, о новых калькуляторах фирмы Ай-би-эм, о достижениях Боба Джонса и Хелен Уиллс, о болезни Георга V. Но каждая тема, за отсутствием вдохновения, угасала, а новая возникала лишь для того, чтобы как-то выйти из мертвящих маленьких пауз.

Один раз Эллери сказал:

— Интересно, кто его сегодня найдет?

Но никто не ответил.

В полночь все механически осушили бокалы за Новый год, обменялись традиционными поцелуями и рукопожатиями — Расти и Валентина соприкоснулись щеками в весьма прохладном перемирии — и с глубокой благодарностью уселись слушать новую оригинальную программу

студии «Джей-Зед» «Догоняя время по всему континенту», где, как объявил ведущий, в течение пяти минут до и после каждого часа вниманию слушателей будут предложены музыкальные приветствия Новому году из Нью-Йорка, Чикаго, Денвера и Сан-Франциско соответственно. Однако даже эта заманчивая перспектива была омрачена. Наполняя свой бокал, Валентина вылила его себе на платье.

— Ядрена макарона, — заплетающимся языком произнесла Валентина. — Пойду-ка всхрапну. — И она величественно выплыла из комнаты.

Спустя две минуты она вернулась, глядя себе через плечо безумным взором.

— Сегодня на моей постели!

И Валентина села на пол с седьмым рождественским подарком на коленях и тихо впала в истерику. Когда никто не обратил на это внимания, она прекратила.

На карточке было отпечатано четыре строки:

В седьмой Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок.
В о д у с р ы б к о й золотой
(Не сочти же чепухой).

Красная оберточная бумага была влажной;

немного краски пристало к пальцам Эллери. Под бумагой был маленький игрушечный аквариум — чуть больше сливы, — а в нем энергично плавала невероятно крохотная тропическая рыбка, прозрачно-золотистая. Воды там было с наперсток. Хотя аквариум в коробке был плотно проложен ватой, большая часть воды расплескалась.

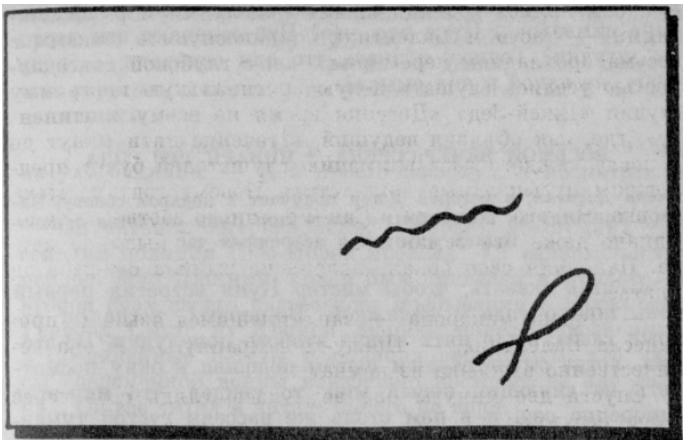
— По масштабу это очень близко к домику, — сказал Эллери. — Во всяком случае, нашему маньяку не откажешь в последовательности.

— Я-то думал, что с этим чертовым домиком уже все, — сказал Джон, как будто это имело для него значение. К счастью, на него никто не смотрел.

— И еще пометки на обратной стороне, — пробормотал Эллери.

Он неотрывно смотрел на карандашные отметки.

— Это, конечно, символ воды.



— А эта штука похожа на клещи, — вставил доктор Дарк. — Только при чем здесь клещи?

— Не клещи, доктор. Неужели непонятно? Очень упрощенный рисунок рыбы с распущенным хвостом. Вода и рыба, как и сказано. Вода и рыба…

Большинство засиделось допоздна, обильно, но не вполне успешно взбадриваясь хозяйским

шампанским, в то время как радио шло по пятам Нового года до самого Сан-Франциско. Тогда Эллери вызвался приготовить нечто из яиц и куриной печенки, после чего каким-то непостижимым образом он оказался в совершенно темной нише, где его обняли две нежных руки, губы прижались к его губам, а голос, определенно принадлежащий Эллен, прошептал: «С Новым годом!» Это было несомненно приятно, даже восхитительно, но — вспомнил Эллери — ничего не сулило.

Было почти пять утра, когда он рухнул в кресло в своей спальне и потянулся за дневником. Несмотря на поднимавшийся внутри него туман, Эллери сумел закончить запись за 31 декабря. В последнем абзаце проступили нотки отчаяния:

«Когда есть картинки — они очень примитивные… Примитивные. Означает ли это, что они и должны восприниматься как примитив? Наскальные рисунки? Индейцы?.. Иероглифы! Может быть, разгадка здесь? Если так, то рисунки — это идеограммы. Они действительно напоминают египетские идеографы, особенно последняя пара символов… Ну и что, что? Что означают эти чертовы штучки? Точнее, я знаю, что они означают — воду, рыбу, но какой в них смысл?»

Восьмой вечер: среда, 1 января 1930 года

Глава Десятая, в которой Джон получает в подарок голову, Эллери гоняется за призраком, а инспектор Куин является с новогодним визитом в неурочный час

Нельзя сказать, чтобы мистер Куин встретил первый день нового года с надеждой. Во-первых, когда он открыл глаза, было пять минут второго пополудни. Во-вторых, когда он нетвердым шагом подошел к окну посмотреть на сияющий новый мир, то увидел, что мир этот однородно сер, и в нем столь же рассеян густой туман, как и в голове мистера Куина. Воздух был пропитан сыростью, и все совершенно однозначно сулило в этот день дождь. «Гоните звоном ложь, зовите звоном правду», — писал Лорд Теннисон, но Эллери сомневался, что колокола, гудевшие в его черепе, возвещали наступление подобной эры.

Подтаявший снег походил на саван.

Когда он крадучись спустился вниз, то обнаружил еще один повод для депрессии. Эллен ждала его, вооружившись таблеткой аспирина,

томатным соком, приправленным вустерским соусом, и полным кофейником. Это-то было как раз хорошо, а вот румянец на щеках Эллен и блеск в глазах — это совсем нехорошо. Ну совсем. Он очень постарался вспомнить, что произошло в темной нише после поцелуя, но вся ночь была как бы поглощена туманом. Сегодня Эллен льнула к нему. Как будто…

Эллери вздрогнул и единым духом выпил вторую чашку кофе.

— Ах, бедняжка! — промурлыкала Эллен. Она повела его в гостиную и поддерживала так, что он еле справился с охватившей его паникой.

Гостиная была усеяна телами уцелевших, которые с отрешенным видом пытались читать газеты. Эллери целеустремленно потянулся за свободной газетой, надеясь, что та очаровательная бацилла, носителем которой он стал, поймет наконец его желание страдать в одиночестве. Да как бы не так! Прижавшись к нему, Эллен направляла его к некоему предмету обстановки, в котором он с содроганием узнал кресло на двоих, иначе именуемое «креслом любви». Они уселись в него, так и не расцепившись.

— Читай свою газету, милый, — тихо шепнула ему на ухо бацилла. — А я просто посижу… и

посмотрю на тебя.

Он читал с остервенением. Во время новогодних увеселений полиция Нью-Йорка провела 19 «алкогольных» рейдов. Мэр Джимми Уокер был приведен к присяге на второй срок своего развеселого пребывания в должности. Генерал Смутс из Южной Африки нанес первый визит в Соединенные Штаты и сообщил репортерам, что ужасы современной войны неизбежно поставят ее вне закона… Он все читал и читал, ничего не видя.

Избавление ему принесло возвращение Расти и Джона с прогулки. Эллери вскочил и поспешно сказал:

— Извините, Эллен, я давно хотел переговорить с Джоном. До скорого.

И убежал.

— Аве, Цезарь! — приветствовала его Расти. — А вы счастливчик.

— Что? — тупо спросил Эллери.

— Эллен — симпатичная девушка.

— Да. Вот. Доброго вам утречка. Как головушка?

— Смотря чья, — сказала Расти.

— Моя пока при мне, — Джон ухмыльнулся. — Хотя сегодня утром одно мгновение казалось, что она на плечах не удержится.

— У тебя по крайней мере есть оправдание.

— Есть что? — спросил Джон.

— Я имею в виду «Неприятный инцидент на конюшне», — глухо сказал Эллери.

— На чем?

— Да эта вчерашняя история в стойле, Джон. Большая любовная сцена.

Джон ухмыльнулся.

— И кто же был этот счастливец?

— О-о? — Эллери посмотрел на Расти.

Сегодня она была бледна.

— Это не имеет никакого значения, Эллери. В любом случае, это было глупо. Лучше всего забыть эту историю.

— Что забыть, ради всего святого? — настойчиво спросил Джон.

Эллери посмотрел на него. Он уже приготовился что-то сказать, но тут в комнату вплыла Валентина, похожая на леди Макбет. Расти еле слышно сказала:

— Простите, Эллери, нам безумно хочется кофе.

И уволокла Джона в столовую.

Тут Эллери, конечно, мог бы мрачно улыбнуться, да только сама мысль об этом заставила его сморщиться.

К счастью, И-эй-эф передавала игру на Кубок Роуза. Все слушали репортаж Грега Мак-Нами о победе Южной Калифорнии над Питтсбургом со счетом 47: 14. Тут же возник спор, что по интриге эта игра и сравниться не может с прошлогодним матчем на Кубок Роуза, когда Рой Ригельс — центр защиты калифорнийцев и их новый капитан, перехватив мяч после неудачного паса «политехников» из Джорджии, непостижимым образом влетел с ним за линию собственных ворот и тем самым принес победу соперникам-южанам со счетом 8:7. Так они скоротали остаток дня, а когда был съеден ужин, приготовленный миссис Янссен, был уже глубокий вечер.

Эллен все еще льнула к Эллери.

— Интересно, кто сегодня найдет подарочек, — сказала она по пути в гостиную.

Мариус, шедший следом, сказал: «Не все ли равно?» — и протиснулся вперед. Они увидели, как в музыкальной комнате зажегся свет, и услышали, как Мариус поднимает крышку рояля. Крышка тут же захлопнулась, а Мариус выбежал, угрожающе размахивая маленьким свертком в красно-зеленой фольге, с золоченой лентой и биркой в виде Санта-Клауса.

— В рояле, ей-Богу! — вопил Мариус.

Эллери взял у него сверток. На бирке была знакомая надпись:

«Джону Себастиану».

— Не открывай! — сердито рявкнул Джон. — Не желаю я этого видеть!

— Джон.

Расти быстро подошла к нему. Она усадила его в кресло и погладила по голове как ребенка.

— Машинка та же, — сказал Эллери. Затем пожал плечами и сорвал с пакета обертку.

На белой карточке, лежавшей в коробке, было напечатано:

В восьмой Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
Голову с г л а з к о м закрытым —
Знак, что быть тебе убитым,
Наглухо закрытый рот —
Что, брат, жуть тебя берет?

Джон сполз на самый кончик кресла и сидел в оцепенении.

Эллери снял красную обертку с предмета, находящегося в коробке. Это была голова тряпичной куклы, явно откромсанная ножницами. Лицо куклы было замазано белилами, а поверх них

были черным нарисованы две черточки: сверху и слева — единственный закрытый глаз, а по центру и ниже — короткая горизонтальная линия, должная, очевидно, изображать закрытый рот.

Эллери перевел взгляд с кукольной головы на обратную сторону карточки, но там было пусто.

Потом Джон произнес:

— «Знак, что быть тебе убитым», — и вскочил с кресла. Расти прикрыла рот пальцами.

— Вот что! — сказал Джон. — Я больше не могу считать это идиотской шуткой, или выходками безумца, пли чем-то там еще, черт возьми! Я не могу больше вместе с вами притворяться, что это у нас праздничный сбор близких людей, выполнять светский ритуал, есть, болтать, играть в карты, слушать радио, спать... будто ничего из ряда вон выходящего не происходит. Хватит. Я сыт по горло. Кто меня преследует? Чего вам надо? В чем я провинился?

И это вплотную приблизило Эллери к той глухой стене, которая изначально преграждала ему путь. Хоть он теперь и знал о Джоне то, что знал, было все же совершенно невероятно, чтобы это был спектакль, игра на публику. Джон действительно боялся. Он почти обезумел от страха. Он не мог сам себе подбрасывать подарки. Он о них

ничего не знал.

Джон выбежал. Они услышали стук его ботинок на лестнице, слышали, как он распахнул дверь, захлопнул ее… запер.

Все поодиночке встали с кресел, пробурчали или пролепетали что-то и потащились наверх, искать безопасности в собственных спальнях. Ключи, поворачивающиеся в замках, звучали зловещим грохотом мушкетов.

Когда Эллери закончил писать в дневнике, он посмотрел на часы и увидел, что было лишь немногим более половины одиннадцатого. В доме было тихо, словно в четыре утра.

Отчасти вопреки природе, несмотря на «новогоднюю» голову, ему совсем не хотелось спать. Он принялся расхаживать по комнате.

Никогда в жизни ему так не хотелось решить задачу. Это не имело никакой связи с убийством. Маленький старик на ковре в библиотеке казался далеким-далеким. В любом случае это было отклонение в сторону объяснимого. Рано или поздно загадочная жертва будет опознана. И рано или поздно его опознание даст ответ на вопрос, кто воткнул этрусский клинок ему в спину.

Но эти коробки с их невероятным содержимым! Это была загадка для дураков… или безумцев…

или таких, как он, рожденных с глистом любопытства, заставляющим постоянно жаждать разгадок. Именно эта жажда и привела его к оркестровой яме Римского театра в запутанном деле Монте Филда. Или же то была счастливая случайность… «Римская» свеча, — подумал он с иронией, — на мгновение рассыпавшаяся яркими огнями и угасшая навсегда?»

Он отказывался в это верить.

«Здесь есть ответ, — подумал он, — что-то объединяет эти предметы. И несомненно, что-то совсем простое. Остается только что-то найти».

Он сел и обхватил голову руками.

Пока что восемь коробочек за восемь вечеров. Остается, стало быть, четыре, если в этом вообще есть какая-то логика. Восемь коробочек, содержащих тринадцать предметов. Четырнадцать, если считать ладонь, на которой «место отмечено крестом» — ладонь отдельно от руки, частью которой она в действительности является. Но тот, кто писал на машинке, выделил слово «ладонь», напечатав его вразрядку… Тогда, допустим, четырнадцать. Восемь — четырнадцать. Есть ли тут математическая связь? Если и есть, то она непонятнее египетских иероглифов до того, как Шампольон расшифровал их. Иероглифы!

Эллери встрепенулся. Но затем снова откинулся и закрыл глаза.

Предположим, что число — 14… Вол. Дом. Верблюд. Дверь. Окно. Гвоздь. Рука. Ладонь. Вода. Рыба. Глаз — закрытый глаз. Рот — закрытый рот. «Ничего не вижу, ничего не скажу»? Тогда не хватает уха. Или ухо еще будет?

Три — это животные, если рыбу считать вместе с волом и верблюдом. Пять имеют отношение к дому. Четыре — это части тела, конкретнее человеческого тела. Остаются хлыст и вода, которые ни с чем не сочетаются. Животные, дом, части тела, вода и хлыст.

Он пробовал различные сочетания. Вол и хлыст соотносятся друг с другом. Но что дальше? Ничего. Верблюд… «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Это может относиться к Джону, который скоро будет достаточно богат. Предупреждение? «Пойди, продай имение твое и раздай нищим…» Тогда почему бы так прямо и не сказать? Дом, окно? «Те, кто живет в домах из стекла…» Это было интересно, тут открывались кое-какие возможности. Тайна в прошлом Джона? «Не тронь меня — не трону тебя»?.. Гвоздь? «Потому что в кузнице не было гвоздя…»

Через некоторое время Эллери сдался. Это была задачка для Эйнштейна — Альберта или Иззи — оба имели дело с опасным материалом.

Он посмотрел на кровать — она его не манила.

«Почитаю немного, — подумал он, — возьму в библиотеке книжечку и почитаю вместо снотворного».

Он так и не раздевался, поэтому сразу поднялся, вышел в темный коридор и потихоньку спустился вниз. В гостиной было темно, только в камине тлели угольки. Он включил фонарик — и тут нее выключил. В библиотеке горел свет. Фелтон забыл выключить? Или?..

Эллери напрягся всей кожей. Он неслышно пересек гостиную.

В библиотеке кто-то был: неподвижная фигура в кожаном кресле. Из-под халата высовывались обмякшие ноги, а пугающе вялая рука свисала с ручки кресла.

Эллери пригляделся.

Это был Джон.

Джон сидел под торшером, как если бы… «Знак, что быть тебе убитым».

Эллери одним прыжком влетел в библиотеку и замер. От облегчения он чуть не вскрикнул. На коленях у Джона лежала книга; он дышал

медленно и ровно. Вероятнее всего, не находя покоя, он решил испробовать то же средство, что и Эллери. Спустился взять что-нибудь почитать, да так и заснул за книгой.

Желая растрясти Джона, Эллери наклонился. Затем, удерживаемый какой-то робостью, которой он даже не пытался найти объяснение, Эллери выпрямился, не дотронувшись до спящего, и на цыпочках пошел к ближайшей полке. На ней было несколько новых, недавно вышедших книг; одна из них называлась «О, как богоподобен», автором ее был некий Рекс Стаут, и вышла она в издательстве «Авангард». Это был первый роман этого автора, и Эллери вспомнил, что в рецензии в «Нью-Йорк геральд трибюн» говорилось нечто вроде того, что книга «прокладывает прямые и глубокие борозды в том черноземе, где застолбили свои участки Габриеле Д'Аннуцио и Д. Г. Лоуренс». Эллери решил запяться этой новейшей звездой литературного небосклона. Он снял книгу Стаута с полки и тихо вышел.

После света в библиотеке темнота гостиной была особенно глубока, и ему потребовалось некоторое время, чтобы ощупью пробраться в холл. Здесь ему помог свет с площадки второго этажа, и он легко взбежал по ступенькам с книгой

под мышкой. Дойдя до площадки, он свернул в коридор — и замер.

По коридору, направляясь к своей спальне, шел Джон.

Ошибки быть не могло, хотя он был виден со спины и в слабом свете. Это был Джон, и он не обгонял Эллери на лестнице и все же — снова! — первым оказался на втором этаже.

Эллери резко окликнул:

— Джон!

Джон не повернулся. Джон не остановился. Едва заслышав голос Эллери, Джон бросился бежать.

— Ладно же, братец, — мрачно сказал Эллери и тоже побежал.

Джон пробежал мимо своей спальни, рванулся к концу коридора, свернул направо и исчез.

Эллери пригнул голову и ускорил бег.

Последовавшая погоня оказалась делом, во всех отношениях болезненным. Она проходила по нежилой части дома в адской тьме, по необитаемым, но захламленным комнатам, в полной тишине, если не считать стука подошв и эпизодических соприкосновений мебели с различными частями тела Куина. Про фонарик он вспомнил лишь тогда, когда на нем уже живого места не осталось, он потерял след и преисполнился пре-

зрения к самому себе.

Эллери устремился вниз, уже без особой на то надобности светя фонариком. В библиотеке было темно. Он зажег свет. Кресло пустовало.

Эллери взбежал наверх и, нимало не колеблясь, открыл дверь спальни Джона и вошел.

Там стоял голый Джон и просовывал ногу в штанину пижамы.

Они уставились друг на друга.

— Ба, да это ж любезный соседушка! — сказал Джон, завершая движение. — Мне следовало бы снова запереть дверь. Ну а сейчас что за спешка?

— Я думал, ты уже спишь.

— Так и быть, во всем признаюсь. Я лег, но заснуть не мог. Спустился в библиотеку и немного почитал. Так я задремал и только что проснулся. Так отчего ты пыхтишь?

— Кто это пыхтит? — Эллери усмехнулся и возвратился к себе в комнату, оставив Джона одной ногой в пижаме и с гримасой недовольства на лице.

По правде говоря, Эллери и впрямь пыхтел как пума. «И по правде же говоря, — подумал Эллери, все еще ухмыляясь, — у Джона-то дыхание легкое, как у младенца, насосавшегося материнского молока».

Раздался вкрадчивый стук в дверь, и Эллери, просунув руку обратно в рукав пиджака, сказал:

— Да?

— Это я. Откройте, мистер Куин.

Эллери открыл дверь.

— Я думал, вы давно ушли, сержант.

Сержант Девоу понизил голос:

— Хорошо, что вы еще не разделись. Идемте.

— Куда?

— На улицу. К вам гости.

— Гости?

— Они считают, что лучше им в дом не заходить. Они ждут в машине.

— Сержант, кто ждет? В какой машине?

Сержант, однако, уже шагал по холлу. Эллери закрыл за собой дверь и в недоумении проследовал за ним.

Девоу и его сменщик, молодой полицейский по фамилии Кукси, о чем-то вполголоса совещались на крыльце, не обращая внимания на подъездной путь.

Эллери, напрягая зрение, сошел с крыльца. Автомобиль, мощный седан, стоял в темноте с выключенными фарами и мотором.

— Да? Кто здесь? — спросил он.

Скрипучий голос произнес:

— С Новым годом!

А бас добавил:

— Вот именно!

— Папа! Вели! — Эллери подбежал, рванул на себя заднюю дверь патрульной машины и проскользнул внутрь.

— Что вы тут делаете, ночью, в такое время?

— По сторонам глазеем, — сказал инспектор Куин. — А Вели приехал, потому что убежден, что мне нельзя доверить управление автомобилем.

— Нельзя, — лаконично подтвердил сержант Вели.

— В полночь, — сказал Эллери. — На дороге.

— Не хотелось конфузить тебя перед твоими шикарными друзьями.

— М-да, притончик капитальный, судя по той части, которую отсюда видно, — сказал сержант. — Как поживает вторая часть, маэстро?

— Кончай валять дурака, — сказал Эллери. — Кстати, и вас с Новым годом. Что же вы узнали о рождении Джона Себастиана?

— Так, Томас, — сказал инспектор. — Доллар с тебя. Раскошеливайся.

— Подождите минуточку, — заворчал сержант. — Как только вы меня втравили в это пари, я понял, что это пари на простачка.

Послышался звон монет, какой-то шелест, а потом инспектор сказал:

— Раз уж ты все это раскопал, Вели, тебе и говорить.

— В общем, прошелся я вокруг Маунт-Кидрон и Ри, — начал сержант Вели, — и так, по мелочам, да кое-что сложив в уме, собрал по кусочкам всю эту историю. Авария произошла во время пурги, на Бостонском почтовом тракте, в ночь на шестое января девятьсот пятого года, прямо рядом с домом местного врача по фамилии Холл. Корнелиус Ф. 'Холл. Была еще миссис Холл, жена дока.

— Минутку, — сказал Эллери. — Этот доктор Холл с женой. Сколько они прожили в Маунт-Кидрон? Откуда появились?

— Сведений нет, — сказал сержант. — На Холла у меня есть только то, что клиентура у него была небогатая и они с женой еле сводили концы с концами. Во всяком случае, Себастиан, который вроде бы, как тогда казалось, сильно не пострадал, хоть и умер через неделю от травм головы, полученных во время аварии, кое-как дотащил миссис Себастиан до дома Холла, и доктор Холл начал над ней работать. Она была на восьмом месяце или около того, и от аварии начались схватки. Она родила в ту же ночь. Шестого янва-

ря — было уже за полночь.

— А сейчас, — сказал инспектор Куин, — приготовься к сюрпризу.

— Я буду удивлен, если вы меня удивите, — сказал Эллери. — Знаю я ваш сюрприз. В первую очередь я именно из-за этого и попросил вас покопаться в этом деле. Джон не был единственным ребенком Себастиана, родившимся в ту ночь, верно? Миссис Себастиан родила двойню, верно? Двух совершенно одинаковых мальчиков-близнецов?

— Вы только послушайте, — с отвращением сказал сержант Вели. — Если вы, маэстро, уже все знали, так какого черта заставили меня носиться по всему Вестчестерскому округу?

— Я не знал, Вели. Это была всего лишь гипотеза. Наблюдая некоторые странности в событиях и поведении кое-кого, я применил Закон Куина о Перемещении Материальных Тел, который гласит, что даже поэт не может находиться в двух местах одновременно. Далее, существует Закон о Сомнительных Амнезиях, в котором выводится, что когда молодой человек утрачивает память относительно конкретного события, происшедшего всего день назад, при этом помня все остальные события того же дня — причем происходит это

в двух отдельных случаях, — тогда, сержант, получается, что никакой амнезии нет и следует считать, что событие произошло с кем-то другим. И, кстати, все это подтверждается Законом Куина о Поднятой Брови. Согласно этому бесценному закону, когда у человека висят в шкафах и лежат в комодах точные копии всего того, что он носит, начиная с бургундской шляпы с бантом позади и кончая парой гетр с жемчужными пуговицами, а человек приписывает это странное обстоятельство тому, что у него «пунктик насчет одежды» — потому-де он и покупает все в двойном размере, — так вот, согласно этому закону, как я уже сказал, бровь поднимается в изумлении и остается в таком положении.

— О чем это он говорит, инспектор? — спросил сержант.

— Чтоб я знал, — сказал инспектор. — Хотя из всего этого сотрясения воздуха доносится до меня легкий сквознячок, что сюрприз тебя все-таки ждет.

— Что? — спросил Эллери.

— Давай-ка еще немного помистифицируем нашего гения, Вели. Сначала выложи ему все по порядку.

— Есть, сэр! — сказал Вели, причмокнув губами,

похожими на китовые. — Видите ли, маэстро, когда я узнал, что в ту же ночь родился второй ребенок, я сказал себе: «Что же случилось с этим вторым малышом?» Логичный вопрос, не правда ли?

— Разумеется, — сварливо ответил Эллери. — Логичный ответ на который будет такой: поскольку о рождении второго сына не было объявлено и Джон Себастиан-старший, очевидно, так и не признал его существования, то вышеназванный второй сын должен был воспитываться посторонними, вероятно, под другим именем и скорее всего даже не зная о своем происхождении, по крайней мере, в течение многих лет. Много об этом втором сыне мы, возможно, так и не узнаем — особенно причину, по которой его отец отказался признать его, — но вы подтвердили то, что я логически вывел, а это все, что меня в данный момент интересует. У Джона есть близнец, и есть уже без пяти дней двадцать пять лет.

— Это все, мистер Куин? — спросил его отец.

— Естественно. А что еще?

— Да так, маленькая деталь, — тихо сказал инспектор. — Поведай-ка ему, Вели.

Сержант Вели усмехнулся.

— Близнец умер двадцатого января девятьсот

пятого года в возрасте двух недель.

— Нет! — воскликнул Эллери.

— Да, — сказал сержант Вели.

— Невозможно!

— Маэстро, я могу вам доказать это как дважды два.

— Вы ошиблись!

— Разве хорошо так говорить? — прорычал сержант. — За такие шуточки кой-кому зубы в глотку вколачивают. Если я говорю, что этот малыш-близнец умер в возрасте двух недель, это, братец, означает, что он умер. Понял?

— Но как вы можете быть уверены? — в бешенстве возразил Эллери. — Это было бы… было бы просто невыносимо! Да Вселенная бы перевернулась! Предъявите ваши так называемые доказательства, и я гарантирую, что без единого звука пробью в них сорок две дырки.

— Ах, так? Да, действительно, лет девять назад муниципалитет Маунт-Кидрон сгорел дотла, со всеми документами, так что никаких официальных записей о рождении ребенка я найти не мог, но…

— Ага! — сказал Эллери. — И ого!

— Но, — невозмутимо продолжил сержант Вели, — у меня есть живые свидетели. И они

утверждают, что те, кто принял опеку над вторым сыном Джона Себастиана-старшего, после того, как первого сына — твоего Джона — отвезли в Ри, были Холлы. Вот именно — врач, принимавший роды, и его жена. Но все дело в том, что они состояли при нем всего две недели. Потом он заболел пневмонией и умер. Холл вызвал другого врача из Маунт-Кидрон, который там до сих пор практикует, некоего доктора Гарольда Дж. Мартина. Доктор Мартин помнит, как составлял свидетельство о смерти. У меня есть его письменные показания. Мартин также помнит, что Холл, убедившись, что ребенок мертв, рассказал ему все: о том, как двумя неделями ранее ребенок родился в его доме сразу же после первого — ребенок миссис и мистера Себастиана, — а этот Себастиан отдал ему ребенка, потому что во время вторых родов жена умерла, и он посчитал виновником смерти второго ребенка, или еще по какому-то идиотскому поводу. В общем, он не пожелал признать ребенка. Должно быть, он повредился умом после аварии.

— Так что даже это имеет объяснение, — сказал инспектор Куин.

— Это номер первый, — с удовлетворением сказал сержант. — Номер второй: я нашел гро-

бовщика, который похоронил малыша у Холлов. Холл рассказал ему то же самое. Номер третий: священник, который читал заупокойную службу над гробом, все еще живет и здравствует в Маунт-Кидрон, в отставке. Он свел меня в церковь и раскопал для меня церковные архивы, и там было черным по белому написано: «Второй сын Себастиана, в возрасте двух недель, умер 20 января 1905 года». Зная своего клиента, я сиял фотокопию. Хотите взглянуть?

— Я ничего не понимаю, — слабым голосом сказал Эллери.

— И номер четвертый, — сказал его отец. — Вели нашел могилку ребенка на маунт-кидронском кладбище. Недорогой и небольшой камень, а на нем надпись: «Себастиан-Холл, 5 января 1905 — 20 января 1905. Да почиет в мире!» Мы могли бы получить ордер на эксгумацию, но не знаю, что бы это нам дало, кроме того, что мы установили бы, что в могиле кости двухнедельного ребенка. У нас полно письменных показаний, чтобы однозначно установить, что близнец родился и спустя две недели умер. Что-то вид у тебя неважный. Что, очень плохие новости?

— Хуже некуда, — простонал Эллери. — Это… Это просто бред какой-то. Этого не может быть…

Холлы, сержант — что стало с Холлами?

— Примерно в середине девятьсот шестого они собрали вещички, и больше никто их в Маунт-Кидрон не видел и не слышал. Я никого не мог найти, кто знал бы, куда они уехали. Никаких записей о подобном переезде нет ни у одной из местных транспортных компаний. Вероятно, они наняли фургон из другого города.

Эллери молчал. Потом сказал:

— Спасибо большое, Вели.

— Хочешь об этом поговорить? — сердобольно спросил отец.

— Мне и слов-то не подобрать. Во всем этом безумном деле был один момент, на который, казалось, у меня был ответ. Теперь же… — Эллери вновь замолчал. Затем произнес: — Ладно, это мои проблемы. Спасибо, папа. Вели, поедете обратно — не гоните. Спокойной ночи.

Он выбрался из патрульной машины и, пошатываясь, как старик, пошел к крыльцу.

Девятый вечер: четверг, 2 января 1930 года

Глава Одиннадцатая, в которой тайна Джона Себастиана становится еще таинственней, мистер Куин впадает в отчаяние, а в зверинце появляется еще один обитатель

Дела молодых людей нередко волнообразны, и случается так, что при отливе отчетливо проступают глупости. Не будет преувеличением сказать, что, когда Эллери метался в постели всю бесконечную ночь, включая и дождливые, серые рассветные часы, мысли его не были преисполнены мудрости. В дальнейшем ему суждено было столкнуться со множеством трудностей и успешно их преодолеть, но тогда он был молод, и Дело о Загадочных Рождественских Подарках было только вторым его расследованием — и даже первым, которое он вел в одиночку, — и ему казалось, что наступил конец света. Должно быть два Джона Себастиана, все доводы логики однозначно требовали, чтобы было два Джона Себастиана; разумом он уже установил, что есть два Джона Себастиана; и вот теперь оказывается,

что в конце концов есть все же только один Джон Себастиан. Если Джон Себастиан Второй и существовал, то лишь как херувим на небесах и скелет двухнедельного младенца, захороненного почти двадцать пять лет назад, на земле. Это тоже были факты. Когда факт в лоб сталкивается с фактом, что получается? Хаос.

Отсюда отчаяние молодого мистера Куина. В отчаянии его посетило множество глупейших мыслей, о которых двадцать пять лет спустя ему суждено было вспоминать с краской стыда.

В полдень он выкарабкался из постели, горестно мечтая о том, чтобы ничего не знать о преступлении, Джоне Себастиане и, если уж на то пошло, Рождестве.

Спустившись, он застал лейтенанта Луриа на шканцах, подавляющего мятеж на корабле. Мистер Пейн, адвокат, с волнением в медоточивом голосе говорил, что уже второе января, а у него много важных неотложных дел, и он желал бы как можно скорее вернуться в город. Луриа отвечал, что, к его величайшему сожалению, это невозможно. Доктор Дарк с жаром доказывал, что он должен немедленно вернуться к своей врачебной практике, что он обещал отпустить заменяющих его коллег и что лейтенант Луриа

должен внять голосу рассудка. Лейтенант Луриа сказал, что выполняет свою работу так, как считает нужным, и что не следует усложнять все дело — ни для него, ни для самих себя. Мистер Фримен, книгоиздатель, Мариус Карло, беглец из оркестра профессора Дамроша, мисс Валентина Уоррен из театра, мисс Эллен Крейг из Уэлсли — все выдвигали свои аргументы с разной степенью взволнованности и эмоциональности; и все получали жесткий отказ от лейтенанта Луриа. Он заявил, что труп еще не опознан, и что теперь зона поиска расширена до пределов всех континентальных Соединенных Штатов, и что ему очень не хотелось бы оформлять общий ордер на задержание их всех в качестве первостепенных свидетелей убийства, но что он вынужден будет поступить именно так, леди и джентльмены, если его к этому принудят. В ответ на это из уст мистера Пейна высыпалась целая тирада юридических терминов, которые изрядно подействовали лейтенанту на нервы. И все совещание развалилось на обрывки возбужденных разговоров, и, наконец, когда осел весь мусор, оказалось, что лейтенант Луриа ушел, а все прочие участники так и остались, где были.

Обед прошел в обстановке всеобщей окамене-

лости. Были начисто отброшены все претензии на светскость. Расти и Джон опять, по всей видимости, были в размолвке, и из тех неприязненных взглядов, которые Расти бросала на Валентину, из ярости, пылавшей во взоре Джона, направленном на Мариуса, Эллери заключил, что деликатные проблемы «четырехугольника» еще весьма далеки от разрешения. После обеда Дэн З. Фримен удалился в уголок, как белка с орехом, и откровенно погрузился в чтение рукописи, присланной ему из города с нарочным. Оливетт Браун, бормоча что-то как ведьма, склонилась над астрологической картой. Роланд Пейн, подобно тигру в клетке, расхаживал взад-вперед. Доктор Дарк и Артур Крейг, усевшиеся за безик на две руки, остервенело шлепали картами. Достопочтенный мистер Гардинер, обойдя весь этаж с безутешным видом, промямлил что-то о головной боли и малодушно ретировался в свою комнату. Эллен предложила Эллери прогуляться с ней под дождем, получила в ответ бессмысленный взгляд и удалилась, обиженная до глубины души.

Под конец Эллери последовал примеру священнослужителя, отправился наверх, запер дверь и погрузился в глубокое кресло. Но не затем, чтобы подремать. Вместо этого он обхватил виски и

думал, думал, думал.

Эллери вздрогнул и очнулся. В комнате был полумрак. Он чувствовал себя замерзшим, все члены его онемели. Он додумался до того, что впал в нечто вроде комы. Ему показалось, что он должен быть благодарен голосам… Голосам! Он резко встряхнулся. Именно голоса вернули его в ужасный мир действительности. Они явно исходили из соседней комнаты.

«В том-то и беда этих старых домов, — подумал Эллери, — у них стены временем подточены. Стоит только чихнуть — или что похуже — и во всем доме об этом уже известно».

Мужские голоса. У кого соседняя спальня?

У Пейна.

Пейн!

Эллери вскочил на ноги, дотянулся до стула, бесшумно поставил его рядом с дверью, соединяющей обе комнаты, встал на стул, помолился про себя, чтобы петли не скрипели, и быстрыми пальцами опустил фрамугу. Скрип был душераздирающий. Но говорящие явно его не слышали, так как были слишком поглощены беседой.

Голос Пейна.

И Джона Себастиана.

Эллери подслушивал без зазрения совести.

— Ты, мерзкий щенок! — говорил Роланд Пейн. — Совести у тебя не больше, чем у прихлебателя партийного босса. Пытаться меня шантажировать!

— Как вы меня ни обзывайте, Пейн, ничего вам это не даст, — произнес голос Джона. — Суть в том, что я, извините за выражение, поймал вас со спущенными штанами. Адрес мне известен, имя малышки — тоже. Она ведь всего-навсего проститутка, а вы — один из любимых ее клиентов.

— Докажи, — кратко ответил Пейн.

— Вот это мне нравится. Юридический ум. Сразу улавливаете суть вопроса. Желаете доказательств? Пожалуйста.

— Что это? — Адвокат задыхался от волнения.

— Фотокопии из маленькой красной книжечки. Доллин «календарь высшего света», сливки ее клиентуры. Даты, имена, гонорары за сеанс. И даже занятные комментарии. Вот, вроде такого: «Этот Ролли Пейн — вот уж атлет. Уж не считает ли он, что я ему гарем в одном лице?»

— Хватит, — хрипло произнес голос Пейна. — Где ты это взял?

— У Долли, — ответил голос Джона. — Я купил. Оригинал то есть. Не беспокойтесь, «Ролли», он заперт у меня в надежном месте. Я не хочу, чтобы

фотографии этого дневничка заблистали во всех нью-йоркских газетах. Представляете, что бы с этим сделал «Грэфик»? Возможно, там состряпали бы один из своих знаменитых коллажей — вы с Долли в пикантный момент. Боюсь, что это навсегда распугало бы вашу респектабельную клиентуру.

Пейн молчал. Потом его голос ответил:

— Ладно. Сколько?

— Денег? Ни цента.

— Не понимаю?

Джон рассмеялся.

— Не хлебом единым жив человек. У меня и так целая пекарня. — Он резко сменил тон. — У вас есть сын, Пейн. Его зовут Уэнделл Пейн, он — краса и гордость английского отделения в Принстоне и считается восходящей звездой в области поэтической критики. Одно слово молодого профессора Пейна…

— Ты, — с удивлением произнес Роланд Пейн, — просто маньяк, и я в этом убежден абсолютно. Ты всерьез предлагаешь мне повлиять на сына, чтобы он написал положительную рецензию на твою пачкотню?

— Не просто положительную, мистер Пейн. Восторженную.

— Очевидно, копаясь в моей частной жизни, ты упустил из виду характер моего сына. Для Уэнделла так же невозможно написать нечестный отзыв, как взломать сейф принстонского казначея. Он просто не станет этого делать.

— Даже ради того, чтобы спасти отца от позора? Знаете, мистер Пейн, если эту маленькую красную книжечку опубликовать, вас могут исключить из корпорации.

— Об этом не может быть и речи! Я не могу его просить!

— Это ваша проблема, не так ли? — Эллери услышал скрип дверной ручки. — Подумайте, еще есть время. По моему предложению Дэн Фримен пошлет экземпляр моей книги вашему сыну на рецензию с запиской от себя. Я даю вам время до выхода в свет следующего номера «Сатердей ревью», посвященного поэзии. Я буду ждать его с нетерпением. Договорились, мистер Пейн? Вы что-то хотели сказать?

До Эллери донесся изменившийся, прерываемый тяжким дыханием голос адвоката:

— Ничего. Ничего.

Эллери услышал, как дверь в комнате Пейна открылась и закрылась — и то, и другое очень тихо. Затем раздался тихий звук шагов Джона

Себастиана вниз по лестнице.

Он также услышал резкий металлический лязг, словно кто-то рухнул на кровать.

Эллери заметил, что весь трясется.

Это не был Джон. Это не мог быть Джон даже в худшем своем варианте. Тот Джон, которого знал Эллери, был не такой. Тот Джон, которого полюбила Расти Браун, был совсем не таким человеком.

И все же это был Джон. Это не мог быть никто другой.

Был. И не был.

Это было невыносимо.

И в этот вечер именно Роланд Пейн обнаружил девятый рождественский подарок. Он поднялся к себе сразу после ужина, сказав, что ему надо написать несколько писем. Он спустился через две минуты. Его красивое лицо было взволнованно, даже его седая шевелюра выражала негодование, а веселенький пакетик он нес так, словно подобрал его на китайском рисовом поле. Он бросил его на узкий стол, вытащил платок, нарочито обтер руки, после чего ушел обратно наверх, не проронив ни слова.

Так же безмолвно Эллери взял сверток.

«Джону Себастиану» было написано на карточ-

ке, изображающей Санта-Клауса.

На той же машинке.

В этот раз на белой карточке в коробке было четыре машинописных строки:

В девятый Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
О б е з ь я н у в твой зверинец —
И подсказка, и гостинец.

В красной оберточной бумаге находилась кокетливая, довольно симпатичная обезьянка, сделанная из материала, похожего на фетр. При других обстоятельствах она могла бы вызвать восторженный визг женщин и улыбки мужчин. Но сейчас все смотрели на нее так, будто у нее вот-вот вылезут рога и она начнет читать «Отче наш» наоборот.

Эллери перевернул карточку. Там было пусто.

— Есть предложения?

— Есть! — крикнул Джон. — Сжечь все это к чертовой матери!

Дэн Фримен хихикнул из своего угла.

— Есть такая старая еврейская пословица, которую я порекомендовал бы на этот случай, Джон. В буквальном переводе она означает: «По чужой заднице и шлепнуть приятно». — Он

встал, улыбаясь. — А знаете, мне все это начинает нравиться.

В эту ночь Эллери вышагивал по своей комнате с тем железным бешенством, с каким мерил шагами свою темницу в замке Иф Эдмон Дантес.

Снова животное. Вол. Верблюд. Рыба. А теперь еще и обезьяна. И в записке первый раз появилось слово «зверинец», как бы выделяя животных из числа прочих подарков.

Он сосредоточился на четырех дарах, связанных с животным миром.

Вол. Верблюд. Рыба. Обезьяна.

Непарнокопытное. Жвачное. Водное. Примат.

Рога. Горбы. Плавники. Руки.

Он раздраженно замотал головой.

Материалы, из которых они сделаны? Вол — дерево. Верблюд — металл и эмаль. Рыба — живая плоть. Обезьяна — ткань. Когда он обнаружил, что незаметно для себя прибавил к этому списку «Куин-пробка», он схватился за дневник и попытался отвлечься, записывая все происшедшее.

Но слово «подсказка» в сегодняшнем послании продолжало колотиться у него в голове. Это слово появилось там в первый раз. Как если бы автор обозлился на его тупость и кое-что пояснил…

«Мою тупость? — подумал Эллери. — Почему я

решил, что он подначивает именно меня? Подарки ведь адресованы Джону».

И все же у него было совершенно необъяснимое чувство, что мишенью для издевок в записочках был не Себастиан, а Куин.

Пятнадцать даров за девять вечеров.

«Подсказка».

Подсказка к чему? К чему?

Десятый вечер: пятница, 3 января 1930 года

Глава Двенадцатая, в которой бледный всадник падает вниз головой, у одноглазой куклы вырастает новый зуб, а вконец озадаченный сыщик впадает в полное ничтожество

В пятницу утром по дому разгуливал дух вражды. Едва ли хоть кто-то был сколько-нибудь любезен с кем-либо еще. Вчерашние замешательство и апатия претерпели химическое изменение: теперь все пылали гневом, едва притрагивались к пище, приготовленной миссис Янссен, расхаживали поодиночке либо сердитыми парами и всем своим видом однозначно давали понять, что самое большое их желание — выбраться отсюда побыстрее. У сержанта Девоу забот хватало.

Холодок между Расти и Джоном обозначился еще заметнее, а действия Валентины и Мариуса отнюдь не способствовали потеплению. Они перестреливались ехидными репликами, адресованными якобы друг другу, но каждая из пущенных стрел попадала в истинного адресата. Наконец эта перестрелка выгнала Джона из

дому.

Разъяренная Расти последовала за ним.

— Ты разве не понимаешь, что у этой парочки на уме? Милый, что с нами происходит? Нельзя же дать им все испортить. Джон, что на тебя нашло?

Но Джон седлал пегую кобылу, ничего не слыша.

— Не езди на лошади сегодня. Опасно ездить в такую слякоть.

— Ничего со мной не случится. Я просто хочу уединиться.

— От меня.

— Не от тебя, Расти. Мне надо побыть одному. Что с этой чертовой подпругой?

— Мне казалось, что смысл помолвки как раз в том, чтобы не чувствовать себя одиноким, — сказала Расти, понимая, что говорит чушь, но уже не в состоянии остановиться. — Или ты мне именно это хочешь внушить?

— Оставь, ради Бога! — Джон вскочил в седло, рывком развернул кобыле голову, согнулся вдвое и пришпорил лошадь. Та вылетела из конюшни как ракета.

Зажав рот рукой и пытаясь морганием загнать назад слезы бессилия, Расти смотрела, как он

галопом пронесся по раскисшему снегу и исчез в лесу.

Ее охватила паника.

Неловкими движениями она оседлала мерина и устремилась вслед за Джоном.

Тропинка в лесу превзошла ее наихудшие опасения. Полосы грязного снега чередовались с полосами льда в тех местах, куда не проникло солнце. Мерин ступал с чопорным видом, фырканьем выражая свое недовольство. Сердце Расти колотилось. Она пришпорила мерина, и он пошел рысью. Она смотрела вперед. Если Джон пытался проехать во весь опор по этой предательской тропке… Однажды лошадь поскользнулась и едва не сбросила ее, однако она упорно продолжала путь, в то же время пытаясь внушить себе, что кобыла крепче стоит на ногах, чем мерин, что Джон — наездник высокого класса…

Она нашла его за поворотом дорожки. Он вылетел из седла и лежал лицом вниз под елью, в глубоком снегу. Кобыла поскользнулась и упала — об этом свидетельствовала вмятина на снегу. Но, очевидно, с ней ничего не случилось, поскольку поблизости ее не было.

— Джон.

Он лежал недвижный и бледный. Расти со-

скочила с лошади и бросилась к нему. «Он не может умереть, — сказала она себе самой. — Не должен».

— Джон! — Она отчаянно тряхнула его. — О, слава Богу…

Он был жив, но без сознания.

— Милый, очнись! — Она поцеловала его, потрепала по щекам.

Джон не открывал глаза.

Чувство облегчения покинуло Расти.

«Ему плохо, — подумала она. — Очень плохо. Нельзя шевелить его, а то…»

Доктор Дарк!

Расти беззвучно помолилась, вскочила в седло, развернула мерина на узкой тропке и поскакала назад, к дому.

Происшествие с Джоном разрядило обстановку. Эллери вернулся из конюшни и застал его царственно возлегающим на диване. Все вокруг оживленно болтали. Расти гладила его по голове и улыбалась, а доктор Дарк в этот самый момент закрывал свой саквояж. Единственным признаком нездоровья был бинт на правой руке Джона.

— Больной будет жить, как я погляжу, — сказал Эллери.

— Ты хочешь сказать — идиот, — проворчал

Джон. — Я сам во всем виноват. К чему весь этот шум?

— Конечно, сам виноват, — сердито отозвался доктор Дарк. — Еще повезло, что отделался вывихом запястья.

— Сэм, ты уверен, что все кости целы? — взволнованно спросил Крейг. — А сотрясения нет?

— Я мог бы отвезти его в больницу, если это тебя успокоит, Артур, но в этом действительно нет никакой надобности.

— Конечно, нет, — сказал Джон. — Успокойся, Артур. Где ты был, Эллери? Я, конечно, не заслуживаю твоего сочувствия, но ты мог бы хоть подойти поинтересоваться, не сломал ли я шею.

— Тогда у меня возникло бы искушение самому сломать тебе шею. — Эллери набил трубку. — Просто мы с сержантом Девоу ходили искать кобылу.

— С ней все в порядке? — воскликнул Джон.

— Резва как пташка и полна сил. Мы нашли ее в стойле — она там сено уплетала. — Эллери задул спичку и осторожно положил ее в пепельницу. — Скажи мне, Джон, как это произошло?

— Я сильно гнал ее, она поскользнулась, и я перелетел через голову. Больше я ничего не помню, пока доктор Сэм не привел меня в чувство.

— На тропе ничего такого не случилось, чтобы она резко встала, испугалась?

— Нет. — Джон был озадачен. — Не помню такого. А что?

— Мистер Куин, — опекун Джона был явно встревожен. — Уж не предполагаете ли вы?..

— Я предполагаю, мистер Крейг, — сухо ответил Эллери, — что сейчас не время принимать происшествие с Джоном таким, каким оно кажется. Вот почему мы с Девоу осмотрели кобылу. На тот случай, если кто-то поработал с подковой. Рад сообщить, что это не так. Это и было маловероятно, поскольку никто не знал, что Джону придет в голову покататься на лошади сегодня утром и что он возьмет именно кобылу, а не мерина, на котором обычно ездит. Все же, принимая во внимание все происходящее, я ничего не могу исключить по причине маловероятности.

На общество опять набежала тень.

По настоянию доктора Дарка Джон провел весь оставшийся день лежа. Отказавшись лечь в постель, он до самого вечера занимал диван в гостиной и оказался как бы в центре всего, чем занимались гости.

Сегодня наконец вышел на поверхность предмет, занимавший их более всего. Они бесконечно

обсуждали, что кроется за подарками Джону. Эллери слушал молча, настороженно улавливая не столько содержание речей, сколько нюансы интонации. Но ничего существенного он распознать не сумел.

Весь день у него в голове вертелся вопрос: а что сегодня подарят?

Ответ на побочный вопрос — кто найдет подарок? — был для него предрешен. Если сохранится та же схема — а при всей ее бессмысленности последовательность в ней была, — подарок найдет Расти.

Тот, кто в любой данный день более всего вступал с Джоном в контакт, вечером того же дня находил подарок. Дела обстояли так, по крайней мере, с воскресенья, с пятого вечера. В этот день его самого, Эллери, Джон застиг врасплох в собственной спальне, и в тот же вечер он, Эллери, обнаружил подарок. В понедельник Джон имел разговор с Фрименом и шантажировал его; в понедельник вечером шестой подарок обнаружил Фримен. Во вторник Вэл Уоррен излила на Джона свою страсть в конюшне; во вторник вечером именно она нашла седьмой подарок. Среда была исключением: восьмой подарок обнаружил в рояле Мариус, хотя в этот день между ним и Джо-

ном не произошло ничего особенного. Но вчера, после откровенного вымогательства в комнате Роланда Пейна, девятый подарок обнаружил именно Пейн.

Эллери пожал плечами. Он не собирался придавать слишком много значения этим умозаключениям. Очевидно, здесь было не просто совпадение, но, с другой стороны, не мог же даритель предвидеть отдельные эпизоды каждого дня. Кто бы это ни был, он попросту использовал события по мере того, как они происходили. Когда собралось столько людей — и все ходят туда-сюда, входят и выходят в любые двери в любое время суток, — не так уж трудно все разузнать и быть в курсе происходящего. Эта фаза деятельности дарителя была заведомо лишь эпизодом, мерзкой частностью в той губительной игре, которую он вел. И Эллери все больше убеждался в том, что игра велась именно с ним, а не с Джоном или с кем-либо еще.

Эллери чувствовал, что куда более важным был вопрос: кто же мертвец и как он вписывается в остальные части этой головоломки? Как объяснить тот умопомрачительный факт, что у Джона не могло не быть двойника, притаившегося где-то в доме, — тогда как согласно сведениям сержанта

Вели брат-близнец несомненно умер в двухнедельном возрасте? И наконец — как всегда: в чем же смысл этих ежевечерних подарков?

Как и предвидел Эллери, десятый подарок нашла Расти. После обеда она побежала к себе в комнату за лишним одеялом, чтобы укутать Джона, а обратно прибежала бледнее самого одеяла, сжимая в руках еще одну из внушающих страх коробочек.

— Прямо на кровати! П-пожалуйста, кто-нибудь, возьмите.

По форме коробочка отличалась от всех предшествующих — она была квадратная и плоская, наподобие тех, в которых продают носовые платки в галантерейных магазинах.

Она и в другом отношении была уникальна: когда Эллери снял крышку, внутри он ничего, кроме белой карточки, не обнаружил.

— Нет подарка, — сказала Эллен, напряженно всматриваясь.

— М-да, перемены, — с заметным облегчением заметил Джон. — Может быть, даже тот кретин, который всю эту чепуху устроил, начинает понимать, что шуточка приелась.

— Я, Джон, в этом не уверен. — Эллери прочел вслух напечатанный на машинке текст:

В десятый Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
Г о л о в у — твою судьбу:
Скоро быть тебе в гробу, —
А на ней один з у б и щ е.
Шевели мозгами, сыщик.

Джону удалось ухмыльнуться.

— Трогательные чувства. Не надо трагизма, Расти. Я уже перестал расстраиваться из-за этого всего. К тому же терпеть не могу бездарные вирши.

Но эти его слова никого не ввели в заблуждение.

— Подарка-то нет, — визгливо сказала Оливетт Браун. — Должна сказать, это странно. Что бы это значило?

— Может, у него идеи кончились, — предположил доктор Дарк.

— Или не раздобыл подходящей головы, — сказал Мариус.

— Не нахожу это высказывание особенно удачным, Карло, — холодно заметил Пейн. — Как, впрочем, и вообще знакомство с вами.

— Успокойтесь оба, — сказала Валентина. — Эллери, как вы это понимаете? Почему сегодня

нет подарка?

— Подарок есть. — Эллери постучал по карточке — «Голову — твою судьбу». Была ведь уже такая голова, помните? «Знак, что быть тебе убитым»? С «глазком закрытым» и «наглухо закрытым ртом»?

— Тряпичная кукла на Новый год! — воскликнула Эллен.

Эллери кивнул. Он подошел к шкафчику, в котором хранил подарки. Он посмотрел на замок, кивнул еще раз и затем, даже не попытавшись вставить ключ, потянул за ручку. Дверца шкафчика открылась.

— Замок взломан, вероятно, вчера, поздно ночью. От него жди всяких неожиданностей, а?.. Да, вот она, — уже серьезно сказал Эллери, — хотя и в несколько измененном виде.

К закрытому глазу и тонкой линии, обозначающей рот, на белилах, покрывавших лицо куклы, добавилась третья линия. Это был коротенький вертикальный отрезок, чуть справа от центра «рта» и направленный кверху.

Хоть нарисовано было весьма приблизительно, смысл был совершенно ясен: это был зуб — зуб, обнажившийся в ухмылке зловещего рта под злобно-хитрым прищуренным глазом.

Пришлось помочь Джону добраться до постели.

Этой ночью в своей комнате молодой мистер Куин испил горькую чашу до дна. И дело было не в том, что текущий результат — семнадцать предметов за десять вечеров — в очередной раз оказался бессмыслицей.

На дне горькой чаши была издевка.

И не оставалось больше никаких сомнений, над кем издеваются. Объектом угроз может являться Джон Себастиан, но объект насмешек — несомненно, «сыщик».

«Он водит меня за нос, — в ярости думал Эллери, — и каждый вечер дергает за него. Мне же остается лишь терпеливо это сносить. Он меня знает, черт его дери! Он знает, что я не сдамся, что выдержу до конца. И ему совершенно безразлично, что у меня может выйти в итоге. Он подталкивает меня к выводу…»

На мгновение в мозгу Эллери вспыхнула странная мысль: «А ведь он намеренно подталкивает меня к некоему выводу». Но затем она как бы растворилась в более существенном вопросе: «А когда я приду к этому выводу, что тогда?»

Во всех неудачах этого вечера был только один светлый момент: чтобы взломать замок шкаф-

чика, надо было постоянно находиться в доме. Учитывая, что сержант Девоу дежурил весь день, а его сменщик — всю ночь, никому из посторонних этого не удалось бы сделать.

Но это было слабое утешение. Он и так давно знал, что посторонние здесь ни при чем.

До самого рассвета Эллери сидел, уставясь в темноту спальни, а потом уснул в полном изнеможении.

Одиннадцатый вечер. суббота, 4 января 1930 года

Глава Тринадцатая, в которой доктор Дарк даст Джону советы, не имеющие отношения к медицине, а с Крестным Знамением кукольный домик наконец достроен — или нет?

За ночь сильно похолодало, и это всех взбодрило. Даже Джон сумел пару раз улыбнуться по поводу того, что Расти за завтраком хлопотала над ним как наседка: ведь правая рука его hors de combat[Вышла из строя *(фр.).*], и он нуждался в посторонней помощи. Никто не упоминал вчерашний зловещий «зуб» и не делился соображениями о том, какой еще дьявольской выходки ждать сегодня. «Частично это улучшение общего настроения можно объяснить, — подумал Эллери, — тем предчувствием, что подарков осталось всего чуть-чуть». Это было утро одиннадцатого дня их «отдыха», и поскольку до конца оставалось всего тридцать шесть часов, всем казалось, что даже лейтенанта Луриа удастся урезонить.

— Если же нет, — мрачно сказал Роланд Пейн, — я немедленно начну давать юридиче-

ские консультации — бесплатно.

— По-моему, все не так уж плохо, — сказал Мариус Карло. — Из-за всего этого я пропущу еще одну трансляцию Дамроша сегодня вечером. — И он решительно предупредил, что предоставит право всякому, кто в девять вечера настроит приемник на И-эй-эф, выбирать оружие в воскресенье на рассвете.

Юмор был тяжеловат, но, как вполголоса заметил Дэну З. Фримену мистер Гардинер, в этой шутке было одно неоспоримое достоинство — ясность.

Итак, день начался хорошо, и, поскольку Валентина и Мариус согласились, судя по всему, убрать коготки, обстановка добросердечия обещала сохраниться. Эллен была столь воодушевлена, что, объединив усилия с миссис Янссен и Фелтоном, организовала жаркое по-венски. Обедали на свежем воздухе, на опушке в глубине леса, вокруг превосходного костра — обугливая сосиски, котлеты превращая в подошвы, под треск жарящегося лука, выуживая из углей полопавшиеся картофелины, квартами поглощая горчайший кофе, и вообще ужасно веселились.

Даже послеполуденный визит лейтенанта Лурия не испортил день. Лейтенант осведомился о

записках и подарках, но с таким видом, словно это не имело ровно никакого значения; затем не очень активно провел еще один раунд переговоров с каждым, а под конец объявил, что, если не случится ничего непредвиденного, собравшимся позволено будет разъехаться в понедельник или во вторник. Все закричали «ура!».

Эллери тихо сказал Луриа:

— Вы на что-то набрели?

Полицейский на долю секунды задумался, поднося спичку к сигарете.

— С чего вы это взяли, Куин?

— Меня вскормили на револьверной смазке, а первые зубки я точил о полицейскую дубинку. Что вы узнали?

— Ну, кое-что.

— О покойнике?

— Мы еще не уверены.

— Кто же он был такой? — нетерпеливо спросил Эллери.

— Когда будем уверены, дадим вам знать.

— А еще что?

Луриа покачал головой.

— Я не уверен, что опознание нам в конечном счете что-то даст, и существуют определенные возможности, если этот малый действительно

окажется тем, кем мы его считаем, но... — Он пожал плечами. — А, черт, все равно на одних вероятностях никого арестовать нельзя. Нет никаких доказательств, чтобы напрямую увязать кого-то из здесь присутствующих с убийством старика.

— Значит, вы всерьез намерены всех отпустить?

— А что еще мне остается делать? — Луриа смотрел на Эллери сквозь сигаретный дым. — Из всех этих записочек и коробочек что-нибудь вырисовывается?

— Нет, — лаконично сказал Эллери.

— Все еще думаете, что это связано с убийством?

— Да. То есть наверняка не знаю, но, по-моему, это так.

— Если выясните — звякните мне. — Лейтенант Луриа тихо, но смачно выругался. — Везет мне, как всегда, — вести дело, которое скорей по части психиатра.

— А мне как везет, — пробормотал Эллери. — Ох как везет!

Доктор Дарк постучался в дверь спальни.

— Джон?

— Кто там?

— Сэм Дарк. Можно войти?

— Конечно.

Толстяк открыл дверь и вошел. Джон лежал в постели, а Расти сидела рядом с ним с открытой книгой на коленях.

— Привет! — сказал врач. — Как ведет себя мой пациент?

— Совсем неплохо для такого мерзкого нрава, — сказала Расти. — Ноет, но поспал, а теперь вот лежит, слушает «Додсворта», — хотя и не без ехидных комментариев.

— Льюису бы на туалетной бумаге писать, — проворчал Джон. — Да и Драйзеру тоже.

— «Додсворт»? А, новая вещь, — сказал доктор Дарк. — Я до нее еще не добрался. Не знаю, Джон, его «Эрроусмит» мне, в общем, понравился. Как запястье?

— Спасибо, болит. Вы что, доктор Дарк, занялись махинациями по части страховой медицины? Заложили меня в постель с вывихом запястья.

— Я же отпустил тебя на пикник. К тому же в постели ты не из-за вывиха. С сотрясением шутки плохи.

Толстый врач посмотрел на Расти.

— Дорогая, если вы не против…

Расти встала.

— Я еще приду, милый.

— Вот так дела! — недовольно сказал Джон. — Я ведь не краснею, когда мне обнажают запястье.

— Отношения врача и больного — дело интимное. — Доктор Дарк подмигнул Расти. — Много времени это не займет.

— Надеюсь, что с вами он будет не таким противным, как со мной. — Расти легонько поцеловала Джона в его байроновский завиток и вышла.

— О'кей, доктор Сэм, только побыстрее. Эй! — Джон привстал. — Зачем вы запираете дверь? Что еще за осмотр вы собираетесь мне устроить?

Доктор Дарк прислонился к дверям своей огромной спиной. Веселое выражение глаз начисто исчезло.

— Джон, я хочу поговорить с тобой.

Джон недоуменно воззрился на него. Затем он лег на спину и покорно уставился в потолок.

— «Как мужчина с мужчиной», что ли?

— А что в этом плохого? — Толстяк подошел к постели и встал там, глядя на молодого поэта сверху вниз.

— Полагаю, что это лучше, чем «как мужчина с мальчиком», — Джон лениво повел головой. — У вас с Артуром есть тенденция забывать, что я

уже не сопливый мальчишка. «Вот так-то круговорот времен несет свое отмщенье» — это из «Двенадцатой ночи». Слова сэра Лича — кстати, он там говорит о дюжинах, от чего избави Бог. Времени-то прошло побольше, чем вам кажется.

— Да, — сказал доктор Дарк. — Вот именно. Тебе не мешало бы это запомнить.

Джон посмотрел на него.

— И что сии слова должны означать?

— Джон, — толстяк замялся. — Я тебя знаю с младенчества. Я в некотором роде помогал тебе расти. Мне кажется, я всегда считал себя кем-то вроде твоего дяди. Ты уверен, что знаешь, что делаешь?

— Это насчет брака с Расти? — Джон усмехнулся. — Я же вам еще в начале ноября сказал, в тот же вечер, что и дяде Артуру, — этот обет я готов блюсти с истинным благочестием.

— Ты прекрасно знаешь, что я не это имею в виду. Джон, посмотри на меня. Нет, прямо в глаза.

— Проверка глаз на добродетель? — Джон еще раз усмехнулся. — Я думал, что это кануло в Лету вместе с поясом верности. Вот так, что ли?

Доктор Дарк понуро сказал:

— Джон, мне известно о твоих намерениях относительно мистера Фримена и мистера Пейна.

— Ах, вот оно что? — Смущения в голосе Джона не было, только удивление и раздражение. — И каковы же мои намерения?

— Я полагаю, мне нет необходимости вслух говорить о них.

Джон снова занялся разглядыванием потолка.

— Они, стало быть, заговорили. Я неверно их оценил.

— Они мне ничего не сказали.

— Тогда где же вы услышали эту побасенку?

— Это имеет значение?

— Может быть, — спокойно ответил Джон. — Как быстро распространяется эта утка? Кто еще об этом знает?

— Не знаю, — сказал доктор Дарк. — Мне представляется, что немногие. Но не в этом дело, Джон, а дело в том, что ты самому себе роешь яму. Это совершенно определенно.

— Доктор Сэм… — начал Джон.

— Я знаю, ты можешь сказать мне, чтобы я не совал свой нос в чужие дела. Ты имеешь такое право, но я надеюсь, что ты им не воспользуешься.

Джон молчал.

— Жаль, что я не проповедник. У врача обычно просто времени нет на всякие околичности.

Джон, я не знаю, зачем ты это делаешь, но только — не надо. Не начинай жизнь с того, чтобы припирать людей к стенке. Такие люди, как Фримен и Пейн, которые, несмотря на свои слабости, сами пробили себе дорогу, себя толкать не позволят. Ты еще слишком молод, чтобы это понять. Они в ответ так толкнут! Ты об этом подумал?

— Доктор Сэм, — сказал Джон. — Я не знаю, о чем вы, черт возьми, толкуете. Будете мне руку смотреть или нет?

Доктор Самсон Дарк смерил лежащего Джона долгим взглядом. Затем он подошел к двери, отпер ее и тихо вышел.

Когда доктор Дарк вечером ввалился в гостиную, через несколько минут после того, как отправился спать, Эллери не понадобилось напрягать зрение, чтобы увидеть рождественскую коробочку в руке доктора.

— Я только что обнаружил это у себя на бюро.

Когда Эллери взял пакет, он задался вопросом, какую же роль сыграл доктор днем, чтобы вечером удостоиться этой сомнительной чести. Но мясистые губы доктора были плотно сжаты, и Эллери понял, что расспрашивать его бесполезно.

Он поднес коробку к длинному столу и в тишине сорвал красно-зеленую обертку. Имелся

и привычный ярлычок в виде Санта-Клауса с надписью «Джону Себастиану». Эллери автоматически отметил, что пользовались все той же машинкой.

Белая коробочка была одной из самых маленьких среди прочих. Однако сгишки на белой карточке были скорее из длинных:

В одиннадцатый Святок вечерок
Шлю тебе, мой голубок,
Презагадочнейший з н а к —
(Не поймешь еще никак?)
На с т о л б и к е знак,
Бесплотности знак.

На обратной стороне карточки было пусто.

«Подарок» представлял собой маленький указательный столбик. Он состоял из деревянной стойки, покрашенной коричневой краской, к верхушке которой была прибита крохотная бронзовая скобочка. Со скобочки свисала маленькая овальная табличка из дерева, с зазубренными краями, в «деревенском» стиле и тоже покрашенная в коричневый цвет. На табличке была грубо намалевана красным буква Х.

— Что же, получается уютное маленькое гнез-

дышко, — сказал Джон. — Как по-вашему, это уже все или завтра пришлют почтовый ящик?

— По-моему, это все, — прошипела миссис Браун. — Не спрашивайте почему. Я просто чувствую.

— По-моему, это чушь, — сказал Мариус Карло, — и, по-моему, пошло оно все к черту. Плесника мне, Джон, — за Остермур.

— Х, — задумчиво произнес мистер Гардинер. — Греческая буква «хи», начальная буква имени «Христос». Символ Христа.

Эллери посмотрел на него.

— Знаете, я об этом не подумал. Но, по-моему, это обозначает другое. «Бесплотности знак» — так ведь говорится в записке.

— Бесплотности? Уж не Святого ли Духа? — предположил Дэн Фримен.

— Богохульство, — пробормотал епископальный священник. — Вся эта история возмутительна.

— Нет, — ответил Эллери Фримену.

— Тогда какой «бесплотности»? — крикнула Расти.

— В эру Самогона, Налетов и Бетонных Кимоно, — сказал Эллери, — Х обычно означает место на карте, а «бесплотный дух» — то, что появляется

на столе в ближайшем морге. Примерно так же изысканно, как рэкет по-чикагски.

— Прелестно, — сказал Джон. — И все это сводится к тому, что меня убьют в этом доме.

— Не говори так, Джон! — воскликнула Расти. Артур Крейг подошел к ней, сердито глядя на воспитанника.

— Вы совершенно не правы, мистер Куин, — сказала миссис Браун со страстью. — «Бесплотности знак» относится к самому отправителю. А знак этот здесь — буква Х, то есть неизвестное. Кто-то, отошедший в мир иной, пытается вступить в контакт с Джоном. Есть такие призраки, не имеющие обличья или утратившие его, и они обречены быть прикованными к материальному миру, пока не обретут свое «я»...

Она продолжала в том же духе, а остальные молча и с раздражением ей внимали.

Эллери не слушал совсем. Он думал: «Сейчас налицо девятнадцать подарков в одиннадцати коробках. Завтра будет двенадцатая — и последняя. И сколько же всего получится?»

Двенадцатый вечер: воскресенье, 5 января 1930 года

Глава Четырнадцатая, в которой Оливетт Браун беседует с духом, мистера Куина ударяет молния, а Джон Себастиан получает последний подарок

Воскресенье выдалось кошмарное — один из тех дней, в которые, как говорится, все идет из рук вон. Люди бесцельно слонялись по комнатам, пересаживались из кресла в кресло, читали и перечитывали воскресные газеты и даже объемистый автомобильный раздел, обязанный своим появлением Нью-йоркской автомобильной выставке. Заявление мэра Джимми Уоркера, что в течение четырех лет он будет жертвовать сумму, на которую возросло его жалованье, на благотворительность, должным образом обнюхали, попробовали на вкус, пожевали и выплюнули. Вэл Уоррен с чувством прочла некролог Кеннета Хокса, мужа Мери Астор, который погиб вместе с десятью другими членами съемочной группы во время съемок сцены с аэропланом возле Санта-Моники в пятницу. Имеющие склонность

к литературе организовали «круглый стол» по поводу наиболее выдающихся новинок сезона — «Добрых друзей» Джона Б. Пристли, «Золотой чаши» Джона Стейнбека, «Ultima Thule» Генри Гендела Ричардсона и последнего романа Дона Бирна «Поле части». Дэн Фримен со скорбным видом поведал любопытную историю, предшествовавшую публикации «На Западном фронте без перемен» Ремарка. Но когда Эллери упомянул «Двенадцать против Бога» Уильяма Болито, «круглый стол» моментально разлетелся в щепки. В этом доме и в этот день «двенадцать» было непристойным словом.

Несмотря на солнечную погоду, никто не решился выйти прогуляться, кроме старого мистера Гардинера, который вышел из дому, когда все еще спали, и вернулся только под вечер. Когда его спросили, где он был, священник ответил: «Там, где Христос являл себя язычникам», — и тихо поднялся в свою комнату.

Зловещее предзнаменование вечера нависло над домом, накрепко завладев всеми. Это оказалось чересчур для ирландки Мейбл, и в середине дня она нарыдалась всласть на груди сконфуженного сержанта Девоу.

Эллен Крейг выдвинула предложение:

— Поскольку сегодня канун Крещенья, или Двенадцатая ночь, а завтра все разъедутся, то почему бы нам не отпраздновать этот день, как праздновали в средние века? В канун Крещения всегда здорово веселились, пировали, играли в разные игры. Что скажете?

— Браво! — сказал Эллери, воздержавшись от замечания, что праздник Крещения в средние века был, очевидно, пережитком римских сатурналий. — Кто что будет делать?

В конце концов было составлено что-то вроде программы.

В благодарственной молитве за праздничным столом мистер Гардинер упомянул брак в Кане Галилейской и под конец помолился за то, чтобы «горькие воды дома сего» превратились в сладкое вино доброты и радости. Но этой целенаправленной молитве не удалось поднять чье-либо настроение, и приготовленный миссис Янссен праздничный обед начался в молчании. Джон ничем не улучшил положение, когда сделал достаточно громкое замечание — миссис Янссен могла слышать его через буфетную, — что жаркое из баранины недожарено. Остаток обеда был съеден под симфонию приглушенных всхлипываний и сморканий из кухни, сопровождаемых

отчаянными «ш-ш-ш!» Мейбл и Фелтона.

Затем Мейбл, убирая со стола перед подачей десерта, слишком наклонила нагруженный поднос, и почти полный бокал красного бургундского вина соскользнул точно на голову Роланда Пейна, окропив его седую шевелюру роскошным пурпурно-красным цветом. Потоки того же великолепного цвета заструились у него по щекам и по рубашке вплоть до колен. После этого Мейбл швырнула поднос и убежала на кухню, добавив вопли своих душевных мук к рыданиям миссис Янссен. Праздник пришел в полное расстройство. Эллен и Расти помчались на кухню утешать страждущих женщин, а Артур Крейг помог своему мокрому и несвязно лопочущему поверенному подняться наверх.

Эллери воспользовался случаем и тщательно осмотрел гостиную. Рождественского свертка не было. Он все еще гадал, где и каким образом будет найден двенадцатый подарок, когда вся компания собралась на представление, посвященное Двенадцатой ночи.

Мариус нырнул в музыкальную комнату, и через арку донеслась упоительно-наивная музыка, скорее всего Перселла. Под этот мелодичный аккомпанемент все расселись.

Эллери поднял руку, и музыка прекратилась.

— Как ваш церемониймейстер, леди и джентльмены, — торжественно начал Эллери, — я избрал наиболее популярную из всех линий — линию наименьшего сопротивления. Моя речь отменяется. — Эллен зааплодировала, как ему показалось, уж чересчур радостно. — Вместо этого мы немедленно приступим к делу.

— Первым номером нашей программы, вопреки освященной веками водевильной традиции, не будут ни акробаты, ни японские жонглеры. Признаюсь, я и сам не знаю, какого дьявола нам тут сейчас покажут. Друзья мои, перед вами — мистер Артур Бенджамин Крейг!

На рояле прозвучал аккорд, и из библиотеки торжественно вышел хозяин. Он нес коробку из гофрированного картона. Поставив ее на узкий стол, он с достоинством поклонился Эллери. Эллери отвесил ответный поклон, уселся, а Крейг прокашлялся.

Сержант Девоу выглянул из арки, ведущей в холл, а миссис Янссен, Мейбл и Фелтон — женщины все еще шмыгали носами — высунулись из приоткрытой двери в столовую.

— Уважаемые коллеги — члены Общества Поклонников Джона Себастиана, — начал Крейг,

внушительно положив руку на коробку. — Поскольку завтра шестое января, «Дом Фримена» выпускает в свет «Пищу любви» в массовом издании, столь же скромном, сколь и благородном, как и автор книги.

Возгласы «браво! браво!» — прервали его. Джон ухмылялся, улыбались и все остальные, кроме Фримена и Пейна, которые сидели и слушали с безучастными лицами. Крейг быстро поднял руку.

— Имея двоякое отношение к нашему молодому герою — и как неофициальный отец его, и как непосредственный изготовитель вышеупомянутого массового издания, — я не мог позволить себе пропустить это историческое событие, не внеся свой скромный вклад в ознаменование оного события. Вследствие чего, — продолжил Крейг, как заправский оратор, — я использовал все возможности своей типографии и труд многих известнейших мастеров, с которыми меня связывает многолетняя дружба, ради того, чтобы произвести на свет, — Крейг открыл коробку и поднял книгу, — это специальное издание «Пищи любви», ограниченное двенадцатью последовательно пронумерованными экземплярами, по одному на каждого из членов уважаемого

собрания.

Все зашумели, восторгаясь красотой томика.

— Книга напечатана в 1/12 листа, что приятно гармонирует с небольшим количеством страниц. Использовалась особая тряпичная бумага, изготовленная в Англии по моему заказу. Текст набран изысканным неброским шрифтом, разработанным по моему же заказу Шартреном исключительно для «Дома Фримена» и используемым для поэтической классики. Каждый лист исполнен в два цвета: текст черным, а графика и виньетки — бледно-красным. Форзац и шмуцтитул — дружеский дар известного художника Бориса Акста. Листы собраны, сложены и прошиты вручную, а затем переплетены в мятый левантийский сафьян. Я горжусь тем, что выпустил эту книгу, Джон, и дарю эти экземпляры твоим и моим друзьям в надежде, что все вы найдете столько же радости в обладании ею, как я — в работе над ней.

И, сияя. Крейг вручил одну из роскошных книг Джону, а остальные десять распределили среди присутствующих. Оставшийся томик бородатый печатник крепко прижал к груди.

— Себя я, естественно, тоже не забыл.

Джон был необычайно тронут. Он сидел с кни-

гой на коленях и смотрел на пее, часто моргая.

Среди всеобщих возгласов восхищения прорезалось требование получить автограф Джона. Несмотря на его возражения, что писать он может лишь с огромным трудом из-за вывиха, Эллен и Расти подхватили его, подвели к столику и плюхнули в кресло. Мистер Гардинер достал свою авторучку, Валентипа побежала в библиотеку за промокашками, и стол стал местом импровизированной «раздачи автографов». Каждый требовал не только подпись, но и персонального посвящения. Джон, нахмуря лоб, придумывал и писал каждое посвящение едва разборчивым почерком на вкладыше, где помещались выходные данные этого ограниченного издания.

Эллери незаметно подошел к креслу, в котором Джон оставил собственный экземпляр, взял книгу и невзначай посмотрел на вкладыш. Этот томик был под номером 12. Внезапно ему в голову пришла строка из какого-то викторианского поэта: «Судьба над вероятностью смеется».

Неся к столу собственный экземпляр, он заметил, что и Фримен, и Пейн не торопятся подойти за автографом. Но ситуация не оставляла им выбора, и, пока не поздно, каждый из них представил свой экземпляр вниманию молодого

поэта, с трудом выжимая из себя улыбку.

— Когда составлялась программа сегодняшних торжеств, я не представлял себе, — объявил церемониймейстер, — какая чудная связь имеется между неведомым тогда первым номером мистера Крейга и вторым, который я сейчас объявлю: избранные места из «Пищи любви» в исполнении самого поэта.

И Эллери сел, а поэт поднял над головой соединенные руки, как боксер перед призовым поединком, и публика разразилась аплодисментами и приветственными возгласами. Затем, держа в руке свой переплетенный кожей экземпляр стихов, так, словно это было нечто из мастерской Бенвенуто Челлини, Джон начал читать.

Читал он хорошо, выдерживая ритм, фактуру и окраску стиха, и то, что он читал, было, по мнению Эллери, очень недурно. Эллери не разделял точку зрения мистера Гардинера, что стихи скуповаты и чрезмерно умозрительны, ему они казались живыми и остроумными, полными очаровательного цинизма и пренебрежения к традиционной форме, что, видимо, зародилось в среде молодых американских экспатриантов на Французской Ривьере и в кафе на левом берегу

Сены. Эллери не кривя душой присоединился к аплодисментам, последовавшим за чтением.

— Следующим номером будет музыкальная интерлюдия, которую исполнит наш неподражаемый импресарио клавиш, несравненный фортепьянистический вундеркинд, бесподобный композитор и страстный виртуоз — маэстро Мариус Карло!

Сержант Девоу и Фелтон были привлечены в качестве рабочих сцены — они вкатили рояль из музыкальной комнаты через арку. Мариус поклонился, откинул воображаемые фалды фрака и уселся на круглую табуретку.

— В эту эпоху, когда каждый сам себе винокур, — начал Мариус, разминая пальцы над клавиатурой, — и использует для изготовления напитков то, что его непосредственно окружает: батрак — свою силосную яму, шахтер — свой подземный перегонный куб, калифорниец — свой гнилой кактус, — меня осенило, что и я, как композитор, могу поступать аналогичным образом.

— Короче, принимая во внимание то, что мистер Куин назвал «двенадцатеричностью» нашего праздника, я сочинил композицию, опирающуюся на додекафоническую систему Шенберга. Композицию эту я создавал, вдохновившись ко-

мическим произведением Билла Шекспира под названием «Двенадцатая ночь», названным так отнюдь не потому, что название как-либо связано с сюжетом, а потому, что комедия предназначалась для показа в канун Крещения при дворе королевы Елизаветы. Не слышу криков «ура!».

Он услышал «ура».

— Первая часть называется «Кораблекрушение в Иллирии». Тишина, пожалуйста.

И Мариус поднял руки, выдержал паузу и опустил их с таким диссонирующим залпом звуков, что Мейбл, стоявшая в дверях столовой, испуганно ойкнула, густо покраснела и убежала на кухню.

Двадцать минут молодой музыкант терзал и насиловал клавиши, сопровождая игру веселеньким либретто, которое оставляло слушателей столь же озадаченными, сколь и музыка. Аплодисменты в конце были неистовы — слава Богу, все!

— Наш следующий исполнитель, — объявил Эллери, когда рояль вкатили обратно в музыкальную комнату, — мисс Валентина Уоррен, которая, как мне сказали, порадует нас двумя образцами сценического искусства. Но какими именно — клянусь, не ведаю. Мисс Уоррен!

Валентина всех удивила — по крайней мере, вначале. Эллен ожидала чего-нибудь тяжеловесного типа Софокла, например, обращение Иокасты к Эдипу или же подражание Бланш Юрка в «Дикой утке». Вместо этого Валентина попросила всех перенестись в воображении через Гудзон, в Хобокен в репертуарный театр Кристофера Морли, и начала пресмешной монолог из «забойной др-рамы» девятнадцатого века «Во тьме, или Ни дева, ни жена, ни вдова». Все со смеху шипели и покатывались, включая Эллери. Но затем, на «бис», молодая актриса предпочла, увы, перевоплотиться в Нину Лидс, героиню «Странной интерлюдии» Юджина О'Нила, и очень плохо исполнила длиннейшую сцену в духе «потока сознания». Если в аплодисментах, последовавших за монологом Валентины, и была фальшивая нотка, никто, кроме Эллери, ее не распознал. И уж, во всяком случае, не Валентина.

Эллен Крейг извлекла мольберт, несколько листов рисовальной бумаги и коробку угольных палочек и повеселила всю компанию серией мгновенных карикатур, полных неожиданной зловредности. Шарж на Эллери был особенно ехидным — морда хищной птицы на длинной шее собаки-ищейки. При всем том шарж, как ни

странно, передавал некоторое сходство.

Мистер Гардинер бесстрашно почитал из «Песни Песней», не преминув, однако, интерпретировать ее как аллегорию союза между Христом и Церковью Христовой. Расти Браун вышла на сцену с мотком проволоки и парой плоскогубцев и принялась изготавливать прелестные, как она выразилась, «свободные формы» птиц и животных. Выступил даже доктор Самсон Дарк и сорвал гром аплодисментов, пропев жутким носовым голосом майнскую застольную, явно подражая Руди Вале.

— А теперь, — сказал Эллери, когда доктор уселся, утирая платком свои фальстафовские щеки, — мы переходим к pièce de résistence[Основное блюдо *(фр.).*], гвоздю нашей программы — сеансу, который проведет наш знаменитый спирит миссис Оливетт Браун. Подлинность гарантируется.

Мистер Гардинер немедленно поднялся и, сославшись на недомогание, попросил извинения и покинул гостиную. Однако минуту спустя он вернулся и печально заметил, что, по зрелом размышлении, тот, кто посвятил всю свою долгую жизнь миру Духа, может оказаться полезным при общении с потусторонними друзьями миссис Браун, хотя бы на тот случай, если понадобится

изгонять их. И старый священник снова уселся и сложил руки, готовый ко встрече хоть с самим Сатаной.

Оливетт Браун не обращала на это внимания. Она была слишком занята, давая руководящие указания по оформлению сцены. Наконец всех рассадили за большой круглый стол, внести который распорядилась миссис Браун, почти в полной темноте, — так она распорядилась. Каждый молча держал за руку соседа. Сеанс начался.

Поначалу слышались и еле сдерживаемые смешки девушек, и ехидный шепоток Мариуса, но затем все умолкли, и воцарилась почти осязаемая тишина. Когда глаза привыкли к слабому освещению, все увидели, что Оливетт Браун сидит напряженно-прямо, вперив взгляд поверх их голов в темную глубину комнаты.

Так они сидели очень долго, так долго и так неподвижно, что поневоле начали напрягать слух. Вокруг стола все гудело от напряжения.

Внезапно мать Расти откинулась в кресле и застонала. После тишины звук этот был страшен, и у всех сидевших вокруг стола сжались руки.

Стон утих. Теперь она сидела молча, ссутулившись, с открытыми глазами. В слабом свете лицо ее казалось белой маской.

А потом она заговорила каким-то безжизненно-призрачным голосом, совсем непохожим на обычный ее голос, резкий и гнусавый.

— Я нахожусь в большом куполообразном пространстве, темном и не темном, ярком и не ярком, обволакивающем меня в бесконечно тянущемся во все стороны… Это как во сне, только четче, много четче…

И она продолжала в том же духе, описывая и не описывая, так что все с некоторым неуютом ощутили то, что она «видит», не получив ни малейшего представления о форме, цвете или размерах.

Вдруг она произнесла:

— Он подходит, он… Вижу его серое мерцание… Он подходит ближе… ближе. — Ее безжизненные интонации стали резче, она повысила голос. — Кто-то, кого я знаю. Узнаю, я узнаю… Смерть. Он мертв, это призрак… Я знаю его, знаю… Ближе… Кто он? Кто ты, кто ты? — Она издала вопль, от которого у всех душа ушла в пятки. — Джон! Это Джон… — И она упала вперед, на стол, с отвратительным звуком ударившись лбом.

Сеанс лопнул. Эллери рванулся к выключателю и достиг его одновременно с сержантом Девоу. Когда он обернулся, доктор Дарк пристраивал

миссис Браун обратно в кресло, а Расти отчаянно трепала мать по восковым щекам.

— Не понимаю, зачем я ей это позволила. Она после этого всегда такая подавленная. Видит Бог, я ни во что это не верю, но она, похоже, сама себя гипнотизирует. Мама! Мама!

— Позвольте мне, — сказал доктор Дарк. — Артур, придвинь сюда это кресло. Нужно ее уложить, чтобы ноги были выше головы. Она в обмороке, только и всего. Хотя шишка на лбу останется… Пожалуйста, кто-нибудь, откройте окна пошире. Нам понадобится много свежего воздуха.

Пока доктор приводил в чувство миссис Браун, Эллери подошел к Джону, который одиноко стоял в уголочке со странным выражением лица.

— Джон, этот ее вопль под конец тебя, наверное, здорово расстроил. Встретиться с собственным призраком при жизни, каково?

Джон спокойно ответил:

— Интересно. Интересней, чем ты думаешь.

— Как это понимать?

Джон с улыбкой покачал головой. Он внимательно смотрел на мать Расти.

В то мгновение, когда она открыла глаза, Джон шагнул вперед.

— Мама Браун, как вы узнали?

— Что? — слабым голосом спросила она. — Ох, Джон. У меня голова болит. Что произошло?

— Ты, мама, впала в транс, — сказала Расти, — и говорила, что видишь кого-то, кто к тебе приближается — призрак или что-то, вроде мертвец, а потом ты назвала его Джоном и упала в обморок.

— Да? — сказала мать. — Джон — мертвец? Глупости какие! — Она потрогала голову. — Не помню. Никогда ничего потом не помню.

— Как вы узнали? — повторил Джон.

— Перестань говорить загадками, — сердито сказала Расти. — Что мать узнала?

— Это знает только еще один человек, — сказал Джон миссис Браун. — Кстати, не из присутствующих. Поэтому я еще раз спрашиваю вас, мама Браун: как вы узнали?

Она посмотрела на него туманным взором.

— Хоть бы голова прошла. Я ничего не понимаю, что вы говорите.

— Прекрати, Джон, — резко сказал Крейг. — Миссис Браун не в том состоянии, чтобы приставать к ней.

— Правильно, Артур, — сказал Джон, не переставая улыбаться. — Извините, мама Браун. Не хотите ли пойти наверх отдохнуть? Кстати, неплохо бы всем нам пойти — освежиться или

прилечь на часок-другой. Сегодня ведь мы полночи спать не будем.

Уловив удивленные взгляды собравшихся, Джон ухмыльнулся.

— Зачем ждать рассвета? В час колдунов я, в полную противоположность Золушке, превращаюсь в принца, помните? Поэтому сразу же после полуночи, как только мне исполнится двадцать пять, я намерен просить мистера Пейна официально зачитать завещание моего отца, по которому я сменю тыкву на королевскую карету. А потом мистер Гардинер сочетает нас с Расти браком — в счастии и несчастии, в радости и в горе.

— У тебя получается так романтично, — Расти фыркнула.

Он поцеловал ее.

— И наконец, я раскрою ту великую тайну, которую обещал раскрыть.

— Ей-богу, об этом-то я и позабыл, — сказал Крейг, а Эллери подумал: «Ей-богу, и я тоже». — Джон, и что же ты такое прячешь в рукаве?

— Узнаешь после брачной церемонии, Артур, как и все прочие. Так соберемся здесь за четверть часа до полуночи?

Эллери оставался в гостиной, пока остальные

не разошлись. Он прошелся по ней, заглядывая во все углы.

— Ищете двенадцатую коробочку, мистер Куин? — Это был сержант Девоу, он заглянул из холла.

— Что-то вроде того, сержант. Похоже, все напрочь про нее забыли.

— Только не я. Весь вечер подкарауливаю. — Сержант покачал головой. — Здесь ее нет.

— Опять у кого-нибудь в спальне, я полагаю.

Но прошло десять минут, а они все так и ждали, когда кто-то сбежит по ступенькам с коробкой.

— Допустим, что это все. — Сержант Девоу криво улыбнулся. — Но только если он остановится на одиннадцати, тут будет что-то не так.

Эллери не улыбнулся в ответ.

— Она, сержант, появится до полуночи — и этого я очень опасаюсь.

Он взял свой экземпляр книги Джона и пошел наверх.

Вол	Гвоздь	Вода	Голова
Дом	Забор	Рыба	Зуб
Верблюд	Рука	Глаз	Метка (или Крест)
Дверь	Ладонь	Рот	Столб
Окно	Хлыст	Обезьяна	.....

Девятнадцать предметов в одиннадцати коробках за одиннадцать вечеров.

Эллери безостановочно курсировал по комнате и остервенело курил.

Сегодня будет еще одна коробка, и ряд из двенадцати будет завершен. Это означает как минимум еще один предмет. Следовательно, минимум двадцать предметов.

Здесь разгадка? Число 20? 20…

Он вернулся к маленькому письменному столу, где лежал его список из девятнадцати предметов. Вол… Дом… Верблюд… Но он покачал головой. Он уже сотню раз обращался к этому списку в поисках общего знаменателя. Чем дольше он искал, тем больше убеждался в том, что какая-то связь существует. И тем менее постижимой она казалась.

20…

Это число дразнило его. Было в этом числе что-то такое, давно позабытое… Знал когда-то… Где-то читал… «Двадцать вопросов» — игра такая! Нет, пет. А если рассмотреть ряд из двадцати предметов через игру в вопросы-ответы? Нет, так можно определить сами предметы, но это не то 20…

И тут он вспомнил.

Числа группируются по пять; по пальцам на

руках и на ногах. Три основных шкалы в пятеричном счислении — это, следовательно, по пять, по десять и по двадцать. Группировка предметов по двадцать сохранилась в английском понятии «score» и во французском — «quatre-vingt», что означает «восемьдесят», а буквально «четыре по двадцать». В тропических странах двадцатеричное счисление было когда-то в большом ходу, поскольку в жарком климате люди ходили босые, и перед ними всегда были пальцы не только на руках, но и на ногах. Некоторые мексиканские аборигены до сих пор считают до «человека целиком», после чего начинают счет заново. Одно из подразумеваемых доказательств того, что гренландцы — выходцы из тропиков, — это наличие у них двадцатеричной системы счисления.

20... и 12. Системы счета?

Эллери уныло уставился на свой список. Все это было очень правильно, очень интересно, но не имело абсолютно никакого значения. Он ни в малейшей степени не понимал, как это можно применить к предметам, полученным Джоном.

Он вытряхнул из трубки пепел и удрученно опустился в кресло. Ощущая колоссальную умственную усталость, он взял подарочное издание книги стихов Джона и раскрыл его.

ДЖОН СЕБАСТИАН
ПИЩА ЛЮБВИ

Находит пищу в музыке любовь, —
Играйте же, играйте, музыканты…

«ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ»
«ЭЙ-БИ-СИ ПРЕСС»
НЬЮ-ЙОРК, 1930

И тут же выпрямился в пароксизме радости, как если бы ему вдруг даровали откровение свыше.

Он случайно открыл книгу на титульном листе. Там-то оно и было — там-то оно и было, и стрелой промчалось со страницы сквозь глаза к какой-то забытой кладовочке в мозгу, отпирая ее со скоростью света.

Эллери жадно копался в памяти, процеживал, расчленял — и наконец перед ним раскрылась истина в ее прекрасной простоте. Он ощутил какое-то унижение. Почему же он не понял всего давным-давно? Ведь тут не было ничего эзотерического, ничего фантастического.

«Вот в чем моя беда, — подумал он. — Всегда жертвую очевидным в пользу малопонятного».

Ведь все было так ясно. Вол, дом, верблюд, дверь… Все двадцать. Да, «двадцать» — то самое число. Относительно этого интуитивно он был

прав с самого начала.

За размышлениями ему вдруг пришло в голову, что еще предстоит отыскать последний, еще не полученный, двадцатый предмет. Он в уме пробежался по воображаемому списку.

И сердце у него сжалось, и он похолодел.

Двадцатый подарок, двадцатый предмет — это ведь будет…

Он выронил подаренную книгу, безумно посмотрел по сторонам и вылетел из спальни.

Сержант Девоу околачивался на площадке.

— Что случилось, мистер Куин?

— В спальню Джона!

Сержанту, несмотря на его массивность, удалось добежать до дверей комнаты Джона одновременно с Эллери. Девоу с размаху ткнул в дверь плечом, и она с треском раскрылась.

Во всем коридоре стали открываться двери. Из них выбегали люди.

Эллери медленно вошел в комнату Джона. Сержант Девоу стоял в дверном проеме, широко расставив ноги и делая судорожные глотательные движения.

Расти вскрикнула — один раз.

Джон сидел спиной ко входу, без пиджака, в кресле, за письменным столом. Голова его лежала

на крышке стола рядом с левой рукой. Правая, забинтованная рука свесилась вниз.

На его белой рубашке, сзади, прямо под левой лопаткой, расцветал ярко-красный цветок с полураспустившимися лепестками.

Из середины цветка торчала рукоятка ножа.

— Сержант. Позовите доктора Дарка.

Толстый врач вошел в спальню. В его полном лице не было ни кровинки.

— Доктор, постарайтесь не оставлять ваших отпечатков на столе и на его одежде.

Некоторое время спустя доктор Дарк выпрямился. Он выглядел озадаченным и испуганным.

— Джон мертв.

— Теперь отойдите, пожалуйста. Сержант, позвоните лейтенанту Луриа. Я останусь здесь... Нет, мистер Крейг, нет. Будет намного лучше, если вы побудете с Расти. Возможно, всем будет легче, если я запру дверь до прихода лейтенанта.

В коридоре молился мистер Гардинер.

Оставшись с трупом один на один, Эллери попытался собраться с мыслями.

Поздновато скорее всего.

Тыльной стороной ладони он дотронулся до шеи, уха, щеки Джона. Все еще теплые. Как при жизни. Если бы из спины не торчал нож, Джона

можно было бы принять за спящего.

«Если б только я понял смысл этих подарков хоть на пять, десять, пятнадцать минут пораньше!» — подумал Эллери.

И тут он впервые увидел карточку. Джон лежал лицом на ней, как будто читал ее в тот момент, когда ему в спину вонзили нож. Эллери обернул пальцы носовым платком, ухватился за уголок карточки и вытащил ее — пока не стал виден текст. Брать карточку он не стал.

Это была точно такая же карточка, как одиннадцать предыдущих — белая, прямоугольная, с надписью в стихах:

В двенадцатый Святок вечерок

Шлю тебе, мой голубок,

К и н ж а л смертоносный — последний мой дар

И в жизни твоей последний удар.

Кинжал. Вот и двадцатый предмет. Это следовало предвидеть.

Теперь все было ясно. «Последний удар…» Да, да, все сходится.

«Беда в том, — безрадостно подумал Эллери, — что все уж слишком сходится».

Сходится настолько, что надо было быть безум-

цем, чтобы принять все это за правду.

...И крещенье: 6 января 1930 года

Глава Пятнадцатая, в которой молодой мистер Куин отказывается от предложенной игры, мертвый оживает, на многое дается ответ, но еще большее остается неразгаданным

Когда сержант Девоу вернулся в спальню, Эллери оставил его при покойнике, а сам поспешил вниз.

В гостиной были все, кроме мистера Гардинера, Расти Браун и ее матери.

— Я дал Расти успокоительное, и она прилегла у себя в комнате, — пробормотал доктор Дарк. — С ней миссис Браун и достопочтенный.

Эллери кивнул. Лица у всех были ошеломленные.

— Нож, — сказал он. — Полагаю, что все вы его видели. Это что-то наподобие старинного кинжала с рукоятью, украшенной полудрагоценными камнями. Он из этого дома, мистер Крейг?

Крейг покачал головой. Он как-то резко постарел. Выпрямившись, он сидел в кресле, в некотором отдалении от других. Губы его, прикрытые бородой, были плотно сжаты. Похоже, ему стоило

немалых усилий держать себя в руках.

— Никто не узнает кинжал?

Никто не ответил.

Эллери пожал плечами.

— Ладно, это работа для Луриа. Нас касается то, что это был последний удар. — Он повторил стихи на карточке. — Номер двадцатый. Завершает всю серию.

Эллери замолчал. С какой стати ему было посвящать их в то, что теперь ему известен смысл подарков? Он не мог систематически довести дело до конца — не мог сказать им, что подсказки в стихах, тот смысл, который раскрывался в них, как в едином целом, — то есть вся схема преступления, — складывались в несколько однозначную картину, что обвиняющий перст можно было направить только в одного из них. Он не мог признать отсутствия альтернативы. Он не мог сказать: «Это неопровержимо доказывает вину вот этого человека».

Ибо принять этот единственный вывод — значило счесть указанного человека полным идиотом. «А этого не может быть, — угрюмо сказал Эллери сам себе, — поскольку природа этого преступления такова, что задумать его мог только умный человек. Одно с другим не сочетается.

Разве кто-нибудь, способный построить такую хитроумную схему, стал бы все это делать лишь затем, чтобы навести подозрение на самого себя? А ведь именно к этому и вели все подсказки».

Непостижимо. И поэтому надо было молчать.

В этом деле с самого начала было три жертвы: Джон, тот, на кого указывали подсказки, и сам Эллери. Желанным результатом, разумеется, была смерть Джона. Роль, отводимая Эллери, заключалась в том, дабы он, подобно послушной ищейке, следовал за подсказками и дал себя провести — чтобы под конец, придя к якобы совершенно неопровержимым выводам, он обвинил в убийстве Джона совершенно невиновного человека.

Весь хитроумный план, с рождественскими коробочками, их содержимым, подсказками в виршах, имел только одну цель: возложить ответственность за убийство Джона на невиновного. Такая подставка была умна и еще в одном отношении: у Эллери были основания полагать, что этот невиновный имел, теоретически говоря, весьма сильный побудительный мотив к такому убийству. А когда все улики указывают на него, да еще, прямо как по заказу, появляется мотив — тут уж обвинение в убийстве становится просто неопровержимым.

«Нет, — сказал сам себе Эллери. — Остается только отказаться от игры, предложенной настоящим убийцей. Тот, на кого указывали подарки, — это не тот, кто воткнул нож Джону в спину. Это сделал тот, кто на самом деле изготовил подарки, сочинял стихи и подбрасывал коробочки». Возможно, храня молчание, Эллери удастся спровоцировать преступника…

Прибыл лейтенант Луриа с группой специалистов, и это рассеяло всеобщую апатию. Лейтенант говорил очень мало: за него говорило выражение лица. Он незамедлительно поднялся наверх.

Луриа был в ярости. Он настоял на том, чтобы очистили весь верхний этаж, так что мать и дочь Брауны вкупе с мистером Гардинером были вынуждены покинуть спальню Расти. Потом прибыл судебно-медицинский эксперт, доктор Теннант, и тоже на некоторое время отвлек внимание лейтенанта. Всем пришлось ждать в гостиной — ошеломленным, опечаленным, терзаемым чувством вины. Общее несчастье объединило их. Издатель Фримен и Пейн выглядели прямо-таки больными. Эллери понимал, о чем они сейчас думают. Если лейтенант Луриа узнает, как с ними хотел поступить Джон…

Троих слуг тоже загнали в гостиную, где они

обособились в дальнем уголке.

Сам Эллери потерял счет времени. Он сидел в кресле сгорбившись, как и все прочие, грыз ногти и сам себя спрашивал, что происходит наверху.

Ожидание было бесконечным.

И во время этой бесконечности со стороны холла раздался веселый голос:

— Ровно без четверти двенадцать. Что это за машины у входа? Привет всем!

Произошло нечто любопытное.

Разом вздрогнули четырнадцать тел. Четырнадцать голов повернулись разом, будто кто-то дернул за веревочку. Четырнадцать пар глаз расширились от изумления и ужаса.

Расти вскочила и, хватаясь за горло, попыталась что-то сказать.

Ее мать завизжала:

— Призрак! Призрак!

Затем все шесть женщин грохнулись в обморок.

У высокой фигуры в дверях была забинтована правая рука.

Это был Джон.

Это был Джон, и он вошел в гостиную совсем как живой. Если это и был призрак, то призрак очень озадаченный. Он устремился к Расти, под-

нял ее, усадил на кушетку и начал растирать ей руки, смущенно при этом озираясь, словно нечаянно угодил в какое-то неведомое измерение в пространстве-времени, где неузнаваемо искажались даже самые знакомые предметы.

— В чем дело? — недоумевая, спросил Джон. — Что вы все на меня так уставились?

— Джон. — Его опекун облизнул губы. — Джон?

— Не понимаю, — сказал Джон. — Я гулял себе по лесу, настраивался перед решающим прыжком. Я сказал, что буду здесь в одиннадцать сорок пять — и вот я здесь. Кто это так неудачно пошутил насчет призрака? Можно подумать, что я умер или что-то вроде того.

— Ты и умер, — буркнул Мариус Карло.

— Что?

— То есть умер, а потом… то есть…

— Кто ты такой? — Борода Крейга тряслась.

— Люди, что на вас нашло? — воскликнул Джон. — Артур, это что, шуточка под занавес, что ли? Ничего себе вопросик — кто я такой!

— Ты Джон или… кто?

— Я мальчик-с-пальчик! — сердито сказал Джон. — Не пора ли заняться нашими дамами. Или они тоже прикидываются? Ну-ка, Расти, кончай. Очнись!

— О, господи! — Это произнес лейтенант Луриа, появившийся в проеме. В его мужественном лице не было ни кровинки. Оп был совершенно обескуражен.

— Погодите, — сказал Эллери. — Погодите.

Ему в жизни не приходилось испытывать подобных потрясений. Но сейчас, когда первый шок миновал, в выражении его лица стали проявляться первые признаки осмысленности. Вне всякого сомнения, это был Джон — та же фигура, то же лицо, тот же байроновский локон, тот же голос, та же одежда, тот же бинт на той же руке… А ведь именно этого он и искал — двойника Джона. Он заставил себя не упустить эту мысль.

— Если ты Джон — тогда кто же наверху, в твоей спальне?

В темных глазах Джона сверкнул огонек.

— В моей спальне?

— Да, в вашей спальне, — проскрипел лейтенант Луриа. — Там мертвец, до того похожий на вас, что можно было бы местами поменять. Кто он, Себастиан?

Огонек погас.

— Мертвец? — повторил Джон. — Мертвец?

— С ножом в спине.

Джон закрыл лицо руками и разрыдался.

Позднее, когда его отвели наверх и показали труп, даже приступ рыданий, охвативший Джона, и изменения облика покойника, вызванные насильственной смертью, не могли скрыть потрясающего сходства между ними. В этой неразберихе на ум Эллери пришел обрывок речи какого-то персонажа из «Двенадцатой ночи»: «Одно лицо, походка, голос тот же у двух людей!.. Две половинки яблока различней, чем вы…»

Это, конечно, объясняло многое из того, что озадачивало его все эти дни, но как раз такое объяснение он давно уже вывел в теории: близнецы. И все же, несмотря на подтверждение, находящееся у него прямо перед глазами, Эллери все еще силился попять. Близнец… близнец умер двадцать пять лет назад двух недель от роду. Выходит, сведения сержанта Вели были неверны? В это Эллери поверить не мог — смерть младенца с избытком подтверждалась документами и свидетельствами очевидцев. Нет, близнеца похоронили четверть века назад. И все же он был здесь — покойник, это верно, но, так сказать, совсем свежий, в остывающей плоти двадцатипятилетнего мужчины. Невозможно. Стало быть, несмотря на абсолютное сходство, мертвец не был близнецом Джона.

Но если это не близнец Джона, то кто же?

Ответ вспыхнул в мозгу Эллери одновременно с вопросом. И в то же мгновение он уже ругал себя за глупость: все ведь было так очевидно!

Это был второй близнец Джона.

— В ту ночь мать родила тройню, — устало сказал Джон, когда наконец удалось прекратить всеобщее умопомрачение и все вернулись в гостиную. — Я появился первым. При рождении второго мать умерла — это был тот брат, который умер через две недели и похоронен на кладбище Маунт-Кидрон. Третьего доктору Холлу пришлось извлекать из мертвого тела матери. — Джон дернул головой вверх. — Это был мой брат… наверху.

— Но я хочу знать… — начал Луриа.

— Позвольте, лейтенант, рассказать все мне, — сказал Джон. — А вопросы вы можете задать потом.

— Лучше я сначала объясню, как получилось, что никто не знал о существовании третьего брата. Доктор Холл и его жена не могли иметь детей. Они отчаянно хотели ребенка. И тут мой отец разбивает машину возле самого их дома, авария провоцирует преждевременные роды у матери, и судьба дает Холлам тот шанс, который бывает

раз в жизни.

— От борьбы за кусок хлеба и от бесплодия они устали и ожесточились. А тут богатая женщина рожает тройню. Отец оставался в гостиной и ни разу не заходил в спальню. А потом мать умерла во время вторых родов, и доктор Холл извлек третьего ребенка из мертвого тела. Холлам это показалось несправедливым — трое детей без матери и принадлежат человеку, которому придется нанимать посторонних для ухода, а они вот хотят ребенка и не могут иметь его… и они единственные во всем мире знают, что только что появился на свет третий ребенок. Холлы шепотом обсудили ситуацию над трупом моей матери, но так и не смогли решить, говорить отцу о третьем ребенке или нет.

Джон нахмурился.

— Когда доктор Холл вышел к отцу и сообщил ему о том, что его жена умерла, рожая второго ребенка, решать уже было нечего — к удивлению доктора, отец отказался признать второго ребенка и заявил, что он от него отказывается. Он так терзался угрызениями совести от того, что своим упрямством погубил жену, что бессознательно перенес свою вину на ребенка, которому довелось родиться как раз тогда, когда мать его умирала.

Доктор Холл решился — и ничего не сказав о третьем ребенке, попросил еще и второго. Отец согласился, сказал, что позаботится о его содержании, и ушел.

— Ой, Джон, — прошептала Расти, но Эллери заметил, что она несколько отодвинулась от Джона, как будто не могла примирить его живую близость с тем, что точное его подобие лежит наверху мертвым.

— Холлы были одновременно и напуганы и обрадованы. Не сообщив о ребенке и оставив его себе, Холл рисковал потерять лицензию., не говоря уже о том, что они с женой могли и за решетку попасть. Но они остались с двумя младенцами, на одного из которых имелось устное согласие отца. Они не вполне представляли себе, как выпутаться из такой ситуации. Затем, спустя неделю, доктор Холл прочел о смерти моего отца. Он навел справки и выяснил, что отец умер, не обеспечив второго сына, хотя и обещал это сделать, и не предпринял никаких юридических шагов в защиту ребенка и самого доктора, о чем Холл просил его. Доктор решил рискнуть и зарегистрировать в муниципалитете Маунт-Кидрон всех троих, в случае, если когда-либо понадобится получить свидетельство о рождении или

установить отцовство и имущественные права двоих детей. Но через неделю второй ребенок умер от пневмонии, что еще больше осложнило дело. Холлы похоронили его в Маунт-Кидрон и уехали с третьим ребенком в Айдахо, стараясь не оставлять никаких следов. Они так и не дали знать никому в Маунт-Кидрон о существовании третьего ребенка — даже врач, которого вызывал доктор Холл во время болезни и смерти второго ребенка, не знал о нем. Миссис Холл его прятала, и, даже уезжая в Айдахо, они тайком вынесли его буквально в корзине для белья.

Джон встал и налил себе изрядную порцию виски. Он одним глотком осушил стакан и даже не попытался вернуться и сесть рядом с Расти, словно чувствуя ее отчуждение и болезненно реагируя на него.

— Итак, они вывезли Джона на Запад, и до четырнадцати лет он считал себя их сыном…

— Джон? — спросил Эллери. — Почему ты назвал его Джоном?

— Потому что его так зовут. Точнее, звали. Еще до отъезда из Маунт-Кидрон, говоря о тройне, Холлы завели обыкновение называть их по номерам — Первый, Второй, Третий. Я для них был Первый, умерший младенец — Второй, а мой

брат… наверху — Третий. Более того, когда доктор Холл регистрировал наше рождение, он так и записал: Сын Первый, Сын Второй, Сын Третий. Потом, когда Второй умер и им пришлось подбирать имя Третьему, доктор Холл узнал, что меня назвали Джоном по отцу. Он решил назвать моего брата Джоном Третьим, смутно предполагая, что если у него будет такое же имя, как и у меня, то это как-то укрепит его связь с домом Себастианов. Так он стал Джоном Третьим, а я, следовательно, могу считаться Джоном Первым.

Джон подошел к камину и стал неотрывно смотреть на огонь.

— Он появился в моей квартире в Виллидж еще в сентябре. Я был совершенно ошеломлен. Я ни малейшего понятия не имел, что у меня есть брат-близнец.

Артур Крейг проговорил слабым голосом:

— Это… это невероятно.

— А представь себе, что я почувствовал, Артур. Само его потрясающее сходство со мной подтверждало его рассказ, но у него при себе были и документальные доказательства — оригиналы трех свидетельств о рождении, которые я представлю вам, лейтенант, письменные, под присягой взятые, заявление доктора Холла и мис-

сис Холл, составленное незадолго до ее смерти в 1921 году, и некоторые другие бумаги, которые начисто исключают возможность обмана. Естественно, я встретил его с распростертыми объятиями. Эллен, ты же знаешь, как мне всегда хотелось иметь брата. Он бы мне не помешал!

— Да, — пролепетала Эллен. — Не помешал бы.

— Итак, Джон рассказал мне все, а кроме того, еще и то, что, когда Холлы раскрыли ему тайну его происхождения, они начали вбивать ему в голову, что он имеет такие же права на наследство отца, как и я, и что когда оно перейдет ко мне — а доктор Холл приложил все усилия, чтобы узнать условия отцовского завещания, — их Джон должен будет объявиться и потребовать свою долю. Джон вырос с сознанием того, что это и есть его жизненная цель. Жизнь у него была нелегкая, поскольку Холлы всегда были бедны — либо Холл был плохим врачом, либо нехорошо себя вел у постели больного и тому подобное. Во всяком случае, им едва удавалось сводить концы с концами, а Джону Третьему приходилось заниматься самообразованием и работать, как волу, чтобы как-то прожить. Можете себе представить, каким гадом я себя почувствовал, узнав все это. Я-то роскошествовал. Я заверил брата, что он

получит свою половину наследства без всяких препятствий и проволочек.

— Конечно, конечно, — простонал Крейг. — Но почему, Джон, ты мне не сказал об этом?

— Артур, я собирался. Но потом я подумал, как было бы здорово, если бы мы с братом сохранили это в тайне на несколько месяцев. Помнишь, как давно мы затеяли этот праздник — еще в начале ноября, и тогда же я решил, что будет просто гениально, если шестого января, когда я получу наследство, опубликую стихи и женюсь на Расти, я ко всему этому еще и ошарашу вас Джоном.

Джон снова отвернулся.

— И, значит, Джон согласился, что это потрясающая идея; и тогда мы вышли и закупили ему по точной копии всего, что есть в моем гардеробе, а я ввел его в курс дела относительно всех моих знакомых. И он несколько месяцев, втайне от всех, жил со мной в Нью-Йорке. Иногда мы устраивали сами себе проверки и менялись местами. Трюк срабатывал просто замечательно. Однажды он даже пришел вместо меня на свидание с тобой, Расти, — это было нечто вроде выпускного экзамена. Мы решили, что если уж сможем провести тебя, то проведем кого угодно.

— Как ты был прав, Джон, — спокойно сказала

Расти. — И как я обманулась. Любопытно, какого числа это было?

— А я? — взволнованно спросил Крейг. — Ты и меня одурачил, Джон? То есть выдал своего брата за…

— Ну конечно, Артур. Я и тебя хотел удивить. Помнишь День Благодарения? Он тогда был здесь со мной. Не понимаю, что вы все так на меня смотрите? — недовольно сказал Джон. — Ладно, допустим, сейчас все это кажется ребячеством, но в то время это представлялось занятным. В общем, как бы то ни было, я привез сюда весь наш двойной гардероб, тайком, привел сюда Джона Третьего, когда сам приехал на Рождество…

— И начались забавы, — сказал Эллери. — Например, эта шуточка с Санта-Клаусом в рождественское утро?

Джон слабо улыбнулся.

— Вот именно. Это был Джон Третий в костюме, который мы купили в Нью-Йорке. Замысел был такой, чтобы всех мистифицировать и, так сказать, расшевелить общество. Джон все время скрывался в моей комнате, я потихоньку носил ему еду, или же он устраивал налет на холодильник поздно ночью. Мы спали в моей огромной постели, а если кто-то заходил, ему достаточно

было нырнуть в один из больших шкафов. Одеваться мы старались совершенно одинаково и не оказываться в одном месте одновременно. Потому-то вы так и не нашли его, пока искали. На самом же деле вы за эти двенадцать дней его десятки раз «находили», но принимали за меня. Ну и хохотали же мы!

— Э-э, Джон, — Дэн Фримен откашлялся. — В прошлый понедельник один из вас беседовал со мной здесь, в гостиной. Беседа носила довольно личный характер. Это были вы?

Джон покачал головой.

— Должно быть, брат. Иногда он так погружался в атмосферу этого розыгрыша, что начинал действовать самостоятельно. А что, мистер Фримен? О чем вы говорили?

— Нет, Джон, ни о чем существенном, — тихо сказал издатель и откинулся в кресле.

— Кстати, Джон, — спросил Роланд Пейн. — В прошлый четверг у меня был, э-э, тоже разговор столь же личного свойства с… Это тоже был ваш брат?

— Скорее всего.

— Он вам об этом не упоминал?

— Нет, мистер Пейн.

Пейн тоже откинулся в кресле и взял стакан

дрожащей рукой.

— А драка в летнем домике? — неожиданно спросил Мариус Карло. — Вот, значит, почему ты — или он — ничего о ней не мог вспомнить. Там был другой!

Он залпом выпил полстакана виски с содовой.

— Это было подстроено. — Джон улыбнулся. — Мы оба там были.

— А разговор со мной в конюшне? — Ноздри Вэл Уоррен затрепетали. — Я даже не желаю знать, кто из вас там был. Такая пакостная шуточка!

Расти холодно заметила:

— Я согласна с тобой, Вэл.

— Ладно, ладно, — сдался Джон. — Это была ошибка. Теперь я это понял.

— А ежевечерние рождественские подарки со стишками? — еле слышно проговорил Эллери. — Это тоже часть вашей игры в музыкальные стулья?

— О, господи, нет, — раздраженно сказал Джон. — К этому ни один из нас не имеет ни малейшего отношения. Каждую ночь, лежа в постели, мы это обсуждали со всех сторон. Я так ничего и не понимаю.

— Кроме того, что под конец ваш брат получил последний подарок прямо в спину, — сказал лей-

тенант Луриа.

Все вздрогнули, включая Джона. Они и забыли, что Луриа тоже здесь.

— Да, — пробормотал Джон. — Та еще шуточка.

— Вы не знаете, кто его пырнул?

— Нет, лейтенант. Но очень хотелось бы.

— А теперь скажите вот что. — Лейтенант сделал шаг вперед. — Этот старик, которого нашли в библиотеке и тоже с ножом в спине. Который из вас впустил его в дом? Вы или ваш брат?

— Что вы хотите сказать? — запинаясь, произнес Джон. — Я ничего о нем не знаю. Я вам уже десять раз говорил.

— Я знаю, что вы мне говорили. Но я задаю вопрос сейчас, Себастиан, вы не вводили его в дом?

— Нет!

— Вы не знаете, как он сюда попал?

— Конечно, пет!

— Вы даже не знаете, кто он такой?

— Нисколечко!

— Ну, с этим я вам, возможно, помогу. Сегодня вечером мы как раз получили подтверждение. Я уже собирался уходить, когда позвонил Девоу. Хотите знать, как звали этого старичка?

Джон весь залился краской.

— Послушайте, лейтенант, я не настроен на

дальнейшие игры. Разумеется, я хочу знать его имя! Ну, и как же его звали?

— Доктор Корнелиус Ф. Холл.

— Наверное, мой брат ввел его в дом, — прошептал Джон Первый. — Кроме него, никто здесь не знал Холла. И даже не сказал мне! Ни словом не обмолвился!

Теперь-то я знаю, почему он так позеленел тогда, когда я дал ему спуститься вниз вместо себя, чтобы он мог посмотреть на труп старика. Почему же он не сказал мне? Боялся, видимо.

— И было чего, — сказал Луриа сухо. — Ведь если никто, кроме него, не знал Холла, то ни у кого и причин не было ткнуть его ножичком в спину, так? Вот и выходит, что Холла убил ваш брат. Как по-вашему?

— Не знаю, — произнес ошеломленный Джон. — Это невероятно. Зачем? Он всегда говорил о докторе Холле с большой симпатией.

— Да, — сказал Луриа. — А все же, может быть, старый Холл решил, что ему не помешала бы часть доли вашего брата — или, может, у них с самого начала был такой уговор. А тут ваш братец взбрыкнул и пришил старичка. Такое возможно, а, Себастиан?

— Не знаю я, — повторил Джон. — Тогда выхо-

дит, что мой брат — настоящее чудовище. Я не могу в это поверить.

— Лейтенант, — сказал Эллери.

— Да, Куин?

— Если Джон Третий убил доктора Холла, то кто убил Джона Третьего?

— Ну вот, — сказал лейтенант Луриа. — В самую точку попал, братец. Я всего-навсего заурядный сыщик, который хочет хоть как-то разобраться в этом сумасшедшем деле. Ничего не сходится! Ну ничего! — Он отвернулся и тут же резко развернулся обратно. — И вот еще что, Себастиан. Вы утверждаете, что вы с братом изрядно здесь веселились, доводя всех до умопомрачения. А потом никому якобы не ведомого старичка прирезали на ковре в библиотеке… а вы все продолжали свои забавы? Вы рассчитываете, будто я поверю, что два невиновных человека станут продолжать свои детсадовские игры в такой ситуации?

— Мы и хотели прекратить, лейтенант, — нетвердо ответил Джон. — Именно это мы и обсуждали. Но брат, по-моему, был настроен продолжать, по крайней мере, пока мы не узнаем, что к чему… подарки каждый вечер… убийство…

— Ваш брат, — сказал Луриа. — Интересно получается: всякий раз, когда кто-то из вас делал

что-то мерзкое или подозрительное, это всегда оказывался ваш брат. По вашим словам так выходит.

— Это возмутительно, Луриа! — закричал Джон. — Не хватало вам еще обвинить меня в убийстве брата!

— А в этом что-то есть, — произнес неколебимый Луриа. — Почему бы и нет? Вы ведь могли разыграть спектакль для бедняжечки Джона Третьего, особенно, узнав о том, что он претендует на половину ваших миллионов, а по вашим собственным словам, даром лицедейства вы наделены в полной мере. И вот вы водите его за нос, заманиваете сюда под предлогом веселой игры в двойников, которая позабавит гостей, а когда вы уже все подготовили — тут-то он у вас и получает то, что ему причитается.

— Зачем бы мне так поступать? — завопил Джон. — Да если бы я хотел убить брата, я мог бы заманить его в какой-нибудь темный закоулок в Нью-Йорке или спихнул бы с причала. И уж в самую последнюю очередь повез бы сюда!

— Что вы на это скажете, лейтенант? — дружелюбно спросил Эллери.

Луриа развел руками.

— Кстати, — продолжал Джон в каком-то ли-

хорадочном возбуждении. — Мне только что пришло в голову… зачем вообще кому угодно из присутствующих убивать моего брата? Никто ведь и не знал о его существовании. Неужели непонятно? — Джон перешел на крик. — Ведь эти подарки и стихи были адресованы мне — именно мне угрожали с самого начала праздников. И кто бы ни пробрался сегодня в мою спальню, он увидел брата, который сидел там, похожий на меня как две капли воды и одетый точь-в-точь как я, — и он воткнул кинжал в спину брата, думая, что это я!

Лейтенант Луриа в замешательстве посмотрел на Эллери.

— А знаете, — задумчиво произнес Эллери, — это очень похоже на правду. По-моему, Джон уловил весьма важный момент. Но это же предполагает одну любопытную возможность.

— Какую?

Эллери обратился к Джону Себастиану.

— Ты утверждаешь, что ты Джон — тот самый Джон, которого воспитал мистер Крейг, которого полюбила Расти, который написал стихи, опубликованные мистером Фрименом, тот Джон, которого мы все знаем, то есть Джон Первый?

— И ты говоришь, что покойник наверху —

твой близнец, который вырос в Айдахо у доктора Холла, объявился в Нью-Йорке несколько месяцев назад и открылся тебе, — то есть Джон Третий?

— И что?

— И что я хотел бы знать, — добродушно сказал Эллери, — так это следующее: а почему не может быть наоборот?

Джон был озадачен.

— Что?

— До сих пор я от тебя не слышал и не видел ничего такого, что могло бы доказать, что ты — Джон Первый, кроме ничем не подкрепленного твоего утверждения, что это так. Поэтому я тебя спрашиваю: как мы узнаем, что убит не Джон Первый? Как мы узнаем, что ты не Джон Третий?

Все в гостиной раскрыли рты.

Джону удалось прикрыть свой рот ровно настолько, чтобы успеть, задыхаясь, вымолвить:

— Ты спятил!

— Разбираясь в этом деле, мне частенько казалось, что так было бы даже лучше, — кивнул Эллери. — Но в отсутствие подтверждающих доказательств мое соображение достаточно интересно — независимо от того, спятил я или нет, не так ли? Теперь понимаешь, какую игру вы с братом затеяли?

— Ведь если ты на самом деле Джон Третий, у тебя был мотив убить брата, причем довольно веский. Ты нам сам говорил, как озлоблен был в течение многих лет Джон Третий тем, что его лишили всего добра, оставленного твоим отцом. Такое настроение вполне могло породить убеждение, что, раз уж признанный брат единолично пользовался отцовским имуществом двадцать пять лет, то теперь будет только справедливо, что им единолично воспользуется брат отвергнутый. Не делить основную часть наследства с братом, а забрать все себе. И тогда Джон Третий убивает Джона Первого… а затем утверждает, что он-то и есть Джон Первый и ни на кого обиды не таил.

И с долей печали Эллери спросил:

— Джон, можешь ли ты сказать нам что-нибудь такое, что однозначно доказало бы, что все мною сказанное — не более чем бред сумасшедшего?

...И после

Глава Шестнадцатая, в которой происходит много шуму, но отнюдь не из ничего, усилия любви бесплодны, а в трагедии ошибок все нехорошо

Джон клокотал.

— Конечно же, я могу доказать, что я — это я! Подобной чепухи...

Он начал безумно озираться, но тут взгляд его упал на собственную правую руку, и он с торжествующим видом поднял ее.

— Вот! Самое несомненное доказательство. Я в пятницу вывихнул запястье, так ведь? У кого есть ножницы? Доктор Сэм, снимите мне бинты!

Доктор Сэм поднялся и молча разбинтовал руку Джона, который в течение этой процедуры гневно, презрительно и гордо смотрел на Эллери — так смотрит обиженная скаковая лошадь. Открылось смазанное йодом, распухшее запястье.

— Это ваша работа, доктор Сэм? — спросил Джон.

— Определенно. — Доктор Дарк посмотрел на

Эллери и поспешно добавил: — То есть определенно, что очень похоже.

— О, господи, — простонал Джон. — Посмотрите, это же вывихнутое запястье, не так ли?

— Да, скорее всего…

— А я вывихнул его в пятницу! Загляните к брату под бинты, лейтенант. Увидите, что там ничего нет. Его правое запястье в полном порядке!

— Эту новость я хотел приберечь, — пробурчал лейтенант Луриа. — Доктор Теннант снял бинт. По его словам, никаких признаков недавнего вывиха, опухоли нет, и йодом, как у вас, не смазано.

— Ну вот, — Джон посмотрел на Эллери прямотаки убийственно. — Доволен?

— Не совсем, — сказал Эллери. — И вот почему. Ты утверждаешь, что ты Джон Первый. Так?

— Так!

— И ты утверждаешь, что ты, Джон Первый, скакал в пятницу по снегу, свалился с лошади и вывихнул запястье. Так?

— Да, так!

— А теперь ты предъявляешь это вывихнутое запястье, тогда как у твоего брата никакого вывиха нет. Пока все верно?

— Абсолютно!

— Ну и что ты этим доказал? То, что требуется доказать — что ты Джон Первый, — так и остается твоим утверждением. Разве не ясно, что вопрос не в том, кто из вас вывихнул запястье, а в том, вывихнул его Джон Первый или Джон Третий. Ты доказал, что ты действительно тот брат, которого сбросила лошадь. Но мы все еще не знаем, кто ты такой.

Джон резко сел, но потом поднял голову.

— Отпечатки пальцев! Отпечатки не врут! Скажите, доктор Сэм, ведь у нас с братом будут разные отпечатки?

— Да. Отпечатки близнецов похожи, но всегда имеются легко обнаружимые различия.

— Прекрасно, — запальчиво сказал Джон. — Тогда снимите отпечатки с меня, с него и…

— И что? — с грустью спросил Эллери. — Сравнить их? Что же, отличия обнаружатся, но вопрос-то останется — какие отпечатки принадлежат Джону Первому, а какие — Джону Третьему?

— Но моя квартира в Нью-Йорке… — Джон запнулся. — Моя спальня наверху…

— И тут, и там будут отпечатки вас обоих. — Эллери кивнул. — И невозможно сказать, какие кому принадлежат. Ты ведь сам говорил нам, что вы с братом жили вместе в Нью-Йорке несколько

месяцев, да и здесь, после приезда на Рождество, пользовались одними и теми же вещами. Тебя когда-нибудь арестовывали по подозрению в уголовном преступлении?

— Разумеется, нет, — с негодованием ответил Джон.

— А брата?

— Насколько я знаю, нет.

— Какое-нибудь правительственное ведомство снимало с тебя отпечатки? Вообще, кто угодно? По какой угодно причине?

— Нет.

— А с брата?

Джон задумался.

— Он об этом не упоминал.

— В тех документах, которые он, по твоим словам, привез с собой — свидетельство о рождении и прочее, — в них есть отпечатки, младенческие, например, или отпечатки ступни?

Джон покачал головой.

Доктор Дарк в унисон покачал своей.

— В 1905 году у новорожденных, мистер Куин, отпечатков не брали.

Эллери вздохнул.

— Тогда отпечатки пальцев нам не помогут. Хорошо бы найти какой-нибудь принцип…

Операции! Джон, тебе когда-нибудь делали операцию?

— Нет.

— Да! — сказал доктор Дарк. — Я собственноручно удалил Джону — нашему Джону — гланды, когда ему было пять лет. Лейтенант, если вы не против…

— Если вы мне скажете, кто есть кто, я вам разрешаю его хоть наизнанку вывернуть, — устало сказал лейтенант Луриа.

Доктор Дарк устремился к Джону, на ходу извлекая из жилетки узенький врачебный фонарик.

— Открой рот и высунь язык.

Он прижал фонариком язык Джона, и лицо его расплылось в улыбке облегчения.

— Никаких гланд. Это и вправду наш Джон!

— Слава Богу! — сказал Артур Крейг, утирая лицо.

— Минуточку, — сказал Эллери.

— Что еще! — прокричал Джон.

— Лейтенант, судебный медик еще там, наверху?

— Закончил, но еще не ушел.

— Спросите у него, есть ли у покойника гланды?

Луриа произнес нечто не вполне пристойное и

выскочил. Через три минуты он вернулся.

— Там тоже нет гланд.

Все снова принялись грызть ногти.

— Лейтенант, а шрамы от операций, родимые пятная и прочее есть? Что говорит Теннант?

— При поверхностном осмотре ничего такого не обнаружено.

— Джон, а у тебя что-нибудь подобное есть?

Джон пробормотал:

— Не имею счастья.

— Начнем сначала. — Эллери глубоко задумался. — Конечно же! Зубы. Ваши дантисты — то есть дантист Джона Первого в Нью-Йорке или Джона Третьего в Айдахо, — могут в пять минут все решить.

— Мне зубы не лечили, — загробным голосом сказал Джон. — Так, иногда, профилактический осмотр. Разве что у брата…

— Тоже нелеченые, — столь же глухо сказал лейтенант. — Теннант ему и в рот заглядывал.

— Естественно, — с хмурой миной произнес доктор Дарк. — У моего Джона с самого младенчества были исключительно здоровые и крепкие зубы. Неудивительно, что у его брата тоже. У идентичных близнецов строение зубов одинаковое.

— И группа крови тоже одинаковая, я полагаю? — негромко спросил Эллери.

— Да.

— Строение костей, размеры черепа?

— Настолько сходные, что если в Айдахо или еще где-нибудь и найдется рентгенограмма Джона Третьего, все равно по ней не определить, кто есть кто. С нашей стороны, насколько мне известно, никогда не было надобности делать рентген.

Наступила тишина. Нарушил ее, как ни странно, Дэн З. Фримен.

— Позвольте внести предложение… Помимо отпечатков пальцев, самый очевидный способ различить двух похожих людей — сверить их почерк. Скажите, доктор, воздействие внешних факторов существенно сказывается на почерке?

— Пожалуй, мистер Фримен, хоть мы и не очень знаем, как такое различие сказывается у близнецов.

— Почему бы в таком случае не сравнить их почерки? Должно же сохраниться достаточно образцов почерка каждого из братьев до того, как они встретились, — сказал издатель. — И этому Джону достаточно всего лишь…

— …что-то написать с распухшим запястьем, вроде тех каракуль на дарственных книгах? —

Эллери покачал головой. — Когда один брат не может писать из-за трупного окоченения, а другой — из-за, так сказать, окоченения нетрупного, вряд ли сверка почерков даст удовлетворительный результат, по крайней мере, в ближайшее время. А я жажду добиться определенности уже сегодня. Тому есть множество причин, главную из которых зовут Расти Браун.

— Мне уже все равно, Эллери, — сказала Расти. — Я сейчас так себя чувствую…

— Да? — Джон сверкнул глазами в ее сторону. — Как же ты себя чувствуешь, Расти? Я полагаю, что ты тоже не веришь мне!

— Братья Себастианы однажды решили одурачить меня, и им это удалось. Помнишь, сам об этом с какой гордостью говорил недавно? — Расти полыхнула глазами в ответ. — Я не могу ни верить, ни не верить тебе. Я просто не знаю. Пока я не…

Джон процедил сквозь зубы:

— Ты хочешь сказать, что передумала? Отменяешь свадьбу?

— Этого я не говорила. И я не намерена обсуждать такие личные вопросы в присутствии такого множества людей. К тому же я в полной растерянности. Не знаю, что и думать. Оставь

меня в покое!

Расти зарыдала и выбежала из комнаты.

— Оставьте ее в покое! — воскликнула Оливетт Браун и выбежала вслед за дочерью.

— Ты… дублер! — воскликнула Вэл Уоррен и выбежала вслед за Оливетт.

Мистер Гардинер ничего не сказал, по тоже вышел.

Лейтенант Луриа злобно оглядывал каждого выходящего, и его бессилие внушало страх. Эллери похлопал его по плечу.

— Успокойтесь, лейтенант. Пока у него рука не поправится, нам никуда не продвинуться, и лучше с этим примириться.

Он посмотрел на Джона, который с холодно-отрешенным видом наливал себе огромную порцию виски.

— Интересно, Джон, быстро ли пойдет выздоровление? Если ты — Мальчик Номер Раз, как ты утверждаешь, то мы будем свидетелями рекордно быстрого заживления вывиха. Но если ты Джон Третий, переодевшийся Джоном Первым, то меня ничуть не удивит, если у тебя начнется целая полоса всяких происшествий, каждое из которых будет препятствовать выздоровлению.

— Между нами, мистер Куин, все кончено — ка-

пут! — сказал Джон. — Настоящим уведомляю, что порвал с вами дипломатические отношения. Развлекайтесь своими головоломками в другом месте. Тьфу на тебя, и во веки веков! — И он, не сморгнув, осушил шесть унций виски.

Эллери принял философический вид.

— Однако, лейтенант, со временем вся путаница с установлением личности разрешится. И тогда…

— Знаю, — сказал Луриа. — Тогда-то и начнутся мои неприятности. Знаете, Куин, что я думаю об этом деле?

Эллери покосился на Эллен, которая сидела рядом с дядей, застыв как мумия.

— А вы можете сказать это в присутствии дамы?

— ЧЕРТАЛЫСОГОСДЬЯВОЛОМНЕТ!! — взревел Луриа и с шумом вылетел из гостиной.

Из дома Крейга гостей не выпускали еще тридцать шесть часов. Меняющиеся группы полицейских допрашивали всех по очереди, снова и снова, пока и у измученных подозреваемых, и у самих следователей ум за разум не зашел от усталости. Луриа гонял всех, включая себя, без всякого снисхождения. Но все-таки лейтенанту, сделавшемуся совсем похожим на висельника,

пришлось их всех отпустить.

Эллен попрощалась с Эллери, когда тот, вконец опустошенный, сидел за баранкой своего «дузенберга» в подъездной аллее крейговского дома. Еще давно он предложил подвести ее до Уэлсли, но она отказалась.

— Мне жаль, что все так неудачно вышло, Эллери, — заметила Эллен.

— Я вас понимаю.

Тут Эллен улыбнулась, как Мона Лиза, и сказала:

— Неужели?

Эллери проехал полпути до Манхэттена, прежде чем понял, что она имела в виду.

В общем, получилось так, что и не понадобилось дожидаться, пока у оставшегося в живых брата заживет рука, чтобы определить, который он по счету. В этом замысловатом деле все сомнения разрешили два парикмахера, находящиеся друг от друга на расстоянии в две тысячи миль. Одноглазый парикмахер из Миссулы, штат Монтана, где располагается университет этого штата, высказал свое авторитетное суждение по поводу Джона Третьего, а его усатый коллега, отец одиннадцати детей и владелец полуподвального парикмахерского салона на улице Мак-Дугал

в Гринвич-Виллидж, город Нью-Йорк, дал того же достоинства показания относительно Джона Первого.

Первый шаг к разгадке сделал, по общему мнению, сам оставшийся в живых брат (Эллери, как и все прочие, узнал об этом из газет), которому невольно поспособствовала симпатичная дипломированная медсестра Винифред (Винни) Винкл, во время дежурства которой в палате скорой помощи больницы Верхнего Вестчестера в Гилденстерне, штат Нью-Йорк, и был доставлен пострадавший.

А было вот что: после того как невеста Джона (Первого) Себастиана Расти Браун отбыла из резиденции Крейга с красными от слез глазами, оставшийся в живых Джон Себастиан уединился в своей спальне (тело брата было к тому времени уже перевезено в морг) с непочатой квартой виски «Мериленд Пэнтер» (непонятным образом затесавшейся в безупречный погребок Артура Бенджамина Крейга) и, набрав должные обороты, попытался (как он сам впоследствии объяснил лейтенанту Луриа в больнице) повторить новогоднее достижение трехмоторного «фоккера» в Кливленде, когда был установлен рекорд скорости для самолетов серийного производства,

составивший 203 мили в час. При этом, однако, наш герой потерпел аварию и. пролетев вниз целый лестничный марш, совершил приземление на одну точку (на голову) на стыке балясины перил и двери в прихожую.

На месте происшествия элдервудскому Икару была оказана первая помощь сержантом Стэнли («Збышко») Девоу и мистером Артуром Бенджамином Крейгом, после чего он был немедленно доставлен в больницу Верхнего Вестчестера, куда он прибыл (как впоследствии выразился в своем интервью сержант Девоу) похожим скорее на только что забитого бычка, чем на человека. Интерн провел первичный медицинский осмотр и установил, что причиной кровотечения является рваная рана кожного покрова головы, и отдал распоряжение медсестре Винкл сбрить пациенту волосы в области раны, пока сам он готовится к наложению швов. К тому времени прибыли, независимо друг от друга, доктор Самсон Дарк и Луриа. И тут, как раз когда доктор Дарк принимал пациента у интерна, лейтенант Луриа услышал, как сестра Винкл оживленно заметила: «О-ой, и не понравится же ему, бедненькому, что вылезло это уродливое пятно!»

Все последующее — достояние истории. Па-

циент, придя в сознание и страдая всего лишь головпой болью с похмелья, да еще некоторой ломотой в костях, выслушал сообщение лейтенанта Луриа о родимом пятне на собственной голове и поклялся со всем доступным ему в таком состоянии пылом, что об этом пятне ни малейшего понятия не имел, поскольку волосы у него от природы густые, а привычка заглядываться на себя в зеркало, уподобляясь Нарциссу, ему не свойственна. Доктор Дарк, почти с рождения наблюдавший его, и мистер Крейг, его многолетний опекун, также отрицали, что знают что-либо о пятне, поскольку ни у одного из них не было надобности сколько-нибудь скрупулезно исследовать пациента ни в детском, ни во взрослом возрасте. Лейтенант Луриа срочно позвонил судебному медику доктору Теннанту и столь же срочно отбыл в морг, куда с не меньшей поспешностью прибыл и доктор Теннант. Доктор Теннант затребовал бренные останки Джона (Первого или Третьего) Себастиана, внимательно исследовал голову покойного в области, указанной лейтенантом, и торжествующе заявил последнему: «У этого родимого пятна нет!»

Тот факт, что пятно имелось только на голове живого Джона, тогда как в случае идентичных

близнецов можно было бы ожидать, что аналогичное пятно обнаружится и у второго брата, а также более тщательный осмотр самого пятна после снятия бинтов побудили доктора Дарка предположить, что это не настоящее «naevus», а, вероятнее всего, следы от щипцов, которые наложил врач, принимавший роды.

Следующая глава была вписана Фаустино Куанчи, благословенного многочисленным потомством брадобрея из Гринвич-Виллидж, которого по внезапному наитию распорядился разыскать лейтенант Луриа. Мистер Куанчи стриг и брил Джона Первого с тех пор, как наш наследник дома Себастиана поселился в Виллидж в 1925 году. Да, он, Куанчи, стричь волоса маэстро Себастиано четыре года, персоналементе. Пятно на голова? Да, Куанчи видеть пятно с перво разо, как маэстро Себастиано сесть в кресло. На голове где? Вотто тутто (показывая волосатым пальцем на голове лейтенанта Луриа). Какое пятно? Вот тако размеро. Тако формо (рисуя карандашом на полях газеты).

Следовательно, живой Джон — это Джон Первый.

Успех не вскружил голову лейтенанту Луриа. Как ни оценивать его достижения в этом деле,

нельзя сказать, чтобы он ошибался в сторону недостаточной проверки фактов. Лейтенант Лурия добился начала официального расследования в штате Айдахо. След привел на западный склон Большого Перевала, в университет штата Монтана в Миссуле, штат Монтана, где Джон Третий прожил четыре года. Парикмахерам университетского городка было предъявлено фото Джона Третьего из его студенческого личного листка. Парикмахер Кларенс Родней Пик прекрасно помнил Джона Третьего. «Этот сукин сын чуть было не обрюхатил мою младшую сестренку Мирабел. Стригся у меня, чтоб к ней подобраться, всегда в мое кресло садился. Пока я не понял, что у этого гада на уме, тогда я ему так говорю — ты, говорю, осквернитель чести монтанских женщин, попробуй только сядь еще в мое кресло, я тебе твою чертову айдахскую глотку перережу. Так что с тех пор стричься он ходил к мяснику Уормсеру. Пятно на голове? Не было такого. Может, я и не заметил, да только я у этого гаденыша все примечал. И не смотри, браток, что у меня один глаз. Я им в оба вижу, ха-ха-ха!»

Следовательно, и по положительным и по отрицательным данным, мертвый Джон — это Джон Третий.

Последующее сопоставление почерков по не вызывающим сомнения образцам руки Джона Первого и Джона Третьего, проведенное, когда вывихнутое запястье живого брата приобрело нормальные размеры, совершенно однозначно подтвердило, что живой Джон говорил правду, по крайней мере, относительно своей персоны.

Тогда это выглядело как решающая победа сил законности и порядка, но, когда восторги несколько поостыли, выяснилось, что проведенное отличие Джона Первого и Джона Третьего никому, кроме самого Джона Первого, ничего не дает. Оно определенно ничего не дало ни лейтенанту Луриа, ни его преемнику, когда лейтенант был весьма безапелляционно переведен на другую должность, а также и их начальству. Загадка — кто же все-таки воткнул нож в старого доктора Корнелиуса Ф. Холла в библиотеке Артура Крейга — по неразрешимости своей состязалась с другой — кто оказал аналогичную дурную услугу Джону (Третьему) Себастиану в его спальне десять дней спустя. Улик попросту не было. Не было не только непосредственных материальных данных, но даже и всякие теоретические построения постепенно увяли, поскольку подпитывать их было нечем.

В надлежащее время Джон Себастиан вступил в права наследования. (Об этом Эллери также узнал из газет.) Поскольку он был подлинный Джон (Первый) Себастиан, тот самый «мой единственный сын Джон», названный в завещании отца, никаких юридических затруднений при этом не возникло. И на фоне гранитной неколебимости этого факта жизнь и смерть его брата представлялись чем-то вроде пролетевшего гусиного перышка. Как присяжный поверенный Пейн заметил Артуру Крейгу в частной беседе, даже если бы Джон Первый убил Джона Третьего, и это удалось бы доказать, все равно права Джона Первого на наследство остались бы неоспоримыми. По условиям завещания, Джон Третий не имел никаких прав на наследство, а стало быть, и лишиться их не мог. Более того, как с мстительным удовольствием добавил мистер Пейн (он давно уже решил, как и мистер Фримен, что шантажировал их определенно Джон Третий), в том, что касается условий завещания или самого факта отцовства, то Джона Третьего могло бы с тем же успехом и вовсе не быть.

У этой истории был и побочный результат, за которым Эллери следил с сочувствием. Это была судьба романа Джона Себастиана с Иоландой

(Расти) Браун. Роман этот как бы развивался в обратную сторону и закончился ничем. Мисс Браун в сопровождении матери отправилась в Калифорнию «в поисках новых идей» на неопределенное время. Перед этим она имела двенадцатиминутную беседу при закрытых дверях с Джоном Себастианом. Когда она вышла, бледная, но гордая, репортеры заметили, что «кольца дружбы» с бриллиантом, украшавшего ранее безымянный палец левой руки мисс Браун, более там не было. Хотя мисс Браун (равно как и мистер Себастиан) отказались от каких-либо комментариев, в прессе, не сильно рискуя ошибиться, сделали вывод, что эта пара расторгла помолвку; когда же мисс Браун отправилась в Лос-Анджелес, так и оставшись мисс Браун, стало почти очевидно, что брачной церемонии «Браун — Себастиан» не будет вовсе.

Пресса не ошиблась.

Что же касается дела о двойном убийстве (все предполагали, что убийство доктора Холла и убийство Джона Себастиана связаны между собой, хотя дело это было настолько запутанным, что никто не удивился бы, если бы вышло иначе), никакого решения официально предложено не было, никто не был арестован ни за одно из

убийств, ни за оба, и дело это так и осталось в папке с пометкой «Открытое», пока сама папка не истлела.

Официально преступление не раскрыто и по сей день.

Для мистера Эллери Куина — Куина-младшего — период, последовавший за «делом Себастиана», был одним из самых мрачных в жизни.

Даже свет отцовской любви инспектора Куина не мог рассеять этот мрак. Эллери день и ночь ходил из угла в угол или же долго и тупо смотрел в стенку. Он едва притрагивался к пище, отощал и одичал. Друзья перестали узнавать его.

На него не мог повлиять и профессиональный опыт инспектора Куина. Отец и сын до бесконечности обсуждали это дело — каким образом подставили под удар невиновного, кто бы мог это сделать, как выйти на настоящего преступника, — но так ни к чему и не пришли.

В конце концов мрак рассеялся — по крайней мере, в душе мастера Куина-младшего, — и другие дела стали привлекать его интерес и умение видеть очевидное и делать правильный вывод. Он раскрывал преступления, он писал книги. Он даже прославился. Но он ни на мгновение не забывал, какую неудачу он потерпел в своем

втором — а фактически первом — расследовании убийства. Из памяти его давно ушли все подробности этого дела, но воспоминание о самой неудаче жило. Как стригущий лишай, остановленный, но не излеченный до конца, оно напоминало о себе, свербя под кожей.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Задачка для читателя, на которую читателей почтительнейше просят обратить внимание
В современной детективной литературе можно часто ставить читателя в положение главного сыщика... В этой части повествования... вполне уместно некоторое отступление, в котором читателю непосредственно бросают вызов... Внимательный читатель детективных произведений, располагая теперь всеми... фактами, на этом этапе повествования уже определенно пришел к каким-то выводам... Решение — или доля решения, достаточная для того, чтобы безошибочно назвать виновного из числа действующих лиц, — можно получить через ряд логических построений или психологических наблюдений...

«Загадка цилиндра»

Двадцать семь лет спустя: лето 1957 года

Глава Семнадцатая, в которой у мистера Куина случается серьезный приступ ностальгии и возникает фатальное искушение воскресить прошлое.

Стоял великолепный, по манхэттенским меркам, летний день. Утром температура была 72 градуса по Фаренгейту, влажность — 33 процента, а барометр, не колеблясь, стоял на отметке 30,05. Было тепло, сухо, свежо от прибрежного ветерка, голуби порхали вокруг окон, выходящих на улицу, и мальчишки гоняли мяч на 87-й Западной под ледяной звон тележки мороженщика, в нескольких кварталах к востоку манил Центральный парк, на западе и на востоке призывно струились реки, и что-то разнеженно шептали пляжи на севере и на юге… «Как раз тот самый день, — подумал Эллери, — который недобрая матушка Природа состряпала специально, чтобы сжить со свету всю породу прикованных к стулу, машинке и квартире идиотов, возомнивших себя писателями».

Он уже почти два часа трудился за своей роскошной электрической машинкой — а предъявить мог лишь листок желтой бумаги, замаранной пятью с половиной строчками отнюдь не бессмертной прозы, состоящей из 53 слов, 21 из которых он, напечатав, забил буквой Х.

«Энергии нет, — подумал Эллери, опустив голову. — Витаминов мне не хватает, заторможенный я какой-то. Мне бы все в одну дуду дудеть. У меня уж тридцать романов за плечами — так на что мне тридцать первый? Вон Бетховену и девяти симфоний хватило».

С некоторой тревогой он осознал, что стареет. Эта мысль столь безгранично завладела им, что он немедленно напечатал еще две с половиной строчки, не прибегая к букве Х даже для вымарывания опечаток. Но затем его снова охватило сознание тщетности всего этого, он опять повесил голову и неожиданно для самого себя пожелал, чтобы поскорей наступил полдень, и можно было бы сделать себе «кровавую Мери», не отступая от приличий.

В этот момент зазвонил телефон. Эллери прямо-таки прыгнул к нему.

— Эллери Куин слушает!

Говорил низкий мужской голос, дрожащий от

волнения.

— Мистер Куин, спорим, что не догадаетесь, кто говорит?

Эллери вздохнул. Как раз то самое начало разговора, которое неизменно портило ему настроение в минуты наибольшей восприимчивости.

— Я никогда не спорю, друг мой, и тем более, не гадаю. Кто говорит?

— Стэнли Девоу, — сказал голос и, не получив ответа, с надеждой добавил: — Девоу. Помните?

— Девоу? Девоу… Нет, — сказал Эллери. — Не припомню. Когда мы познакомились?

— Давным-давно. Может быть, вспомните сержанта Девоу?

— Сержант Де… Сержант Девоу! — возопил Эллери. — Здравствуйте, сержант! Как же я мог забыть? Ну как вы там, подросли?

— На дюйм сзади.

— Сержант Девоу. Провалиться мне на месте! Как дела?

— Помаленьку. А у вас?

— Аналогично, — угрюмо сказал Эллери. — Как это вы мне позвонили, сержант?

— Я больше не сержант, мистер Куин.

— Лейтенант? Капитан?

— Начальник.

— Начальник! Замечательно. Начальник чего?

— Я ушел с патрульной службы несколько лет назад, а тут как раз место начальника полиции освободилось.

— Тут — это где?

— В Элдервуде.

— В Элдервуде. — Воспоминания запрыгали, как кукуруза на горячей сковородке. — А куда делся начальник Бриккел?

— Бриккел? — Девоу хмыкнул. — Что, для вас, писателей, времени как бы не существует? В Элдервуде после Бриккела еще два начальника полиции сменилось. Старый Брик умер еще в тридцать седьмом.

— Старый Брик уж двадцать лет как умер. — Все знакомство Эллери с Бриком длилось каких-то пять часов, но известие очень его опечалило. — Так-так, сержант Девоу.

И больше ничего не мог придумать, что сказать.

Девоу тоже молчал. Потом он сказал:

— Знаете, зачем я звоню? Помните это запутанное дельце, мистер Куин, — два убийства в доме Крейга?

— Да? — Ноздри Эллери затрепетали.

— И знаете, что оно так и не раскрыто?

— Знаю.

— Так вот, с неделю назад я распорядился очистить одну из кладовок в подвале полицейского управления от всякого старого хлама…

— Полицейское управление? У вас же была каморка в ратуше.

— Теперь у нас собственное здание. В общем, там был не только тот хлам, который накопился за 22 года после постройки здания, но и кое-что перенесенное из старой ратуши. В общем, сегодня утром мы нашли ящик, а на нем написано знаете что? «Дело Себастиана».

— Ящик?

— Все, черт возьми, что имеет отношение к этому делу.

— Так. — Внутри у Эллери что-то зашевелилось — что-то неприятное. — А как оно попало в Элдервуд? Расследование-то велось в округе.

— Знаю. Похоже, никто не представляет, как оно здесь очутилось, и я уже собрался было сжечь его вместе с другим мусором, но вдруг сказал сам себе: «Эй, бьюсь об заклад, что Эллери Куин от этого не отказался бы». Да, мистер Куин?

Эллери промолчал.

— Мистер Куин?

— Да, не отказался бы, — медленно произнес

Эллери. — Там все? Рождественские подарки, карточки?

— Полный набор этой ерунды. Да, хорошо, что я подумал об этом. — Похоже, начальник Девоу был собой доволен. — О'кей, мистер Куин, высылаю вам это дело экспресс-посылкой с поездом.

— Нет, не трудитесь, — сказал Эллери, на сей раз очень быстро. — Я бы сам подъехал и забрал. Сегодня вас устроит, шеф?

— Вы что, шутите? У меня вся команда на ушах стоит, как только узнали, что я с вами по телефону разговариваю.

— Все четверо? — Эллери усмехнулся.

— Четверо? Да у меня, не считая внутренней службы, тридцать два патрульных.

— Ого, — смиренно сказал Эллери.

— По-моему, вы найдете, что многое тут изменилось. Не рассчитывайте встретить здесь того тощего юнца полицейского, вам знакомого. — Стэнли Девоу загоготал. — Я, так сказать, немного в весе прибавил с тридцатого года.

Начальник полиции Девоу весил 300 фунтов. Эллери понадобилось напрячь все воображение, чтобы под слоями жира разглядеть стройную фигуру того сержанта Девоу, которого он знал. Лицо тоже было почти неузнаваемым.

— Слегка изменился, да, мистер Куин? — тоскливо спросил Девоу.

— Как и все мы.

— Вас-то я сразу узнал бы. Вы форму сохранили.

«Только не в самом главном», — подумал Эллери…

Везде все изменилось. На своем автомобиле с откидным верхом образца 1957 года он въехал в совсем незнакомый город и доехал до ветшающего, облицованного мрамором здания, построенного, очевидно, Управлением общественных работ. На стоянке были счетчики, стоянка свыше тридцати минут запрещалась, а вокруг возвышались административные здания. Все это было так же похоже на Элдервуд, который он посетил в 1929 году, как цветной телевизор на старый детекторный приемник миссис Янссен.

Ощущение было не из приятных. Это почувствовал и начальник полиции Девоу. В его большом удобном кабинете они немного поболтали — о карьере Девоу, о росте Элдервуда, преступности среди несовершеннолетних, радиоактивных осадках, нереальности задач, поставленных перед гражданской обороной, о новой Всеамериканской автостраде, о спутнике Земли — даже

о лейтенанте Луриа, который, по словам Девоу, ушел из полиции штата через несколько лет после фиаско в деле Себастиана и занялся страховым бизнесом где-то на Старом Западе. Но разговор был нервозным, они перескакивали с одной темы на другую, так и не могли ни за что зацепиться. После третьей неловкой паузы Девоу внушительно поднялся и предложил посетить подвал. Эллери готов был заключить его в объятья.

— Знаете, у меня просто голова идет кругом, — сказал гигант, спускаясь по бетонным ступеням. — Вы ведь жутко знамениты, мистер Куин. Бьюсь об заклад, что нет такой вашей книги, которую я не читал бы.

— Принимаю пари, хотя обычно в такие игры не играю.

— Что? Ну, назовите книгу, а я вам о ней расскажу.

— «Загадка Двенадцатой ночи».

— Двенадцатой?.. Ого, этой я не знаю. Не читал. Вы написали о деле Себастиана'?

— Вы ее не читали, — угрюмо сказал Эллери, — потому что я ее не писал.

— Разгадать не смогли, да? — Девоу расхохотался. Когда он смеялся, его необъятные телеса

ходили ходуном. Эллери почувствовал легкую тошноту.

— Да, вроде того.

Девоу посмотрел на него с неожиданной проницательностью.

— Это здесь.

Деревянную крышку уже отвинтили. Девоу включил верхний свет, и Эллери принялся внимательно разглядывать.

Да, вот они — как бы окаменелые остатки неудачи его молодости. Все прекрасно сохранилось, будто и не прошло двадцати семи лет. Маленький вол из сандала… кукольный дом… кинжал с драгоценными камнями на рукоятке… А вот и пачка белых карточек. На верхней налип кусочек засохшей аптекарской резинки. Кто-то перевязал стопку веревочкой, чтобы не рассыпалась… И черная записная книжка.

Черная книжка?

Дневник!

Он совсем забыл о своем дневнике.

Эллери выхватил его из ящика. На нем лежал густой слой пыли. Эллери нетерпеливо раскрыл его. Молодой почерк сразу бросился ему в глаза… Его собственный почерк более чем двадцатипятилетней давности. Лейтенант Луриа конфисковал

дневник, и Эллери его так и не вернули.

И вот он здесь.

Эллери с нежностью положил пыльную реликвию обратно в ящик.

— Шеф, а не мог бы кто-нибудь из ваших людей положить это мне в багажник?

— Сию секунду.

— Я даже не могу вам сказать, как много это для меня значит.

— Конечно, мистер Куин. Я понимаю.

И на мгновение у Эллери возникло теплое чувство, что гигант действительно все понимает, и единственный раз за этот день он ощутил какую-то близость к Девоу.

Повинуясь безотчетному чувству, он поехал по незнакомым улицам в сторону старого дома Крейга. Он дважды проехал мимо этого места, так и не узнав его. В третий раз он сверился с уличным указателем и убедился, что находится там, где надо. Но дома Крейга не было. Не было и леса за ним. Не было и величественных лужаек. На месте всего этого протянулись десятки одинаковых домиков с желтой, красной и пурпурной отделкой, похожих на музыкальные автоматы. У каждого домика сзади размещался маленький гараж и крохотная игровая площадка,

спереди — газончик размером с почтовую марку, сверху — телевизионная антенна. На каждый участок приходилось по одному чахлому деревцу. Эллери развернулся и поехал в Нью-Йорк, чувствуя себя постаревшим.

Инспектор Куин выплыл из сна, глубокого, как море, недоумевая, что могло разбудить его. Он устремил мутный взор на стрелки часов. Двадцать минут пятого. Кто-то что-то сказал.

Этот кто-то еще говорил.

Говорил четко и громко, с чувством, с торжеством и с отвращением к себе:

— Черт меня побери! Да будь я проклят!

Где-то в квартире горел свет.

Старик выбрался из постели. Пижамной куртки на нем не было. Зевая и потирая свой влажный, костлявый торс, он прошлепал по невидимой в темноте гостиной к кабинету Эллери, где и находился источник света.

— С ума сошел, сынок? — Инспектор еще раз зевнул. — Так и не ложился, что ли?

Эллери был в носках, брюках и рубашке. Он сидел по-турецки на своем письменном столе и пристально смотрел на пол, где, образуя собой нечто вроде круга, было разложено содержимое ящика из Элдервуда. Раскрытый черный дневник

лежал рядом с Эллери на столе.

— Папа, я все понял.

— По-моему, ты не в том возрасте, чтобы играть в куклы. — Отец уселся на кожаный диван и достал сигарету. Диван был прохладный, и инспектор слегка прилег. — Что ты понял?

— Ответ на загадку Себастиана.

— Себастиана? — Старик, нахмурившись, затянулся. — Себастиана. Что-то не припомню. Кто это Себастиан?

— Это было очень давно, папа. — У Эллери был бодрый вид, будто он только что окунулся в горном озере. И в то же время была в нем какая-то печаль, печальная мудрость, озадачившая инспектора.

Старик недоуменно посмотрел на него.

— Помнишь? — тихо сказал Эллери. — Элдервуд. Парень, который жил в Гринвич-Виллидж и писал стихи. Это было еще в двадцать девятом. Вы с Вели навели для меня кой-какие справки.

Инспектор хлопнул себя по жилистой ноге.

— Точно! А это все…

Он внимательно посмотрел на выставленные в кружок предметы.

— Но это же древняя история, Эллери. Где ты все это откопал?

Эллери рассказал ему и взял черную книжечку.

— Я почти всю ночь провел, перечитывая свой дневник. Знаешь, я был тогда такой молодой…

— А это плохо?

— Нет, но свои недостатки имеет. Я, наверное, был совсем невыносим. Этакий самоуверенный всезнайка. Должно быть, я тебе здорово действовал на нервы?

— Я и сам тогда был много моложе.

Инспектор Куин ухмыльнулся. Он притушил сигарету и сказал:

— Выходит, ты разобрался в этом деле. Ведь столько лет прошло…

— Да. — Эллери обхватил руками коленки и принялся раскачиваться. — Тогда я словно состоял из одних мозгов. Сила моей мысли была абсолютной, и если мысль вступала в противоречие с фактом, то страдал при этом факт. Вот почему я тогда и не понял истинного положения дел в этой истории с Себастианом. Папа, у меня же разгадка была в руках. Я вертел ее, обнюхивал, со всех сторон приглядывался, но так и не увидел.

— Может, расскажешь мне? — спросил отец.

— Нет, папочка, лучше иди приляг. Извини, что разбудил тебя.

— Может, все-таки расскажешь? — повторил старик.

Эллери и рассказал.

На сей раз инспектор несколько раз произнес:

— Будь я проклят! Черт меня побери!

На другой день

Глава Восемнадцатая, в которой со всей возможной краткостью излагаются некоторые длинные истории о живых и мертвых, а Эллери собирается в путешествие

В ходе обычных отношений автора и издателя Эллери довольно часто встречался с Дэном З. Фрименом на протяжении трех десятилетий. Но сегодня, когда издатель встал из-за стола, чтобы поздороваться, Эллери внезапно понял, что по-настоящему он Фримена за это время и не видел. «Похоже на иллюстрацию к эйнштейновской теории относительности, — подумал он, — два поезда едут рядом по параллельным рельсам в одном направлении и с одной скоростью, и пассажир, едущий в каждом из них, готов присягнуть, что оба они стоят на месте. Просто не с чем сопоставить, если не поглядеть в противоположное окно и не увидеть, как мимо проносится земля».

Точку отсчета для сравнения дал ему старый дневник с его впечатлениями двадцатисемилетней давности об участниках рождественских праздников, включая и Фримена. Теперь перед

ним был пожилой человек с редкими седыми прядями, прилегающими к лысой голове; карие глаза, бывшие когда-то прекрасными, прекрасными и оставались, но окружены они были, словно драгоценные камни в музее, пожухлыми складками плоти; хрупкие плечи ссутулились, вся фигура несколько погрузнела, жесты замедлились — и смотреть на это было почти больно.

Эллери самому себе задал невеселый вопрос: как он выглядит в глазах Фримена?

— Нет, Дэн, на сей раз мы не будем говорить о нашей взаимной заинтересованности в бестселлерах, — сказал Эллери с улыбкой. — Во-первых, потому что новая книга идет с большой натугой — будто на карачках ползет по раскаленной пустыне; во-вторых, потому что со мной произошло нечто примечательное. Помпишь, как мы зимой двадцать девятого — тридцатого года встречали Рождество и Новый год в доме Артура Крейга?

Издатель тут же замер, как стоп-кадр в фильме. Затем он возобновил движение и еле слышно сказал:

— Чего ради ты об этом вспомнил? Я много лет не вспоминал.

— По правде говоря, я тоже, — сказал Эллери. —

Но вчера, помимо моей воли, произошло нечто, напомнившее эти две недели, и я призадумался. Ты же знаешь, Дэн, как у меня голова устроена, — как только в нее влезает какой-то вопрос, я тут же начинаю трепать его со всех сторон. Во мне вдруг пробудилось дикое любопытство относительно тех, кто тогда гостил у Крейга. Наверное, это глупо, но, пока я не удовлетворю это любопытство, я ни на что другое не способен. Ты что-нибудь знаешь, как они?

Издатель испытующе на него посмотрел, а потом нажал один из рычагов селектора и пролепетал: «Гарриет, к телефону не вызывать и нас не прерывать», — и заговорил. Говорил он больше часа.

Джон Себастиан, едва дождавшись, когда были улажены все юридические формальности и он вступил в права наследства, тут же уехал из Соединенных Штатов. Молодой миллионер купил виллу на юге Франции, возле Канн, и более не возвращался. Поначалу шли разговоры о каких-то сногсшибательных вечеринках, баснословных женщинах, сомнительных похождениях; но это, очевидно, была преходящая фаза. Он перебесился и зажил тихо, изредка принимая у себя немногих друзей, раз водя вьюрков и пополняя коллекцию

живописи через агентов в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Насколько известно Фримену, Джон так и не женился.

— Да, стихи он печатал, — сказал Фримен, — но не у меня и вообще не в Штатах, а в Париже. Три-четыре небольших томика по-французски. После войны я слышал, что Джон так и живет на своей вилле, живой и невредимый. Поговаривали, что он сотрудничал с нацистами, но я не знаю, насколько это верно. Определенно, французы ему после войны не доставляли неприятностей. Насколько мне известно, он до сих пор там живет. От него я уже больше десяти лет ни единой весточки не получал.

— Эллен Крейг?

— В ту пору мне казалось, что у тебя с ней что-то наклевывается, — издатель рассмеялся. — Разве вы связь не поддерживаете?

Эллери покраснел.

— Всего несколько месяцев. Потом Эллен закончила Уэлсли, и мы упустили друг друга из виду. Где-то я слышал, что она вышла замуж…

— Эллен вышла замуж за толкового паренька из госдепартамента, — сказал Фримен. — Ты представляешь себе, что это за жизнь — через каждые два-три года перебираться из одного посольства в

другое, которые как маленькие островки домашней жизни в океане незнакомых людей и мест. У нее пятеро детей, все уже взрослые. По последним сведениям, она с мужем где-то в Африке. Я встречался с ней два года назад, когда ее муж вернулся в Штаты поднабраться сведений об Африке перед переводом туда. Весьма солидная и сдержанная особа — настоящая супруга дипломата.

«С этим все ясно», — подумал Эллери и спросил о Расти Браун. По словам Фримена, Расти закрыла мастерскую на Мэдисон-авеню во время кризиса, когда мода на «Творения Расти Браун» схлынула. После этого Фримен не имел никакого представления о том, что сталось с Расти Браун, пока много лет спустя не посетил Голливуд по вопросу каких-то авторских прав и не столкнулся с ней на каком-то сборище в Беверли-Хилле. Она жила в Лос-Анджелесе и была вполне преуспевающим художником по интерьерам. Она сменила четырех мужей, детей так и не завела, и произвела на Фримена впечатление отчаянно несчастной женщины. Насколько ему известно, она и теперь живет на Побережье. Он понятия не имеет, что сталось с ее матерью. Расти о ней не упоминала, а Фримен не спрашивал.

— Кстати, она больше не называет себя Ра-

сти, — с улыбкой сказал издатель. — Иоланда — и точка.

Достопочтенный мистер Гардинер также относился к той группе, о которой Фримен ничего не знал.

— Вряд ли он жив еще. Ему было бы уже за сто.

Доктор Самсон Дарк скончался в 1935 году от коронарного тромбоза.

Не было в живых и Роланда Пейна. Он покончил с собой в конце тридцатых годов по причине, которую никто не смог установить. Записки он не оставил, а всего за несколько минут до того, как застрелиться прямо за письменным столом, он с присущей ему учтивостью обсуждал завещание с клиентом.

— Помню, спустя много лет я разговаривал о смерти Пейна с его сыном, литературным критиком. Уэнделл ни малейшего понятия не имел о причинах, побудивших отца покончить с собой. Эта тема была ему крайне неприятна, и я оставил ее.

— Но тебе-то причина ясна, — сказал Эллери.

— Не до конца.

— Женщина, конечно же.

Фримен пожал плечами.

— Не исключено. Пейн был одним из тех бла-

гообразных лицемеров, которые днем ведут безупречную жизнь, а ночью втихую грешат в укромном уголке. Скорей всего ему грозил какой-то скандал на половой почве. Он не мог пережить разоблачения и предпочел легкий выход.

Валентина Уоррен вышла за Мариуса Карло. Брак этот оказался весьма бурным и закончился шумным бракоразводным процессом. Никто из них не вступил в новый брак, и никто из них не преуспел в профессиональном плане. Валентина переросла амплуа инженю и перешла на характерные роли. Главным источником ее дохода так и остаются летние разъездные спектакли. Время от времени она появляется на Бродвее в маленьких ролях или участвует в телевизионных спектаклях. У Мариуса плохонькая музыкальная школа в Чикаго. Он живет с пожилой балериной, которой вполне предан. Фримен побывал у них прошлой зимой в связи с книгой о музыке, которую Карло пытался заставить Фримена опубликовать.

— Надо ли говорить, что называлась она «Унисонарные песнопения на восемь церковных ладов», и текст был не менее устрашающим, чем название, — печально сказал Фримен. — Живут они на Петле, в квартире-студии, похожей на

сарай. И выглядит эта квартирка как нечто, слепанное Сальвадором Дали на исходе затяжного запоя. Определенно, более грязного места я не видел. Невероятно, но Артур Крейг еще жив.

— Но ему должно быть уже девяносто, если не больше, — недоверчиво сказал Эллери.

— Он упорный старикашка. Вцепился в жизнь как клещ.

Незадолго до того, как Джон Себастиан убыл из Соединенных Штатов, Крейг решил выйти из дела и предложил Фримену купить его типографию. Фримен выкупил ее для сына, который в то время был у Крейга в учениках. Несколько лет типографию Фрименов возглавлял старый служащий Крейга, пока Фримен-младший не набрался опыта и не принял дело в свои руки. Теперь, под руководством сына Фримена и при дружеском присмотре отца, типография оставалась столь же великолепной, какой ее сделал Крейг. Они со вкусом, изобретательностью и мастерством выпускали ограниченные и подарочные издания классики.

Одновременно с продажей типографии Крейг продал свое элдервудское поместье, ликвидировал и другую недвижимость и уехал с Востока. Он обосновался в Сан-Франциско и поныне живет

там. Фримен как-то написал ему и даже, в память о старых временах, выслал несколько образцов новой продукции типографии, но Крейг на письма не отвечал и за книги не поблагодарил.

— Он зачудил на старости лет, — сказал издатель. — Живет в жуткой развалюхе, сам себе готовит, одевается как отшельник и прочее, несмотря на то, что у него должен быть значительный доход от всего, что он получил, когда распродал свое имущество здесь, на Востоке. Он к тому же стал самым доподлинным скрягой: когда я встречался с Эллен в последний раз, она сказала мне, что он шлет ей назойливые письма и клянчит денег, которые она ему и высылает уже много лет. Когда дела приводили меня в Сан-Франциско, я заглядывал к нему, но в последний раз он произвел на меня такое гнетущее впечатление, что я, честно говоря, прекратил свои визиты.

Эллери резко сказал:

— Значит, у вас есть его адрес.

— Да, я время от времени пишу ему.

— Можно взять его?

Фримен явно удивился. Он поговорил с секретаршей, и через минуту та пришла с адресом.

— Тоже собираешься написать ему, Эллери?

— Я собираюсь нанести ему визит.

— С какой стати? — воскликнул Фримен.

— Я должен дать старому джентльмену одно разъяснение, которое запоздало лет эдак на двадцать семь.

Эллери поднялся.

— Спасибо, Дэн.

В тот же вечер он вылетел в Сан-Франциско рейсом в 11.30.

И еще через день…

Глава Девятнадцатая, в которой мистер Куин для доказательства своей правоты совершает путешествие более чем на 2500 миль в пространстве и более чем за 3000 лет во времени

Дом Артура Крейга был совсем рядом с берегом океана — паршивый такой, желто-коричневый каркасный домишко на поросшем кустарником холмике, изрезанном щербатыми ступеньками и втиснутом между двумя пакгаузами устрашающего вида и размера. Сам домик мог быть лишь реликтом тех далеких дней, когда на месте пакгаузов были глиняные отмели, а с холмика беспрепятственно открывался вид на залив. Эллери так и не довелось узнать, как домику удалось избежать сноса и пережить рост города и каким образом Крейг стал его владельцем и обитателем.

Все же, если смириться с его полным убожеством, у домика были свои преимущества. Целительный морской запах Эмбаркадеро день и ночь был к услугам крейговского носа, а стоило спуститься по щербатым ступеням мимо

закрывавших обзор пакгаузов, открывался вид на Телеграф-Хилл. Далекий крик чаек ласкал слух, а на верфи можно было полюбоваться кораблями всех видов и размеров — для этого и всего-то надо было немного пройтись. Человек со скромными запросами — в смысле материальном — мог бы жить здесь на старости лет, пожалуй что, и в довольстве.

Домик начинался с ветхого крыльца, с давно уже истлевшими перилами; и на этом ненадежном насесте, с трубкой в беззубом рту, тихо раскачиваясь в перекосившейся качалке с соломенной спинкой, восседал Артур Бенджамин Крейг.

Внешне он изменился до неузнаваемости. То большое тело, которое помнил Эллери, усохло и деформировалось. Рука, державшая трубку, превратилась в сморщенную птичью лапу, покрытую коричневыми пятнами в тех местах, где она не была лилово-серой. Когда лапа с трубкой удалялась ото рта, челюсти сжимались и складывались в нечто, подобное птичьему клюву. Даже в лице было что-то птичье — время как бы оперило и взъерошило кожу на лице, на котором ярко сверкали два безвеких глаза. Лысый череп был подобен натертой до блеска старой кости.

Лоснящейся бороды больше не было.

Поднимаясь но выбитым ступеням, где на каждом шагу рискуешь подвернуть ногу, Эллери невольно и быстро переоценивал свои первые впечатления. Старики изгои не бреются. Одеяние старика лишь на первый взгляд могло показаться кучей лохмотьев, но это был просто старый костюм с лучших времен, неоднократно чиненный, и был он вполне пристоен и чист. Если бы Крейг так не иссох, если бы костюм был ему впору, никто и не подумал бы назвать его одежду «костюмом отшельника».

Перед крыльцом Эллери остановился. Если судить по высоте крыльца, к нему полагалось бы иметь три ступеньки. Но их не было. Эллери подумал, что у хозяина должна сохраниться изрядная ловкость, чтобы подниматься и спускаться с крыльца, не переломав себе при этом ноги.

— Мистер Крейг? — спросил Эллери.

Блестящие глаза неторопливо осмотрели его с головы до пят.

— Я вас знаю, — произнес внезапно Артур Крейг. И этот голос поразил Эллери — он был надтреснутый, но на редкость вразумительный, без малейших признаков старческого слабоумия.

— Знаете, мистер Крейг, — с улыбкой подтвер-

дил Эллери. — Но это было очень давно.

— Когда? — последовал скрипучий вопрос.

— На Рождество тысяча девятьсот двадцать девятого года.

На лице старика проступили мириады морщинок, он хлопнул себя по ляжке и чем-то хрустнул.

— Вы Эллери Куин, — произнес он, тяжело дыша и потирая глаза.

— Вы правы, сэр. Можно войти?

— Да, да! — Девяностолетний старик птицей вспорхнул со своей качалки, отметая все протесты Эллери.

— Нет-нет, вы садитесь. Я пристроюсь на краешке.

Что он и сделал.

— В детстве я посиживал вот так, болтая ногами над отцовским крылечком. Там тоже ступенек не было. Меня это и тогда не волновало, не волнует и сейчас. Значит, вы такой путь проделали, чтобы только повидаться со старым Крейгом. Летели, как я понимаю? Сам-то я не очень жалую самолеты — слишком много риску. Я знал, что вы как-нибудь ко мне наведаетесь. А то ни с кем из старых знакомых не вижусь. Раньше Дэн Фримен захаживал, но что-то перестал — не одобряет мой

образ жизни.

Старик снова хлопнул себя по ляжке. Он не приглашал Эллери в дом, и Эллери подумал, что болтливость старика была отчасти напускной — чтобы скрыть это нежелание впустить гостя в дом.

— Я полагаю, мой адрес дал вам Дэн?

— Да, мистер Крейг. А почему вы сказали, что знали, что я загляну к вам?

Старик развернулся и прислонился спиной к потрескавшемуся столбику, подтянув к себе левую ногу и свесив правую с края крыльца. Он достал коробок, тщательно выбрал спичку, чиркнул ею об пол, поднес к трубке и запыхтел с величайшей осмотрительностью и неторопливостью, пока весь не оказался окутан дымовой завесой, словно какой-нибудь индеец древности.

— Потому что вы так и не закончили это дельце в Элдервуде, — пробурчал он, энергично насасывая трубку, — вот почему. Вы похожи на меня. Терпеть не можете некачественную работу. Халтуры не выносите. Особенно собственной. — Он выхватил трубку из губ и выжидательно покосился на Эллери. — Мне кажется, что вам на эту задачку чертовски много времени понадобилось.

— Я же не сидел над ней беспрерывно, — возразил Эллери с ухмылкой. Все происходящее начинало ему нравиться — все шло совсем не так, как он представлял себе. — Более того, я об этом вовсе не задумывался четверть века, даже больше. Но вчера…

Так Эллери рассказал Артуру Б. Крейгу, как вышло, что он вернулся к этому делу.

— В общем, все так и стояло у меня в кабинете на полу. Двенадцать карточек, двенадцать подарков. — Он остановился и закурил сигарету. — Знаете, мистер Крейг, я ведь понял смысл этих подарков еще в Элдервуде.

— Да ну? — Старик, похоже, удивился. — Насколько я помню, вы об этом ничего не говорили.

— Нет, — сказал Эллери. — Не говорил.

— А почему?

— Потому что кто-то и рассчитывал, что я не буду молчать. Кто-то хотел навесить убийство Джона на другого и предполагал, что я клюну на ложные улики. Но давайте, мистер Крейг, начнем с альфы, а не с омеги.

— Прекрасно сказано. — Беззубый рот скривился в ухмылке. — Значит, специально подставляли другого, да? Продолжайте, мистер Куин, я этого ждал без малого двадцать восемь лет.

На этот легкий сарказм Эллери ответил улыбкой.

— Я слишком надолго погряз в рассуждениях о числах. Число «двенадцать» не давало мне покоя. В празднике участвовало двенадцать человек, Святки длятся двенадцать суток. Двенадцать знаков зодиака, двенадцать коробочек с подарками и так далее — что-то было случайным совпадением, а что-то было явно продумано. Я не сомневался в важности числа «двенадцать». Разумеется, так и предполагалось, что я на этом застряну. Это препятствие на моем пути должно было сделать достижение цели еще более желанным. Ну и, конечно, число «двенадцать» оказалось всего лишь намеренной «липой». Можно сказать, не липа, а целый баобаб.

Но число «двадцать» — это совсем другое дело. — Эллери нагнулся и стряхнул пепел на землю. — Это было количество отдельных подарков, оно же — количество выделенных слов в стихах. Это число сопровождалось конкретными предметами — вол, дом, верблюд и прочее. Может быть, здесь какая-то последовательность? В каком контексте эти двадцать предметов образуют последовательность? Последовательность подразумевает определенный порядок: сначала

что-то первое, потом второе, потом третье и так далее. Я внимательно просмотрел все предметы. Вол — первый, дом — второй, верблюд — третий, дверь — четвертая, и так далее до двадцатого предмета. Несколько раз я почти находил решение, но меня постоянно сбивало с толку это число «двадцать». Я не мог придумать никакой последовательности из двадцати предметов. Когда же я наконец догадался, то тут же понял, почему так долго не мог найти ответа. Число «двадцать» оказалось тоже своего рода «липой». У него был смысл, по в наше время он давно утрачен. Теперь и в той культуре, которая определяла мой процесс мышления, этот смысл несет совсем другое число.

— Ах, неужели! — сказал старик даже с каким-то ликованием.

— Открытие произошло случайно, в ночь на шестое января. Я поднялся в свою комнату, взяв с собой подаренный мне экземпляр книги стихов Джона. Совершенно случайно я открыл ее на титульном листе. Там-то все и было: ключ, ключ, открывающий дверь. И за этой дверью был ответ.

— Какой ответ? — нетерпеливо спросил старик.

— Алфавит, — ответил Эллери.

— Алфавит. — Старик произнес эти три слога почти с любовью. — Основа основ.

— Вот именно, мистер Крейг, — сказал Эллери. — Ведь алфавит в том виде, в каком мы его унаследовали от древних финикийцев, изначально представлял собой набор картинок конкретных повседневных вещей — вещей, которые для первобытного народа были самыми что ни на есть основными: еда, кров, передвижение, части тела и так далее. Мне оставалось только додуматься до понятия «алфавит» — что именно это понятие и должны были передать конкретные предметы, положенные в коробочки. А числа тут оказались ни при чем. Мы знаем, что алфавит состоит из 26 букв. Да, это так, по 1000–1300 лет до нашей эры, когда создавался финикийский алфавит, букв было не двадцать шесть. Алфавит тогда состоял из двадцати двух «картинок», двадцать из которых дошли до нас, а шесть остальных появились из других, более поздних источников.

— Действительно ли все мои терзания были вызваны изначальным финикийским алфавитом? Вне всякого сомнения. Вол — или, точнее говоря, воловья голова, дошедшая до нас в перевернутом виде, — это общий символ пищи, который фини-

кийцы взяли за первую букву своего алфавита, «алеф» или A. Вторым подарком был дом — «бет», то есть B. Третьим даром был верблюд — а финикийский «гимель» или «гамель» стал у нас C; O произошло от двери, E — от окна, P — от гвоздя или крючка, отдельная буква O появилась только в третьем веке до нашей эры, а до тех пор буква C обозначала и G тоже. Наше H произошло от финикийского «хет», что значит «забор» — а сразу же после гвоздя Джон получил именно забор. I — рука, J, которую римляне обособили от I для обозначения согласного, а не гласного звука, не стала отдельной буквой до шестнадцатого столетия, так что Джон не получил подарка, связанного с этой буквой. Далее, K — ладонь; L — хлыст; M — вода; N — рыба; O — глаз; P — рот; Q — обезьяна; R — голова; S — зуб; T — метка или крест; U, V и W и появились позже; X — столб; Y мы получили от греков, и, наконец, Z, происшедшее, как это ни печально, от «зайин», то есть кинжал… Последний удар, который прикончил близнеца Джона. Двадцать предметов, полностью соответствующие двадцати прообразам букв финикийского алфавита.

— Да ну? — оживленно сказал старик. — И из этого вы решили?..

— …что человек, задумавший всю эту мрачную шуточку, очевидно, неплохо знал историю появления алфавита, — сказал Эллери. — Другие события показали, что дарителем мог быть только кто-то из присутствовавших в доме, а кто там был? Поэт-дилетант, художница по костюмам и украшениям, оккультистка-любительница, протестантский пастор, адвокат, врач, актриса, музыкант, студентка — и книгоиздатель с типографом… Я исключаю миссис Янссен, Мейбл и Фелтона — это было бы уж совсем несерьезно.

Мне сразу стало ясно, что надо выбирать между Фрименом и вами. Но тут даже и о выборе особо говорить не приходится: издатель работает с языком как редактор и как коммерсант, типограф же подходит с технической стороны. А ведь вы были не просто типографом, вы — профессиональный макетчик, мастер высочайшего класса, для которого обязательно хорошее знание типографского дела и искусства печати. Я нимало не сомневался, что последовательность подарков, построенная на финикийском алфавите, указывала именно на вас, мистер Крейг, как на дарителя и убийцу Джона.

— Понятно, — задумчиво сказал старик. — И вы этому не поверили.

— Нет, поскольку я был абсолютно уверен, что никому не придет в голову строить такую изощренную систему подсказок, чтобы с их помощью изобличить себя самого. Поэтому я решил не называть ваше имя ни полиции, ни Джону, ни гостям. Если вас кто-то подставлял под удар, я не собирался подыгрывать истинному преступнику.

— Главный вопрос, — продолжил Эллери, — вопрос, который встал передо мною в ту январскую ночь тридцатого года, и после, все двадцать семь с лишним лет, время от времени мучил меня, был такой: кто же подставлял вас, мистер Крейг?

Старик покосился на него сквозь табачный дым.

— А теперь вы это знаете, да?

Эллери кивнул.

— А теперь я знаю.

...Продолжение и окончание

Глава Двадцатая, в которой мистер Куин исповедуется в ошибках молодости и доводит, хоть с опозданием, историю Двенадцати ночей до конца

— Я знаю, — продолжил Эллери, — поскольку мне достаточно было лишь обобщить те три улики, которые в то Крещенье, много лет назад, я так и не сумел осмыслить до конца.

— Первая из них — это группа непонятных рисуночков. Помните, на обратной стороне нескольких белых карточек, на которых были напечатаны стишки, тот, кто сочинил их и напечатал, карандашом набросал довольно схематичные рисунки? Они были не на каждой карточке — всего на четырех из двенадцати. Сам их случайный характер указывал на то, что появились они скорее неосознанно, чем сознательно. Как будто, задумавшись над этими карточками, автор поигрывал карандашом — словом, чертил машинально, думая совсем о другом. В таком случае, рисунки приобретают значение, указывая на бессознательное «я» того,

кто сочинял, печатал, подставлял другого, рисовал и убивал — в противоположность стихам и прочим творениям его сознательного «я». К сожалению, рисунки мне ничего не сказали. Они просто показались мне упрощенными изображениями тех предметов, к которым относились стихи, напечатанные на карточках.

Старик слушал внимательно, даже критически.

— Да? — сказал он. — Продолжайте, мистер Куин.

Эллери вынул из кармана листок бумаги и развернул его.

— Я намедни срисовал это с оригиналов, мистер Крейг. Вероятно, это освежит вашу память. — Он наклонился, протягивая листок. — Посмотрите на них.

Лапа схватила бумагу. На ней было следующее:

карточка с волом-домом-верблюдом

карточка с забором

карточка с рукой-ладонью

карточка с рыбой и водой

— Тогда мы все сочли, что наброски изображают предметы, — сказал Эллери. — На карточке, знакомящей нас с волом, домом и верблюдом, на обратной стороне было нацарапано «ОХ», а также домик с острой крышей, пятью окнами и дверью, и самая характерная черта верблюда — его горбы. На карточке, где говорилось о заборе, был рисунок, похожий на забор. На карточке, упоминавшей руку и ладонь — кстати, это самая интересная карточка, — на обороте имелось нечто вроде трафаретного изображения руки, состоящей из пяти растопыренных пальцев и крестика на том месте, где должна быть ладонь. А на карточке с водой и рыбкой на обратной стороне была волнистая линия, которая могла обозначать только воду, и крайне упрощенное изображение рыбы. Узнал ли я из этих рисунков что-нибудь о том, кто их нацарапал? — Эллери покачал головой. — Всего тридцать шесть часов назад, не раньше. А вам, мистер Крег, что они говорят об авторе?

Старик в изумлении смотрел на рисунки.

— Невероятно! — воскликнул он. — Я только сейчас заметил.

— Да, подсознание — штука коварная. — Эллери кивнул. — Автор оригиналов этих картинок

чертил их сознательно, хотя и не очень задумываясь, как и изображения предметов, о которых говорилось на карточках, но бессознательная техника рисунка выдавала его с головой. Доказательством того, что делалось это не вполне осознанно, служит тот факт, что он позволил себе пустить карточки с рисунками в дело. Если бы он только дал себе труд подумать, что они могут его выдать, ему оставалось бы только порвать их и напечатать новые, с чистой оборотной стороной.

И что же это за бессознательная техника, которая выдавала его и которую я обнаружил только двадцать семь лет спустя? — сказал Эллери. — Да всего лишь то, что каждый элемент этих рисунков — каждый кружок, квадрат, линия, точка, крестик — полностью входит в определенную систему знаков, используемую на конкретном этапе издательской и полиграфической работы — вычитывании корректур. Если при прочтении рукописи или гранок корректор обнаруживает в тексте цифру или число, которое, по его мнению, следует напечатать буквами, он ставит на полях маленькое «о» — как кодовое обозначение «набрать буквами». Если корректор увидит в гранках неполно или плохо пропечатанные литеры, он ставит на полях маленькое «х», и наборщик знает,

что ему следует искать. Отсюда «о» и «х» в «ОХ».

Само по себе это могло быть просто совпадение. Но взгляните на «дом». Он состоит из семи элементов. Пять из них — маленькие квадратики; а это корректорский знак, обозначающий «круглую шпацию» или «отступить один знак». Закорючка, похожая на дверь, — это корректорский знак «далее в указанном направлении». Перевернутая галочка — это знак вставки. Две таких галочки рядом — так автор изобразил верблюжьи горбы — это два знака вставки подряд.

Изображение забора? Оно состоит из вертикальных и коротких горизонтальных линий. Вертикальная черта имеет по меньшей мере два конкретных значения для корректора и наборщика, горизонтальные же, разумеется, просто обозначают дефисы.

Точки, составляющие пальцы «руки». Точками над словами корректор обозначает «сохранить вычеркнутые мною слова», обычно в добавление к ним на полях пишут «отмена». Х на месте ладони — еще одно обозначение дефекта печати.

Волнистая линия «воды»? Этот знак под текстом означает «набрать жирным шрифтом». А изображение, похожее на рыбу, — один из нескольких способов передать команду «изъять».

Там, где каждый без исключения элемент является частью знакового языка корректора, и сомнений быть не может, что тот, кто рассеянно рисовал картинки, чрезвычайно хорошо знает этот язык, настолько хорошо, что пользуется им безотчетно. Согласны, мистер Крейг?

— Абсолютно. — Старик слушал как завороженный.

— Такова была запоздалая отгадка номер один. — Эллери закурил новую сигарету. — Не менее интересен и номер два.

Как вы помните, ключевые слова в стихах были напечатаны вразрядку. Например, слово «дом» было напечатано не «дом», а «д-пробел-о-пробел-м». Да, я сразу понял, что это означает. Я в первый же вечер заметил, что это делается для выделения слова в ряду других слов в стихах. Но вот что я понял только вчера — такой метод выделения слова оказывается еще одной бессознательной подсказкой со стороны автора.

Ведь что сделает обычный человек, если захочет выделить напечатанное на машинке слово? Он подчеркнет его или, если речь идет о типографском наборе, наберет курсивом. Однако еще в 1931 году знаменитый британский художник, график и шрифтовик Эрик Галл печатно наста-

ивал на том, чтобы повсеместно использовать разрядку вместо подчеркивания или курсива для выделения отдельных слов — что к тому времени делали только отъявленные пуристы из числа печатников. Пока что эта практика не применяется повсеместно, но многие печатники-пуристы продолжают выделять слова через разрядку.

— Верно, верно, — пробормотал старик.

— Две настолько однозначные улики почти неизбежно вели к не менее однозначному выводу, — продолжал Эллери. — Но прошлой ночью я нашел еще и третью, которую не увидел тогда, в те рождественские праздники, и которая все окончательно расставляет по своим местам.

Помните, мистер Крейг, последнюю строчку в последней карточке, полученной Джоном, в той самой, на которой лежал Джон Третий с кинжалом в спине. Это была строчка «И в жизни твоей последний удар».

Возможно, это и покажется слегка притянутым за уши, но вы же знаете, сколь изощренными бывают бессознательные действия нашего ума. «Последний удар» — это понятие, возникшее в древнем ионийском городе Колофоне, чей знаменитый отряд кавалерии должен был неизменно наносить «последний удар» в бою. Но точно так

же профессионалы обозначают современный библиографический термин «колофон», что значит, и едва ли это нужно объяснять вам, выходные данные в самом конце книги, где перечисляются важнейшие факты, связанные с выходом книги: имена автора, редактора, художника, место и время публикации и тому подобное.

Здесь подсознание сильно подвело нашего автора, он же машинистка, он же убийца. Оно побудило его при убийстве того из братьев, которого он считал настоящим Джоном, — то есть при завершении своего дела, — употребить типографский термин, означающий то же самое!

Эллери решительно отбросил сигарету, как бы ставя точку.

— Ну вот. Кто же из этой группы знал корректорские значки настолько хорошо, что неосознанно использовал их как элементы рисунка? Кто из группы мог по привычке использовать разрядку при выделении слов, как поступают только самые взыскательные пуристы из печатников? Кто из группы с наибольшей вероятностью мог употребить профессиональный типографский синоним слова «колофон»? Кто, кроме одного лица, профессионального типографа, настолько проникшегося духом своей профессии, что он

возвысил ее, как кто-то когда-то сказал, до уровня подлинного искусства? Вы печатали эти карточки, мистер Крейг. Вы нацарапали эти рисунки. Вы посылали эти подарки. Вы нанесли «последний удар» кинжалом в спину человека, которого приняли за своего подопечного. Вы наводили подозрение на самого себя.

Старик молчал. Он сидел, сжав потухшую трубку, покачивая правой ногой над боковой стенкой крыльца, двигая челюстями в глубокой задумчивости.

Наконец он сказал, почти с хитрецой:

— Говорите, я сам наводил на себя подозрение? И при этом сами только что сказали, что ни один разумный человек не станет изобретать столь изощренную систему наводок с единственной целью — изобличить самого себя. Вы мне сами признались, что именно поэтому вы и решили, что я — невинная жертва подлога.

— В январе тридцатого я был очень молод, — кивая, сказал Эллери. — А все выглядело вполне логично, не так ли? Да, никто бы не поверил, что разумный человек станет наводить подозрение на самого себя. И мне потребовалось более четверти века, чтобы понять, что разумный человек может навести на себя подозрения как раз по той

причине, что никто этому не поверит.

Старик смеялся так долго и сильно, что начал задыхаться. Эллери встал и легонько постучал его по спине. Когда у Крейга кончился приступ, Эллери сел на место.

— Ты умен, мой мальчик, умен! — прохрипел старик.

— Вы, мистер Крейг, оказались намного умнее. Вы прочли мою книгу и, несомненно, выкачали из Джона все сведения обо мне. Вы вычислили все особенности моего мышления и, исходя из этого, построили свой план. Вы подбрасывали мне очевидное в уверенности, что я его отвергну. И вы оказались правы. Это был мастерский двойной блеф, который меня совершенно сбил с толку. Могу лишь засвидетельствовать вам свое запоздалое восхищение.

— Но как я рисковал, а? — Старик фыркнул от смеха. — Глупо так рисковать, да?

— Нет, — сказал Эллери. — Потому что вы рисковали гораздо большим. Вы хотели убить Джона. Но если бы вы убили его без особых затей, даже не оставив против себя никаких улик, то все равно оставались бы подозреваемым номер один. У вас ведь был мощнейший мотив желать Джону смерти до 6 января 1930 года. И скрыть

этот мотив было бы невозможно. Согласно завещанию отца, если бы Джон умер до достижения двадцатипятилетнего возраста, вы, Артур Бенджамин Крейг, унаследовали бы все состояние Себастианов. Единственный способ, каким вы могли бы надеяться отвлечь внимание от этого мотива, — нарочито привлечь внимание к чему-то другому. Если бы меня удалось убедить, что кто-то умышленно наводит на вас подозрение в убийстве, то я посчитал бы ваш мотив чем-то таким, чем истинный убийца просто воспользовался в своих делах. И я не принял бы его в расчет. Так оно и вышло.

— Не сходится, — старик заговорил с некоторой озлобленностью. — На что бы мне, богатому человеку, еще и имущество Себастианов? Я что, произвел на вас впечатление такого стяжателя, мистер Куин?

— Нет, мистер Крейг, но дело было в самом конце 1929 года, спустя всего два месяца после крупнейшего в истории биржевого кризиса 22 октября. Он накрыл вас, как и сотни тысяч других. Но я не верю, что вы из тех, кто пошел бы на убийство, лишь бы возместить собственные материальные потери. Вы были душеприказчиком Джона Старшего, распоряжались имуществом,

процентами со вкладов и прочим почти двадцать пять лет. Я полагаю, что именно вверенные вам капиталы вы неразумно проиграли на бирже, понадеявшись на те опасно высокие проценты, которые в ту пору были приманкой для всех, — а за это вы могли попасть в тюрьму. Единственный способ прикрыть ваши злоупотребления — избавиться от Джона, пока он не стал законным владельцем состояния. Тогда изрядно пощипанное наследство перешло бы к вам, и никто ничего не узнал бы. Был, конечно, и другой вариант — не убивать Джона, а признаться ему, что унаследует он мало или вовсе ничего, и отдаться на его милость. Но я полагаю, мистер Крейг, что у вас имелись основания не слишком-то уповать на милость Джона. Я и сам ощущал в нем некоторую подспудную жестокость. Вы же не сомневались, что он не только заставит вас ликвидировать все ваше имущество и передать ему, но и в придачу засадит вас в тюрьму. И вот чтобы не попасть за решетку, вы и приготовились совершить убийство.

— Да, — пробурчал старик. — И все пошло прахом. От наследства не осталось ни цента. За те два месяца после краха я все рассчитал: подарки собрал, отпечатал стишки на машинке, которую

припрятал в типографии. Все для вас приготовил, все до последней мелочи…

Его голос перешел на хнычущий шепот:

— Я и не знал, что у Джона есть живой брат-близнец… А уж о тройне понятия не имел… Не знал, что Джон прячет брата в моем доме. Когда я узнал, что я наделал — что Джон еще жив, — было уже поздно. Когда в ту ночь без четверти двенадцать Джон вошел в гостиную, полную народу — в том числе и полицейских, — я уже не мог исправить ошибку. Через пятнадцать минут наступила полночь, он по закону становился двадцатипятилетним и по закону же — наследником отцовского состояния. Я был разорен.

— И тогда вы распродали все, что имели, — сказал Эллери, — типографию, дом, движимость и недвижимость, наскребли достаточно, чтобы передать Джону ровно столько, сколько он должен был унаследовать; и ни он, ни кто другой не заподозрил, что вы передаете ему наше собственное богатство, а не его. Так было дело, мистер Крейг? И вы поэтому живете в этой развалюхе — на содержании у Эллен?

— Да, — с достоинством произнес старик. — Я разорился, и с тех пор я нищ. Несколько лет мне здесь удавалось заработать на жизнь прежним

ремеслом. Но потом мне сказали, что я слишком стар… Эллен думает, что я выживший из ума скупердяй, у которого полны сундуки денег. Но она все равно шлет мне денежки, благослови ее Господь. Если бы не она, я давно уже помер бы с голоду.

Он уронил голову на грудь. Эллери молчал. Много позже, когда он увидел, что старик забыл о нем, он тихонько позвал:

— Мистер Крейг?

Голова старика дернулась.

— Да?

— Мистер Крейг, вы убили и доктора Холла, так?

— Кого? Ах, Холла. Да. Да, убил.

— Признаюсь, я так и не смог вычислить, зачем вы убили Холла, раз ничего не знали о близнецах.

— Это было недоразумение, ужасное недоразумение… Тот, другой Джон, которого вы называли Джоном Третьим, тайком ввел его в дом, но я не знал об этом. Впервые я узнал о нем, когда увидел его в библиотеке, где он ждал меня. Оп сказал, что он — тот самый врач, который принимал Джона в 1905 году. Ни о каком другом Джоне он не говорил. Должно быть, он знал о сюрпризе, который

готовили мальчики, и пообещал не выдавать их.

Во всяком случае, он говорил о Джоне, а я думал, что он имеет в виду моего Джона, хотя он-то подразумевал Джона своего. Доктор Холл что-то на мой счет заподозрил; он все разнюхивал и откуда-то узнал, что наследство пропало из-за краха на бирже. Он посвятил годы жизни тому, чтобы обеспечить своему Джону половину наследства, и был на меня в ярости. Он угрожал мне, говорил, что разоблачит меня, отправит в тюрьму, если я не восполню убытки. Мой план тогда был уже готов. Я уже решил убить Джона вечером пятого января — а тут этот Холл мог испортить все, когда я еще толком не начал. Поэтому я понял, что придется и его убить. И убил.

Если бы мне удалось вытащить его труп из дома, — сказал Артур Крейг, — и бросить где-нибудь, я бы так и сделал. По когда по дому снует столько людей, я не сомневался, что кто-нибудь из них меня увидит. Поэтому я сделал что мог — собрал все, что могло бы указать на его личность или способствовать ее установлению, сжег в камине и надеялся на лучшее.

Теперь веселье покинуло старика. Голова его снова поникла, по на сей раз быстро поднялась.

— Теперь вы знаете все, мистер Куин, — сказал

он. — Как вы намерены со мной поступить?

— Не знаю. — Эллери вытащил еще одну сигарету и уставился на нее. Но потом он посмотрел прямо в глаза старику. — Вообще-то знаю, мистер Крейг. Эти преступления были совершены более двадцати лет назад. Возможно, моя разгадка очень, как вы выразились, умна. Но с юридической точки зрения она столь же и бесполезна. Отсутствуют доказательства в юридическом смысле, которыми можно обосновать арест и судебный процесс. Но даже если бы они и были… Сколько вам лет, сэр?

— Скоро девяносто два стукнет.

— Девяносто два. — Эллери встал. — Полагаю, мистер Крейг, мне следует откланяться.

Старик смотрел не мигая. Потом он трясущимися пальцами полез в какую-то прореху в одежде, извлек старинный кисет и принялся набивать трубку. Эллери спрыгнул с крыльца и начал осторожно спускаться по ступеням.

— Стой, — сказал Артур Б. Крейг. — Погоди-ка минуточку.

— Да?

— У меня своеобразный склад ума, — сказал старик, шаря вокруг себя в поисках спичек. — Можно сказать, активный. И любознательный. В

общем, вроде твоего.

— Да? — повторил Эллери с еле заметной улыбкой.

Старик нашел спички, чиркнул и глубоко затянулся.

— Эдак с час назад, мистер Куин, вы говорили о том, как впервые догадались, что должны обозначать эти двадцать предметов — подарков Джону. Вы сказали, что открыли ваш экземпляр этого подарочного издания стихов Джона, которое я напечатал, и что на титульном листе увидели нечто, подсказавшее вам, что двадцать предметов означают буквы алфавита. Я вот стараюсь вспомнить, что же такое на титульном листе могло вам это подсказать. — Артур Бенджамин Крейг спросил: — Так что же это было, мистер Куин?

— Название вашей фирмы, для которого, как я понимаю, вы взяли собственные свои инициалы, — сказал Эллери. — Эй-Би-Си, иными словами — алфавит.

ВОСЬМОЙ ТОМ

Редакционная коллегия:
Анджапаридзе Г. А.
Кирюшин В. Ф.
Пальцев Н. М.
Скороденко В. А.
Уваров Ю. П.
Чигаров А. А.

БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

РЕКС СТАУТ
ПРОЧИТАВШЕМУ — СМЕРТЬ
РОМАН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР
СОБАКА, КОТОРАЯ ВЫЛА
РОМАН

ЭЛЛЕРИ КУИН
ПОСЛЕДНИЙ УДАР
РОМАН

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1992

ББК 84. 7США

С 78

Перевод с английского
Составление и справки об авторах С. БЕЛОВА
Художник Г. КАПУСТИН
Ответственный редактор Л. ЛЕВКО

С 4703040100—015
078(02)—92 Подписное

© С. Белов. Составление, справки об авторах, 1992
© Г. Капустин. Оформление, 1992.

ISBN 5-235-01949-0

Стаут Р.
С 78 Прочитавшему — смерть: Роман. Гарнер Э. С. Собака, которая выла: Роман. Куин Э. Последний удар: Роман: К сб. в целом: Пер. с англ. / Сост. С. Белов; Худож. Г. Капустин. — М.: Мол. гвардия, 1991. — 618[6] с., ил. — (Б-ка классического зарубеж. детектива: В 14-ти т.; Т. 8).

ISBN 5-235-01949-0 (2-й з-д)

В восьмой том «Библиотеки классического зарубежного детектива» вошли произведения американских писателей Рекса Стаута. Эрла Стенли Гарднера и Эллери Куина.

С 4703040100-015 Подписное
078(09)-91

ББК 84.7 США

ИБ № 7581

Библиотека классического зарубежного детектива
Том 8

Рекс Стаут
ПРОЧИТАВШЕМУ — СМЕРТЬ

Эрл Стенли Гарднер
СОБАКА, КОТОРАЯ ВЫЛА

Эллери Куин
ПОСЛЕДНИЙ удар

Заведующий редакцией **А. Чигаров**
Редактор **Н. Порошина**
Художественные редакторы **В, Штанько,** С. **Курбатов**
Технический редактор **Т. Шельдова**
Корректоры **В. Назарова, Н Панкратова, Т. Пескова**

Сдано в набор 01 08.91 Подписано в печать 23.12.91. Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская

№ 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ л 32,76. Усл. кр. — отт. 33, 18. Учетно-изд. л. 36,1. Тираж 200 000 экз. (100 001–200 000 экз.). Цена 15 руб. Заказ 1213.

Типография акционерного общества «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-01949-0 (2-й з-д)